

АЛЕКСЕЙ НОВОСЁЛОВ

Вселенская Стая

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Алексей Новосёлов

**Вселенская Стая.
Мировоззренческий
фантастический роман**

«Издательские решения»

Новосёлов А.

Вселенская Стая. Мировоззренческий фантастический роман / А. Новосёлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-85476-5

Действие разворачивается в далёком будущем. Люди не помнят своего прошлого и живут чуть ли не в каменном веке. Их численность сократилась катастрофически. Идёт постоянная борьба за выживание среди кровожадных чудовищ, захвативших обозримый мир вокруг. Героям предстоит пробраться в Город, где по слухам имеется определённое средство спасения. Однако по дороге с ними случается необъяснимое...

ISBN 978-5-457-85476-5

© Новосёлов А.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	7
Предисловие от автора	8
Пролог	9
Часть первая. Покинутый мир	11
Глава 1. Возвращение	11
Глава 2. Посёлок	20
Глава 3. Полковник	28
Глава 4. Сотрудничество	35
Глава 5. Переход	44
Глава 6. Прорыв	52
Глава 7. Город	59
Глава 8. Испытание	66
Глава 9. Предложение	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Вселенская Стая Мировоззренческий фантастический роман Алексей Новосёлов

Все концепции, изложенные в книге, являются вымыслом. Слова автора не всегда подразумевают мировоззрение самого автора. Автор не всегда разделяет точку зрения своих героев. Любые совпадения с реальными событиями и людьми случайны.

© Алексей Новосёлов, 2016

© Анастасия Геннадьевна Кунец, иллюстрации, 2016

Редактор Николай Александрович Тютюев

Корректор Николай Александрович Тютюев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Алексей Анатольевич Новосёлов (Ядрышников). Родился 6 апреля 1976 года. Получил финансово-юридическое образование. Живёт и работает в городе Шадринске Курганской области. Творчеством занимается с 2009 года, в свободное время. Принят в Российский союз писателей. Номинирован на Национальную литературную премию «Писатель года 2015». Номинирован на литературную премию «Наследие 2016».

Его книги – это сочетание научно-фантастических идей, библейских истин, мистики, неких философских размышлений, а также невероятных приключений, которые происходят с героями его романов. Моменты подобного совсем нельзя постичь поверхностным восприятием, не погрузившись в них полностью.

Основной уклад повествований проявляется в отражении через фантастику реальной действительности, создании полномасштабного мира будущего, с оригинальностью его описаний, непредсказуемостью и таинственностью бытия, яркими характерами персонажей, их эмоциями, проблемами, переживаниями. События не лишены также и своеобразного юмора.

Автор не останавливается в собственных замыслах и продолжает работу в том же направлении, выстраивая сюжеты, спешит порадовать читателя новыми произведениями.

Предисловие от автора

Действие разворачивается в далёком будущем. Люди не помнят своего прошлого и живут чуть ли не в каменном веке. Их численность сократилась катастрофически. Быт наполнен различными трудностями, которые проявляются в ходе развития сюжета. Идёт постоянная борьба за выживание среди кровожадных чудовищ, захвативших обозримый мир вокруг. Люди вступают в противоречие как с окружающей действительностью, сложившимися обстоятельствами, так и с собственной глупостью, жадностью, гордыней, где побеждает сам человек, его вера в себя, которая помогает преодолеть любые преграды. Персонажи взаимодействуют друг с другом, проявляют характеры, раскрывают секреты прошлых жизней. Героям предстоит разрешить множество вопросов, чтобы в конечном итоге узнать правду о гибели их цивилизации.

Проблемы, затронутые в романе, неразрывно связаны с днём сегодняшним: это расслоение общества на классы – элиты, свободных граждан, простых жителей – и их дальнейшая деградация; незащищённость обитателей Земли от вторжения инопланетного разума, уже многие столетия дающего незримые предпосылки для внедрения таких вероятностных изменений в человеческое сознание; ненависть людей друг к другу, их стремление к власти, богатству, бессмертию, и как далеко это может пойти. Открываются тайны души человеческой, умеющей возрождаться не только в последующих, но и в предыдущих поколениях, способности управления этим механизмом перерождения, существование Вселенной вообще как таковой в целостности и духовном сознании людей, а также наличие других, однако совершенно недружественных людям созданий. Объясняются некоторые имеющиеся по сей день неопределённости в научной сфере познания в виде гипотез и предположений, тонко подводящие читателя к собственным выводам на этот счёт.

В произведении используются как элементы житейского юмора, повседневного быта, страха перед неизвестностью, так и иные глубокомысленные моменты, которые в общей совокупности подвигнут читателя задуматься о смысле и предназначении самой жизни, погрузиться в мир другой действительности, которая может обрести реальное воплощение уже здесь, на нынешней Земле, среди живущих в наши дни людей, перевернув с ног на голову все их представления о вечном и насущном.

Пролог

Жёлтый лист медленно плыл по реке. Сначала один, затем вслед за ним ещё несколько. Они кружились вокруг, словно в последнем быстром танце, то ненадолго погружались в воду, то поднимались опять на дрожащую, покрытую рябью поверхность. Плыли так, один за другим... Наверное наступила осень, если листва была жёлтой, отсвечивающей лёгким багряным румянцем. Ведь исключительно в это время года деревья и лишаются кажущейся им крайне необходимой этой защитной оболочки, образующей величественной кроны, когда окружающим воочию можно наблюдать такое необычное явление, как падающие на землю листья, застилающие буквально всё, никому не нужные и бесполезные в новом изменяющемся мире. Деревья словно сбрасывали с себя лишнюю ношу, освобождались от навязчивого их присутствия, которое впоследствии могло им серьёзно навредить: удерживать на ветвях будущий выпавший снег, способный в свою очередь низко приклонять их к земле, нарушая естественный образ существования.

Было холодно, но не так, чтобы замёрзнуть. И пасмурно. Вот-вот пойдёт дождь, осенний и мелкий, упадёт россыпью с неба. Поднимался ветер, проходил сквозь деревья, заставлял их ветвями цепляться друг за друга и периодически шуметь, издавать необычные, особенные звуки, как будто о чём-то перешёптываться. Он ворошил их отмирающую живительную крону, осыпавшуюся тут же, при малейшем прикосновении отрывающимися листочками вниз, которые падали прямо в реку, а после и вовсе медленно уплывали по течению дальше. Вода же, напротив, выделялась постоянным своим звучанием, но не так резко и отчётливо, как гудели деревья, затихая на незначительные промежутки времени, а несколько по-иному, равномерно и монотонно, просачиваясь через встречающиеся камни так легко, как сквозь деревья проходил ветер. Было хорошо смотреть на огонь, горящие поляны, ветки, сучки, как они необычно потрескивали, пощёлкивали, иногда громко, иногда – чуть слышно, когда пламя поглощало их целиком без остатка, оставляя на обозрение одни только угли, перемигивающиеся красными глазками, в свой черёд постепенно превращающиеся в пепел.

Начинался дождь. Сначала капля за каплей – медленно. Затем, всё более нарастая и усиливаясь, он образовывал некий водяной поток, изливающийся и падающий откуда-то сверху. Сверкнула молния, разделяя свинцовое небо на несколько неровных частей, и вслед за ней прерывисто и раскатисто грянул гром, как бы напоминая о необычайной силе и мощи природы. От дождя на реке появились пузыри. Она словно забурилась, и казалось, что течение в ней стало быстрее и стремительнее. Небо потемнело. Огромные тучи затягивали его, как будто кто-то неведомый и таинственный накрывал небесный купол непроницаемой для света грязно-серой плёнкой, создавал густой полумрак, забирал необходимую для живых существ солнечную энергию. Не стало слышно ранее звучавшего пения птиц, назойливого жужжания и щёлканья насекомых – всё замерло в ожидании чего-то неопределённого, необычного, которое должно было вскоре предстать в полномочном величии своего могущества.

Ветер усиливался, и листья уже не падали в реку, а уносились воздушным потоком далеко за пределы видимости наблюдателя, увлекая за собой также и сухие отломанные ветви деревьев, так и не успевшие долететь до земли. Забурлившая река точно потекла вспять, образуя большие водовороты; выходила из положенного русла и разливалась вокруг, захватывая попутно прилегающие участки суши в свои владения. Она стала подниматься над поверхностью земли выше и выше, кружась в огромном смерче урагана, поглощая собой то, что так или иначе встречалось ей на пути. Словно вся неодолимая сила и мощь природы собралась в единый сгусток разрушительной энергии, который обрушился на весь живой мир, нарушая привычный и размеренный уклад бытия.

«Диковинные же существа появились, совершенно другие, не такие как раньше, ничего не бояться, – думалось ему после того, как он уже своей рукой ощупал внушительные клыки хищника. – Этот шею свернёт и не задумается»

Часть первая. Покинутый мир

Глава 1. Возвращение

Человек ступал по траве легко и незаметно, стараясь издавать как можно меньше звуков, озираясь и всматриваясь в окружающую его темноту. Становилось прохладно и сумрачно. В это время года ночи казались нестерпимо холодными и надвигались так стремительно, что можно было замёрзнуть и остаться в таком лесу уже навсегда. Нужно было возвращаться в посёлок, и как можно скорее. Прodelать подобное стало сложно вместе с прихваченными с собою необычными трофеями, которые выдал с лихвой его старый надёжный товарищ. Но всё равно, этот человек пытался шевелиться быстрее, на что хватало ещё оставшихся сил. Ведь он и так довольно сильно припоздал, пробуя разобраться по дороге с малоизвестным прибором, столь легко и безмятежно полученным в подарок от того же доброго знакомого. Устройство не хотело работать по совести, как ему действительно предписывалось, и тащить тяжёлый мешок на обратном пути ему пришлось буквально на своих плечах. Но что можно было сделать? Он просто не рассчитал время на все эти так непредвиденно возникшие обстоятельства.

Сухая листва под ногами предательски шуршала. Ветви деревьев, беспорядочно разбросанные тут же, издавали зловещий хруст, разносившийся громким эхом по осеннему лесу так, словно отражались от невидимых стен в его глубине. Такие звуки могли привлечь нежелательное внимание обитателей этой земли, встреча с которыми не предвещала ничего хорошего. Впрочем, ничего плохого она также не несла. Разве что только другие, более мелкие и проворные, вездесущие твари могли напасть неожиданно сзади, совсем внезапно, как и полагалось всем подобного рода созданиям. Людьями они, к сожалению, не являлись, как первые, упомянутые выше. С ними нельзя было договориться или как-либо мало-мальски объясниться. Уж они-то представляли опасность намного серьёзнее своих человекообразных конкурентов. Тем не менее, конечное место было уже недалеко, и первые огоньки костров, хотя и слабенько, виднелись на туманном вечернем горизонте, указывая своим светом правильное направление.

Поднимался лёгкий ветерок, означавший достаточно скорую перемену погоды, предвещая собой нечто ужасное и, без сомнений, смертельно опасное, понятное лишь тем, кто жил здесь. Падали белые хлопья, но это был не снег, а скорее пепел, летевший откуда-то издалека и засыпающий собственной массой всю окружающую природу. Листья, лежавшая на земле, сразу потемнела, превращаясь в серовато-жёлтую кашу, которая ещё больше мешала при ходьбе. Возможно, должен был пойти дождь, и не просто дождь, а некое подобие проливной вихревой бури, способной смести на своём пути абсолютно всё. Но до сих пор такого явления не наблюдалось, да и по сути происходящего для его возникновения было уже поздно, так как похолодало довольно сильно. Однако вероятность выпадения осадков всё же присутствовала, и данное страшное обстоятельство, как этот ливень, при пониженной температуре могло обратиться в нечто ещё более худшее и, несомненно, трагически закончиться для запоздалого путника. По всей видимости такое событие должно было начаться очень скоро, через какие-нибудь считанные минуты.

Необходимо сказать, что на свои вылазки этот человек всегда ходил один, хотя подобные мероприятия отнюдь не являлись безопасными. Просто из-за сложности характера он не мог довериться соплеменникам полностью, особенно в таких жизненно-важных вопросах, которые решал сейчас. Не столько уж оттого он поступал подобным образом, что не любил людей, сколько, безусловно, не мог подвергнуть их неоправданному риску, когда

в случае необходимости просто не сможет им помочь. Так ему путешествовалось надёжнее и спокойнее.

Одет же он был в старую потрёпанную кожаную куртку. Штаны, сшитые из плотной джинсовой ткани, также не блистали новизной. Сапоги выглядели уже чуть лучше, были приобретены им недавно, полгода назад, при довольно странных обстоятельствах, не очень-то подходящих для обычного способа добывания вещей. Смена старого обмундирования не являлась такой уж неразрешимой задачей, но всё равно их владелец не спешил, однако, с ними расставаться. Не то чтобы он не хотел чего-нибудь нового, изысканного, просто ему было так удобнее, и, как часто бывает, он не любил менять одежду, пока это не станет крайней необходимостью.

Вскоре путник подошёл к небольшому озеру и остановился на берегу. Зачем он это сделал? О том можно было только догадываться, ведь драгоценного времени с каждым истёкшим мгновением и так становилось всё меньше. Вероятно ему захотелось несколько утолить свою жажду, промочить пересохшее горло и набрать попутно воды, но металлическая фляжка, висевшая на поясе, и без того оказалась полной. Может, тело его серьёзно пострадало, было повреждено, избито, кровоточило или выглядело грязным, и он решил здесь промыть свои раны, сделать необходимую перевязку, чтобы не получить смертоносного заражения. Однако и таких изъянов на его организме не наблюдалось. Скорее всего, он остановился, чтобы попросту безрассудно предаться небольшому отдыху, взять маленькую передышку после долгой дальней дороги и подготовиться к последнему решающему рывку близ посёлка. Он хотел восстановить так необходимые ему жизненные силы, а также, конечно, смыть следы своего тяжёлого, непредсказуемого перехода.

Человек нагнулся над озером, слегка тронув поверхность рукой. Вода в этой части стояла ещё тёплая, словно сохраняла в себе энергию уходящего дня. Он слегка сполоснул лицо, опустил ладони, совсем озябшие от холода, чтобы немного согреть их. После чего достал из рюкзака матерчатую тряпку, тщательно вытер и лицо, и руки, активными движениями придавая ещё больше тепла от растирания кожи.

Когда вода успокоилась, он посмотрел на своё отражение, как в зеркало, и улыбнулся, будто бы нравился сам себе, возможно решив напоследок полюбоваться собою. На него смотрел довольно-таки молодой мужчина, лет тридцати, среднего роста, обычного телосложения, загорелый, с короткой стрижкой тёмно-русых волос и удивительно чёткими, правильными чертами лица. Глаза этого человека, казалось, отсвечивали каким-то сероватым цветом со странными коричневыми вкраплениями. Взгляд же выражал уверенность и твёрдость, какая обычно бывает у людей с большим чувством жизненного долга, моральной ответственности и, по всей видимости, невероятной порядочности. Но небритое лицо и шея выдавали в нём некую неустроенную в житейском плане личность, хотя возможностей для такого благоустройства у него было более чем предостаточно.

«Как приду в посёлок, первым делом обязательно побреюсь, – думал он, в процессе осмотра ощупывая колючую щетину на подбородке. – А то зарос ужасно и чёрт знает на кого стал похож».

Ещё раз натянуто улыбнувшись своему отражению в воде, потихоньку, чтобы не привлекать внимания, человек продолжил путь, двинулся дальше, по привычке озираясь и оглядываясь по сторонам. Этот маршрут он, конечно же, знал, как свои пять пальцев, не помнил, сколько раз его проходил, но на душе всё равно было тревожно. А что, если он не успеет выбраться до темноты?

«Не так уж и долго осталось, – мысленно успокаивал он себя по дороге. – Дойду, обязательно чего-нибудь существенного себе приготовлю. То вся эта столовская еда давно уже в печёнках сидит. Подлинно она не кажется такой вкусной, нежели ранее, по сравнению с той, которую сделаешь себе сам. Хотя, конечно, каждому своё...»

Все его помыслы неизменно сводились только к одному. Как он придёт домой в свою маленькую неказистую, но ставшую ему родной хижину, разведёт яркий живительный огонь в печке, заберётся в кровать под тёплое шерстяное одеяло, забыв все произошедшие за день неприятности. Во всём теле чувствовалась страшная усталость, которая собственной объёмной массой давила на его хрупкое человеческое подсознание, психологически настраивая на неизбежное. Все эти вылазки во внешний мир всегда сильно выматывали организм. Некое состояние напряжённости, да и вся окружающая обстановка сказывались самым отрицательно-губительным образом на здоровье, столь необходимое для дальнейших переходов. Хотя поход в этот раз вполне состоялся, выглядел успешным и прибыльным, правда и был несколько необычным, отличным от прочих других. Бывало и хуже, когда он не приносил домой и десятой части того, что сейчас лежало у него в рюкзаке. Содержимое приятно давило на плечи и спину, оставляя в душе чувство удовлетворённости и предвкушения.

По дороге ему то и дело хотелось остановиться и развязать походный мешок, так как он был весьма голоден, притом до такой неимоверной степени, что начал бы есть прямо сейчас, притом любую пищу, какая подвернулась бы под руку. Но здесь, в таком месте, никак нельзя останавливаться, именно на этом участке маршрута, возле посёлка, вблизи людей. Ему давно слышались завывания возможно следовавших по его следам ужасных и неведомых животных, аппетиту которых можно только позавидовать. Наверняка это ему просто чудилось, очевидно, из-за скопившейся усталости. Но жёлтый свет их глаз будто мелькал пред лицом во тьме, горел, словно блуждающие болотные огоньки, перемигивающиеся между собой завораживающими искорками, закрывая нужное, правильное направление, сбивая с верного пути. Было крайне важно сейчас попасть в бункер, пока его окончательно не закрыли. Во что бы то ни стало он должен дойти...

Тем временем ветер всё более крепчал, продолжал с каждой минутой наращивать свои обороты, стал пронизывать ледяным дыханием так, что от его зловещего прикосновения ломило кости. Повалил хлопьями обильно снег, мокрый и вязкий, подобно тому, как большие куски ваты обволакивают всё тело, облепляют каждый сантиметр плоти рвущегося вперёд существа. Куртка и штаны стали походить на железный панцирь из застывающего алмазного льда, который сильно сковывал движения, заставлял идти намного медленнее, чем прежде. Но путник неумолимо следовал дальше к намеченной цели, преодолевая препятствия, и всё-таки успел вовремя, несмотря на то, что огни костров уже погасли. Он ввалился в бункер еле-еле, как выяснилось позже – самым последним.

– Ну, Андрюха, помилуй бог! И где же тебя черти носят? – возмущённо высказался из темноты задержавшийся ещё на своём посту охранник. Он поднёс к фигуре путника горящий факел, осветил того буквально с головы до ног, невольно заставив поднять вверх свой усталый взгляд. – Совершенно нельзя так наплевательски относиться к своим обязанностям. Разве можно было опаздывать в таком случае?

Перед ним стоял хорошо знакомый седовласый старичок в потёртом камуфляжном комбинезоне, какой обычно носят все представители его профессии, в кепке-бейсболке непонятного тёмно-синего цвета, никоим образом не гармонирующей с его остальной одеждой, и грязных кроссовках, состояние которых также оставляло желать лучшего. Он поглядел на вошедшего снизу вверх, будто сканировал того пристально-острым взглядом своих маленьких хитрых глаз, оправленных для придания впечатлительности толстыми стёклами линз, которые в свою очередь оригинальным способом закреплялись у него прямо на переносице. Хотя на самом деле невысокого роста худой старик носил такие, довольно-таки действенные по своим исключительным свойствам приспособления больше из-за того, что зрение его было очень плохое, практически никуда не годное. Без этих самых стеклышек он абсолютно ничего различить просто не мог.

– Остальные экспедиторы давно уже здесь. Что же тебя так задержало, приятель? – продолжал говорить он, недовольно, совсем уж неестественно покачивая головой, прикрывая массивную дверь бункера и закручивая вслед тяжёлую защёлку замка. – Только тебя специально здесь и поджидаю. Зачем нужно было так рисковать? Сам отлично знаешь все правила.

– Да будет тебе переживать, успел ведь... – слабо пробормотал Андрей, опускаясь на пол вместе с рюкзаком на плечах. – Хоть бы поприветствовал меня сначала для приличия, дядя Коля. Всё в своём расположении духа находишься. Разве ты у нас сегодня дежуришь?

– Ага, специально выпросился, как только узнал, что ты прибываешь, – он лишь весело посмеялся в ответ. – Однако, должен будешь! Угостишь завтра стопочкой-другой коньячку за возвращение. Хорошо, что сейчас моя смена, а то кто другой, кем бы он ни был, на моём месте люк закрыл бы уже давно и не церемонился. По старой памяти я задержался подольше. Всё исключительно из-за тебя, балбеса.

Андрей знал дядю Колю с самого детства и, честно признаться, даже не помнил, каким образом они могли так подружиться. Николай был хорошим собеседником, добрым и весёлым. И приятели частенько по выходным засиживались в баре за кружкой пива или где-нибудь ещё, в другом месте, рассказывая друг другу занимательные истории, говоря обо всём, что так или иначе попадало на их острый язык.

– Грызунов случайно не встретил? – Николай довольно проворно поправил очки, которые за столь малые прошедшее мгновения успели каким-то образом сползти с его мясистого носа вниз. – А то сейчас этих тварей полно развелось. Они стали очень активны в последнее время. Сегодня троих уже отправили в больницу на излечение. Покусали, аж страшно смотреть, – он поморщился, достаточно убедительно изобразив своё недовольство произошедшим. – Недалеко от бункера напали. Хорошо, что охотники были рядом – отбили, а то ей-ей, загрызли бы насмерть. У тебя укусов нет, я надеюсь?

– Этого уж совсем не имеется. Упаси бог меня от такой напасти, – Андрей покачал головой, одновременно в свой черёд показывая выражением лица всё-то плохое, что и сам думает по этому поводу.

– Да, сегодня у Лены работы хоть отбавляй! Чего только они так всполошились, не понимаю. А сам-то ты как на этот раз управился? – поинтересовался старичок, ловко почесав седой затылок прямо сквозь дырку в кепке, но заметив невесёлое уставшее состояние Андрея, махнул рукой, отложив интересующие расспросы на потом. – Ладно, думаю завтра как есть всё расскажешь, а то интересно, однако, узнать подробности. Иди давай лучше быстрее в медпункт на осмотр, пока Лена на месте и никуда не ушла. А я, покамест, тебя здесь подожду. Провожу до дому за одним, то мне после смены всё равно делать нечего...

Николай оказался сегодня в отличном расположении духа, был особенно разговорчив, возможно даже больше, чем в обычные дни, и Андрей это, несомненно, заметил, хотя всем видом старался игнорировать. Но тут в двери бункера что-то неожиданно стукнуло, притом таким громким и пугающим образом, что вот так запросто резко оборвало весь ход его дальнейших размышлений. На мгновение даже почудилось, будто какое-то слишком большое или даже огромное создание испытывает оное сооружение на прочность, пиная по нему со всей силы ногами. Сразу после происшедшего раздался жуткий скрежет, словно кто-то, не жалея ни зубов, ни когтей, намеревался разодрать бункер и ворваться внутрь. Однако двери ни на дюйм не поддавались такому яростному давлению. Сделанные из высокопрочной стали, намертво вмонтированные в ущелье скалы, они давно выдерживали натиск этих незваных гостей.

Николай совершенно не воспринимал такого наглого поведения, и, выкрикивая в их адрес многочисленные ругательства, после зычно и торжественно прибавил:

– Что, уроды, никак не успокоитесь! Вот скоро охотники за вами придут, перестреляют всех к чертям собачьим. То-то будет хорошая добыча. Эх, будь я чуть помоложе – сам бы вас всех поубивал. Голыми руками задушил, ей богу!

Он снова поправил очки и, показав кулак в направлении дверей, нетвёрдым шагом подошёл к Андрею, держа вполне доброжелательно протянутую в его сторону руку, дабы помочь тому подняться. Нужно отметить, что Николая, да, кстати, и самого Андрея, когда тот ещё стоял на ногах, заметно покачивало из стороны в сторону. Как показалось вначале, так и сейчас, этот подозрительный факт вполне подтвердился. Но Андрея качало исключительно от чрезмерной усталости. Николай же на беду был немного подвыпившим и потому его правильная координация движений выглядела явно нарушенной изрядным количеством принятых внутрь горячительных напитков. Несомненно, и несколько эмоциональное, крайне несдержанное проявление своих чувств в отношении обыденных жизненных ситуаций приводило именно к таким мыслям, выявляя на свет истинную причину их возникновения. Тем более, не будем скрывать, подобное за ним частенько водилось.

Андрей, немного прищурившись, взглянул на Николая и, как бы оценивая его теперешнее состояние, проговорил:

– А... Вы опять уже приняли что полагается, дядя Коля?

– Так конец смены, как положено, – ответил он, ничуть не смущаясь. – Немного можно, тем более я тебя ждал. Ты же отлично знаешь, как это трудно бывает – тебя дожидаться. Между прочим, таким как ты тоже не мешает принять пару капель для приличия, да и основательно побриться, а то чёрт знает на кого стал похож! Хотя, можешь и вовсе бороду с усами отрастить. Будешь в точности как наш святой отец проповеди читать.

Николай заулыбался, в очередной раз повторив слова Андрея, которые тот, бывало, высказывал сам. Андрей говорил их всегда, когда собирался бриться, но по каким-то зависящим от него причинам это никак не удавалось сделать.

– Издеваешься, – обиженно откликнулся он, понимая, что Николай лишь в очередной раз посмеялся над ним.

– Даже и не думал нисколько, – хитро вымолвил тот в своё оправдание. – Смотри, тебе же придётся ответ держать пред собственной благодетельницей.

– Ну разумеется, ты как всегда прав. Будет опять масса нареканий в мой адрес.

С этими словами, тяжело вздохнув, Андрей поднялся, естественно, не без дяди Колиной помощи. Оставив рюкзак неподвижно лежать на полу, он побрёл вдоль унылого коридора или, точнее, – расщелины в скале, ведущей напрямую к медпункту. Стены тоннеля были скупо оборудованы тускло горевшими факелами, расставленными на более значительном расстоянии друг от друга, чем это полагалось для нормального освещения. Медицинская комната находилась в самом его конце.

Он открыл тугую скрипучую дверь и вошёл внутрь. Посередине стоял стол довольно внушительных размеров, с множеством размещённых в нём всевозможных ящиков и перегородок. В прошлые разы его посещения такого безобразия здесь явно не наблюдалось. Хотя на столе и лежала уйма предметов различного назначения, на нём оставалось ещё много свободного места, вероятно оставленного для чего-то более важного. Чуть поодаль, возле стены, находилось два стула, установленных сидениями друг напротив друга. Такое бестолковое их расположение наглядно свидетельствовало о некоем рабочем беспорядке, частенько присутствовавшем здесь в беспокойные времена нападений злобных хищников. Дальше, уже возле другой стены, располагался знакомый стеклянный шкаф, наполненный изобилием всяческих микстур, таблеток и банок, очевидно, крайне необходимых для возвращения должного здоровья всем пострадавшим в кровавых переделках.

«Добротный склад тут организовали, – с некоторой долей сарказма подумал вошедший экспедитор. – Понатаскали разного барахла отовсюду, что простому смертному и за неделю

не разобраться. И как только Лена со своими баночками здесь управляется? Хотя если знать, как оно всё делается, то, конечно, можно освоиться».

Неспешные мысли Андрея, и без того немало повидавшего на своём веку, были оборваны неким невесёлым обстоятельством, поразившим его до глубины души, введшим в состояние даже лёгкого оцепенения. В самом углу комнаты он увидел лежащего на кушетке человека, руки и ноги которого, а также и грудь были прочно зафиксированы с помощью крепких ремней безопасности. Судорога пронизывала всё его тело, заставляя лихорадочно содрогаться. Слабо издавая какие-то нечленораздельные звуки, тот выпускал изо рта пену, идущую оттуда большими пузырями. Глаза были широко открыты. Их взгляд выражал полную безучастность, соответствующую нехорошему состоянию их владельца, так, что представить себя на его месте хоть на мгновение было страшно. Они выглядели слишком уж красными, будто ещё гуще наливались кровью, при этом норовили вылезти из собственных орбит.

Лены, несмотря на видимую обстановку дел, на месте не оказалось. Однако уже дальше, в смежной комнате, вполне отчётливо прослушивались какие-то тихие и спокойные голоса.

– Тут есть кто-нибудь? – Андрей прокашлялся, будто таким способом давал понять, что зашёл сюда не просто так.

– ...Нужно будет ещё антибиотиков и сульфаниламидных препаратов, – раздавался издали приятный женский голос. – В следующий раз пойдёшь – не забудь обязательно забирать, я тебе даже список напишу, чего нам действительно не хватает.

То была Лена, ростом – чуть выше среднего, тонкая и стройная, в белоснежном халате. Она вошла в комнату, где её и дожидался Андрей. Вслед за ней вышел какой-то незнакомый молодой человек, держа полупустой рюкзак из грубой мешковины, прихватив его за горловину мускулистой рукой.

– Хорошо-хорошо, Леночка, – быстро проговорил он, смотря на неё во все глаза и как бы виновато перед ней оправдываясь. – В следующий раз непременно зайду. Ради такого случая как к вам не пожаловать. Эдакое взаимопонимание не часто встретишь в нашем мире.

Тут мужчина осторожно покосился на Андрея, подозрительно оглядел его с головы до ног, однако после протянул руку для приветствия.

– Как экспедиция? – чисто машинально поинтересовался он, сразу намереваясь проследовать к двери и покинуть помещение уже окончательно.

– Нормально, бывало и хуже.

Андрей лишь удивлённо обернулся вслед, желая продолжить начатое общение, но тот, не слушая нового знакомого, исчез и, по видимости, очутившись за порогом, уже шёл по коридору прочь.

– Заждались тут тебя... Однако куда это ты запропастился? Жаль будет потерять такого хорошего экспедитора, – полушутливым тоном сказала Лена, едва заметно улыбнувшись лишь уголком рта, в то самое время легко, но необычайно пристально заглянув ему в лицо.

Веки её раскрылись, являя в свет большие карие глаза, тонкий пронзительный взор которых устремился глубоко внутрь, забираясь точно в душу, достигая глубин самого сердца. Такое действие могло походить на какую-либо ответную реакцию, выразившуюся в её лёгкой иронии или насмешке, так неуместно здесь представленную за явным недостатком слов и вызванную проявлениями излишнего внимания к своей загадочной внешности. Однако уже через секунду она сидела за столом и лишь изредка плавно хлопала ресницами, созерцая большую замасленную тетрадь, открыв её на требуемой странице, и быстро, почти автоматически, отыскав там нужную регистрационную запись.

– Ну, давай, проходи, присаживайся, посмотрю на тебя, – выдала она наконец, спустя какое-то время.

Андрей взял у стены стул и сел на него, не отводя взгляда от улыбающейся, доброжелательно настроенной Елены, всегда поражавшей его ощутимым спокойствием, уверенностью и одновременно некоторой непринуждённостью. Её длинные светло-русые волосы были сведены назад, зафиксированы вместе большой заколкой-крабом. Они будто излучали какое-то уже собственное свечение, хотя на самом деле это было лишь отражение яркого света факелов, расставленных по периметру комнаты. Изначально предполагалось, что Лене было всего двадцать – двадцать пять лет, но в действительности ей исполнилось уже тридцать. Лицо выглядело небольшим, с маленьким ртом и тонкими губами, и на фоне его глаза казались ещё больше. Это нисколько её не портило, а наоборот – смотрелось обворожительно и необычайно привлекательно. Андрей невольно залюбовался такой её красотой. Впрочем, как ему думалось, ею восхищались все без исключения мужчины в посёлке, а может быть – и далеко за его пределами.

Лена вышла из-за стола, подошла ближе и в очередной раз внимательно посмотрела ему в глаза.

– Белки чуть красноватые, – загадочно произнесла она, достала из-за спины небольшое приспособление, после приставив Андрею к животу.

Прибор яростно и эффектно затрещал, разрываясь от собственного звучания, отразившегося от стен комнаты громким насыщенным эхом.

– Ну вот и ладненько. Показания лучше, чем в прошлый раз.

Лена убрала устройство в карман, вернулась обратно за стол и принялась что-то усердно записывать в своей тетрадке. Закончив, она достала из ящика небольшой стеклянный флакончик с лекарством и протянула его Андрею.

– Вот, будешь принимать утром и вечером по одной капсуле в течение недели. Это снимет рвотные рефлексы и другие нежелательные последствия перехода.

– Хорошо, как скажешь... – весело согласился он, вставая с готовностью со стула и собираясь незамедлительно проследовать к выходу.

Лена явно возмутилась принятому им подобному решению.

– Да посиди ты со мной хоть немного, – молвила она мягким голосом, успокаивая, взяв его за руку. – Куда убегаешь? Необходимо ещё кое-что сделать. Или ты не помнишь всей своей процедуры реабилитации.

Тут она встала и подошла к стеклянному шкафу, на полке которого лежал пистолет с заранее приготовленной в нём ампулой. Андрея передёрнуло только от одного вида такого средства медицины, какое представляло это знакомое устройство. Нельзя было сказать, что действие его являлось особо болезненным либо пугающим, но он просто рефлекторно не мог терпеть никакие уколы, ни в каком виде их не переносил, однако всё же, переборов себя, «мужественно» закатал рукав куртки. Стараясь чем-нибудь отвлечься от эдакой, как ему виделось в тот момент, страшной экзекуции, Андрей попытался продолжить разговор и далее, на любую тему, пускай совершенно не относящуюся к реальной действительности, спрашивая её без необходимой на то весомой причины:

– Что же это приключилось? С тем экспедитором, который лежит у тебя на кушетке? – он указал рукой на человека в углу комнаты. – И почему его личность не кажется мне знакомой?

– Ты сам будто не знаешь? – отвечала она, нажимая кнопку пистолета, моментально приставленного к плечу её подопечного так, что тот толком и сообразить не успел, как данное устройство очутилось около него. – Всё как обычно: здесь грызуны поработали. Видишь, повязку ему наложила. Этого незнакомца я тут и сама впервые вижу. Возможно, из близле-

жащего посёлка прибился. Но наши охотники всё равно не оставили его без внимания, да и я в силу своих обязанностей не могла отказать в помощи и не обработать рану.

Действительно, у больного была надорвана правая штанина, и оттуда выглядывал большой кусок ваты, обильно пропитанный лекарством жёлтого цвета, который в свою очередь был туго привязан бинтом к голени. Его ещё подёргивало, хотя уже не так сильно, как раньше. Теперь пострадавший лежал молча, плотно сжав зубы, впрочем, так до сих пор не соизволив закрыть глаза, страшно при этом отворотив взгляд в сторону.

– Ничего, через полчаса отойдёт. Я вколола ему сыворотку. Очень жаль, но грызун всё же успел впрыснуть ему свой яд. Ты разве не помнишь, как сам так лежал?

«Да уж, конечно, такое навряд ли забудешь», – подумал Андрей, ощущая теперь и само скверное ужасное состояние, в каком он находился недавно весной, когда и случилось обострение активности этих паразитов. В тот момент будто вся жизнь проносилась у него перед глазами. Было беспокойно и страшно. У Андрея даже заныл левый бок, словно напоминая ему о недавно произошедшей трагедии. Тогда ситуация выглядела намного серьезнее. Но его спасли.

– Да, и не забывай принимать таблетки, если не хочешь более худших последствий, – предупредила его напоследок Лена. – Завтра зайдёшь – поставлю ещё укол. И очень тебя прошу не уклоняться от этих необходимых предписаний. То ведь сам знаешь, что пренебрежение правилами может закончиться весьма печально.

Он сразу, словно испугавшись её предостережений, открыл стеклянный пузырёк с лекарством, сняв с него пластмассовую крышечку, извлёк оттуда капсулу, положил на язык и, не запивая водой, проглотил, чувствуя, как та не торопясь проходит по пищеводу в желудок.

– Водички дать запить? – побеспокоилась Лена, шутливо улыбаясь уходящему экспедитору вслед. – Подавишься ещё...

– Спасибо не надо, – сухо проговорил он и вышел в коридор.

«Симпатичная девушка, – размышлял он дорогой. – Почему только не замужем – непонятно, но если бы она захотела... – тут мысли в его голове начали путаться. – Рискнуть и завести с ней небольшой роман. Лена вполне хороша собой, да и моё отношение к общению – свободное. Впрочем, я для неё очередной пациент, не заслуживающий какого бы то ни было особого внимания. Но потом, впоследствии, можно будет и попробовать, ничего страшного в этом я не вижу».

Андрей не заметил, как вошёл в зал, где его нетерпеливо дожидался Николай. Тот занимался лишь тем, что ловко закручивал крышку своей очередной пластиковой бутылочки с содержимым подозрительно прозрачного цвета, от которого и так ничего не осталось. Заметив Андрея, он предусмотрительно-заботливо спрятал её за пазуху.

– Я думал, что ты никогда не вернёшься, – улыбаясь, сказал он, принявшись сразу протирать платочком очки. – Хотел было уже идти за тобой, спасать от чар нашей прекрасной Елены.

Андрей немного смутился от такого высказывания, став тотчас красным как рак.

– Ты бы не пил больше, дядя Коля, а то жена опять будет из дому выгонять... – вздохнув, пробурчал он в ответ, желая поскорее переключиться на другую тему для разговора, замечая попутно взглядом одноразовый стаканчик, наполовину заполненный непонятной прозрачной жидкостью, вероятно, той же самой, какая находилась в бутылке.

Стаканчик одиноко стоял на столе, как и положено чуть поодаль от своего истинного владельца, чтобы своим провокационным видом не вызывать нежелательных подозрений.

– Она – меня?! Да я скорее сам её выгоню! Эх, если бы ты знал, Андрюша, как она мне надоела, хуже собаки. Сил моих больше не осталось её терпеть.

Николай взял стаканчик в руки и, крикнув, принял в себя налитое его содержимое, после чего закрыл нос и рот рукавом куртки.

– Сам-то не желаешь выпить после перехода? Водка настоящая, не суррогат. Все токсины выгонит, даже и не заметишь.

– Нет уж, спасибо. И так еле на ногах стою. Давай уж завтра, когда отдохну, выплюсь, как следует... Ты лучше расскажи, какие события происходили тут без меня.

Андрей нагнулся за рюкзаком, который оказался слишком уж неподъемным, таким, что наш отважный экспедитор кое-как взвалил его себе на плечи. У него аж потемнело в глазах.

«Как я рюкзак-то донёс, не понимаю, тяжесть невероятная? Наверное, какие-нибудь сверхъестественные силы в очередной раз помогли мне его дотащить, – злорадно посмеялся он над собой. – Хорошо же Палыч, однако, позаботился, так сказать, постарался, облегчив мне его наполовину. Без его помощи я бы уж точно не добрался бы до дому, не пересёк эту чрезмерно оживлённую местность с грызунами, как грибами после дождя рассаженными на ней в каждом кусту. Чего, правда, в этот год их так много развелось?»

Когда у Андрея в голове прояснилось, и ход мыслей вернулся в правильное русло, он, наконец, услышал, что Николай уже вовсю что-то оживлённо и красноречиво ему втолковывал:

– ...И вот она, испытывая непреодолимое желание сделать мне подлость, что есть дури бьёт меня сковородой по голове! Хорошо, что это у неё получилось не очень сильно. Как ты себе такое представляешь? Напилась сама до невменяемости, а я ещё и виноватым остался?! Нет, сегодня я домой и сам не пойду. Надоело мне уже, пусть живёт, как хочет. Ухожу я от неё однозначно.

– Да, конечно, так и нужно сделать, – поддерживая разговор, устало согласился Андрей, зевая во всё горло. – Давно надо было, раз такое дело у вас творится. Как подобное можно терпеть?

Андрей знал, что Николай от своей жены уходить вовсе не собирается, так как все изложенные факты происходили у них далеко не в первый раз. И время от времени Николай, как обычно такое бывало, жаловался на выходки собственной супруги по тому или иному обстоятельству их совместной семейной жизни.

Глава 2. Посёлок

Некоторое время спустя как никогда понимающие друг друга наши хорошие приятели двинулись в свой неблизкий путь единственной дорогой, протянувшейся тёмной извилистой лентой точно между отвесными выступами скал. Лишь изредка фигуры путников озарялись тусклым светом керосиновых ламп, закреплённых невероятным образом прямо тут же, в углублениях и трещинах причудливых туннелей. Огромные, свисающие сверху сосульки белого известняка, казалось, своей тенью цепляли их острыми краями за макушки, проходили поверх человеческих голов, словно большие ножи, скользящие сквозь сливочное масло, будто бы чуточку, лишь на мгновение, прикасаясь к ним в действительности, привольно перебирая волосы лёгким движением ветра. Дорога вела напрямую под землю, в ту её особенную часть, где и пыталась укрыться от опасностей внешнего мира, более или менее обустроить свою жизнь, оставшаяся немногочисленная группа их соплеменников, наперекор неприятностям продолжавшая бороться за существование в этом страшном суровом мире.

Но люди, обитавшие внизу, по крайней мере, двое из них, возвращающихся обратно, вовсе не унывали от такого печального положения дел, а скорее напротив, пребывали в достаточно возбуждённом и радостном состоянии. Николай, немного прихрамывая, стараясь, как виделось ему в тот момент, помочь Андрею нести его тяжёлый походный мешок. Хотя со стороны подобные действия выглядели совсем наоборот, и уже Андрей вместе с рюкзаком тащил на себе подвыпившего дядю Колю до дому. Тот давно снял свою кепку и, удерживая её между пальцами, оживлённо размахивал ею в разные стороны, перекладывая по мере надобности из одной руки в другую, а заодно и пересказывал попутчику все собранные им сплетни и слухи, возникшие за время его отсутствия.

– И вот, пока ты благоволил шараться по разным значным местам нашего мегаполиса, Оксана неприличными вопросами меня извела совсем. Ты не согласишься! Бегают ко мне каждый день, да не по разу. Как за правило взяла. И что самое главное – всё курит и курит. Ты ведь знаешь, что после того как я бросил курить, я совершенно не могу переносить дыма этих злосчастных сигарет. Просто всего наизнанку так и выворачивает, – Николай начал изображать, как данный факт стал ему неприятен.

– И какими это вопросами, интересно, она тебя мучает последнее время? – иронично полюбопытствовал у него Андрей, почёсывая затылок и посмеиваясь над ним себе под нос. – Уж не хочет ли она случаев предложить тебе чего-нибудь эдакого непристойного?

– Да бог с тобою! Оксана просто таким образом мужа своего искала. Как ты ушёл, тот два дня дома не показывался, – быстро в оправдание выкрикнул Петрович, с испугу махая от смелого предположения руками. – Вот она его и вылавливает. А я и знать не знаю, куда он подевался. Бегают, ругаются на чём свет стоит, а что поделаешь, если он таков и есть. Весь посёлок кверху дном перевернула: где он да что с ним? Видели того в баре сначала – так Людмила твоя сказала, сам уж придумывать не смею. Затем у Натальи в гостях пропал, поговаривают. А та, само собой, отрицает всё. Здесь Оксана, наверное, накрутила себе больше. Потом ещё где-то, я уж в подробности не вдавался. Это всё мать ей на мозги капает. Оксана слушает её, сам вероятно в курсе, как не бог вести кого. Да и характер не сахар – так уж вообще плохо делается. Ты же знаешь Оксану, она заполошная, что если задумает – уж никакими силами переубедить невозможно, – тут Николай ухмыльнулся и уверенно переместил кепку из правой руки в левую. – Ещё в прошлый раз, спасаясь от неё, тот в бочку из-под воды залез. Обнаружила ведь! А сейчас два дня уже ищет, не может его отыскать. Вот ведь как оно получается.

– А что если действительно с ним что-нибудь плохое произошло? – обеспокоенно предположил Андрей, в изумлении поднимая глаза на собеседника.

– Ха, да куда он, небось, денется! Сидит с какой-нибудь очередной компанией да водочку попивает, – уверенно выразился так Николай. – Не в первый раз такое дело.

– Ну а охотников она спрашивала? Может куда с ними подался?

– Так ведь никто ничего толком-то и не говорит. Или не знают, или скрывают, памятуя характер Оксаны, что потом сами крайними и останутся, – Николай тут ненадолго задумался, а затем мрачно прибавил: – Навряд ли он куда-нибудь из посёлка денется, особенно сейчас, в такое время. Иное, мягко сказать, было бы просто неразумным.

– Да и пусть себе гуляет. Перебесится – после всё нормально будет, – вознамерился заверить его Андрей.

– Вот и Оксана второго ребёнка хочет завести, чтобы как-нибудь мужа своего образумить. А тому всё равно. Мама, естественно, против высказывается. Говорит, что ежели сейчас ему на них наплевать, и на неё, и на ребёнка, то как только будет ещё один, он уж совсем на шею сядет. Это я, к примеру, могу пьянствовать, жизнь свою прожил, а ему всё равно как-то надо брать себя в руки. С другой стороны – они его просто достали своими придирками. Поливают грязью с головы до ног по всему посёлку. Кто же такое способен выдержать? – Николай обречённо вздохнул, возвращая измятую кепку обратно на голову. – Сложная ситуация, без пол-литра точно не разберёшься.

Далее друзья неожиданно притихли и шли молча, видимо собираясь с мыслями, ни о чём особо не разговаривали, пока тема для их непосредственно-близкого общения не нашлась сама собой.

– Домочадцев моих не проводывал случайно? – поинтересовался Андрей с чувством крайне возникшего беспокойства, таким вопросом явственно выказывая заботу об оставленных ближних. – А то, как они тут без меня обходились? Хотя прошло не так и много времени, но всё равно волнительно. Сам ведь знаешь.

– Конечно знаю. Вполне понимаю. Заходил, естественно, как не зайти, – со знанием дела отвечал Николай. – Всё хорошо: мать и сестра живы, здоровы. Напоили меня чаем, а я конфеты принёс. Сам не желаешь конфетку отведать, а то они на всякий случай у меня всегда с собой? – посмеявшись, предложил он, и, не дожидаясь ответа, сунул несколько карамелек Андрею в карман.

– Да мне-то зачем?! Не нужно, не люблю я сладкого! – запротестовал было тот, пробуя вернуть гостинец обратно. Но видя, что из этой затеи ничего толкового не получится, он прекратил безуспешные попытки, оставив конфеты в кармане.

– Спасибо, что навестил их, дядя Коля, – поблагодарил он напоследок, в завершение всех проводимых манипуляций.

– Ой, да какие проблемы? Посидели, чаю попили, о тебе поговорили. Мог бы даже и не спрашивать. Не первый раз такое дело. Я ведь всегда знаю, когда ты уходишь...

Они ещё долго говорили о разных, не существенных в данный момент событиях, жизненных мелочах и проблемах, о которых часто любят рассуждать люди, чтобы по обыкновению скоротать время, находясь в процессе какого-нибудь долгого и нежелательного занятия. Ведь Николай был крайне одиноким человеком, хоть и сам определился пребывать возле своей скандальной сварливой жены, подобно тому как нитка прочно сидит в иглке. Так или иначе, но он всеми силами стремился в полной мере обрести в её лице некую дружескую поддержку. Сам того не замечая, Николай сильно привязался и к Андрею, испытывая в отношении него в какой-то степени полноценные родственные чувства. Андрей даже и не думал противиться этой тёплой его восприимчивости, а скорее был искренне рад иметь такого хорошего старшего друга, с которым можно было всегда посоветоваться, да и к тому же просто по-приятельски поболтать. Ведь родных детей у Николая не было. Младший из двоих сыновей трагически погиб на охоте, когда их отряд наткнулся на многочисленное скопище грызунов около посёлка, и спасти его не представилось возможным. Другой пропал уже

в самой экспедиции. Уходя в Город, он просто не вернулся назад, как это происходило почти со всеми снабженцами в конечном итоге. Возможно Николай и тешил себя некоторой надеждой на то, что старший сын всё-таки объявится когда-нибудь, но почему-то с каждым годом таких иллюзий у него становилось всё меньше. Потерю должен был кто-то восполнить, и вся забота и внимание с его стороны доставались исключительно Андрею, единственному близкому человеку такого подходящего молодого возраста.

За разговорами приятели не заметили, как вышли из очередного угрюмого сумрачного туннеля на открытую местность, преодолев, кстати, довольно значительное расстояние. Посёлок располагался в низине подземного плато, со всех сторон окружённого высочайшими, скрывающими его истинное положение отвесными скалами. Путники находились внутри огромного, хорошо укрепленного периметра, достойно служившего убежищем для такой, чудом уцелевшей немногочисленной группы людей, защищённых естественным образом от ужасов внешнего мира. Иногда, правда, в их обитель наведывались летучие мыши, выискивая, чем поживиться, но подобное их нападение не представляло особой проблемы для охотников, дежуривших на своих постах круглыми сутками. Грызуны же пробраться сюда не могли по причине неумения перемещаться по воздуху, как их ближайшие сородичи, упомянутые выше. Да и собственно большего рвения от этих тварей ожидать было трудно, так как вся техническая оснащённость посёлка позволяла жителям чувствовать себя вполне свободно, тем более что активность остальных злобных хищников отмечалась значительно меньше.

Андрей на секунду остановился, осматривая окрестности с небольшой высоты. Посёлок предстал пред ним как на ладони. Повсюду горели костры, освещая тусклым призрачным светом маленькие убогие хижины, церковь, бар, больницу, другие общественные строения, служившие различным целям, но в совокупности выполняющие единое дело по обеспечению и поддержанию жизни в посёлке. Здания, почти все, так или иначе располагались вокруг небольшого подземного озера, служившего источником столь необходимой людям чистой воды. Теперь лишь нужно было как можно быстрее спуститься с этой небольшой горки по тропинке вниз, чтобы попасть домой. А там до родной лачуги будет и рукой подать. Друзья, конечно же, поспешили продолжить движение, утопая ногами в мягком песке, старавшемся затянуть их в свои объятия.

Довольно скоро наши путники, усталые, но довольные, оказались возле этого блистающего ровного озера, подобно огромному зеркалу растянувшегося по всей площади обозримого пространства вокруг. Вода в нём переливалась красноватыми отблесками – отражением горевших костров, словно лучиками проступивших шероховатых неровностей, игры искривления и преломления света, некоего завораживающего причудливого узора, созданного природой для истинного восхищения ею. Проплывали, проступали из тумана знакомые до боли ветхие домики соплеменников, сооружённые в основном из камней, чередуясь со стволами деревьев, сухой травой, остатками шкур животных и прочего ненужного мусора. Оград или заборов, хоть как-то разделяющих одно хозяйство от другого, не наблюдалось. Впрочем, этого и не нужно было. Люди тут хорошо знали друг друга и доверяли любому жителю посёлка, так как существовали совместно.

На улице становилось пустынно. Хозяева, должно быть, находились в собственных хижинах и занимались какими-нибудь неотложными занятиями. Рыбаки готовили снасти к завтрашней ловле либо потрошили рыбу для засолки и дальнейшего хранения. Охотники точили ножи, топоры, стрелы арбалетов. Земледельцы раскладывали возле жилищ для просушки клубни и корни растений, чтобы продать или обменять их на небольшом рынке. Мясники разделяли туши животных, разделяли по частям шкуру, мясо, кости, внутренности.

– Эй, Петрович, здорово! – прокричал издалека чей-то звонкий голос, столь бесцеремонно обратившийся к Николаю.

Тот поднял руку в знак приветствия, повертел головой туда-сюда, пытаясь оглядеться и определить, откуда именно доносится такая речь. Но ничего толкового так для себя не отметив, махнул рукой и с нескрываемым сожалением направился дальше.

Андрей же остановился. Обернувшись назад, он увидел, что вдалеке начал прорисовываться женский силуэт, который достаточно быстро, можно отметить – с невероятной скоростью – приближался именно к ним. Как определил наш экспедитор – это была та самая Оксана, которой они с дядей Колей дорогой перемыли все косточки. Если судить по внешности, то на первый взгляд она могла показаться девушкой вполне обычной, лет тридцати, невысокого роста, но довольно крепкого телосложения. Лицо её выглядело несколько смуглым с чуть выступающими веснушками. Волосы были коротко подстрижены и виделись в приятном каштановом свете, но, к сожалению, отсвечивали ещё каким-то нехорошим светло-рыжим оттенком. Однако если присмотреться к ней поближе и мало-мальски с нею пообщаться, то сразу выявлялись некоторые странности в её поведении: спешность при разговоре, беспричинная суетливость, беспокойство, возможно, неудовлетворённость сложившимися обстоятельствами, а также постоянный страх остаться без необходимых средств к существованию. Даже в одежде её чувствовалась какая-то излишняя предусмотрительность. Несмотря на то, что в посёлке почти не ощущалось холода, на ней были надеты тёплая куртка-ветровка, тяжёлые ватные штаны и кожаные зимние ботинки на прочной толстой подошве.

– Привет, Андрюха! – немного запыхавшись, сказала она. – Только что из Города объявился? Что-то поздновато для такого твоего возвращения! Где же ты задержался, позволю полюбопытствовать?

Естественно, не дождавшись от него чёткого вразумительного ответа, либо больше от своего врождённого нетерпения, либо от желания поделиться с ещё одним встреченным ею знакомым собственными искренними переживаниями, которые необычайно сильно переполняли в тот момент всё её сердце и душу, она, негодуя, продолжила:

– Ты знаешь, что мой муженёк аж целых два дня дома не ночевал! Вот же скотина какая! Сегодня под вечер только объявился. Тебе дядя Коля, наверное, всё рассказал. Вообще обнаглел, прямо не знаю, что с ним и делать.

– Ага, я же говорил, что он никуда из посёлка не денется, а ты всё беспокоиться изволишь, – воротившись назад, тут же вмешался в разговор Николай Петрович. – Сама-то чего так поздно на улице делаешь? Опасно сейчас так вот запросто по вечерам выходить.

– Да вот, думала вас встретить. А то мой суженый наконец-то уснул, – не торопясь отвечала она. – Что я буду дома одна сидеть? Хотела ещё к Любашке зайти поболтать.

Оксана достала сигарету, затем закурила, много раз суетливо чиркая зажигалкой в темноте.

– Знаешь, Андрей, а ведь, говорят, скоро конец света наступить должен! Ничего об этом не слышал? – на эмоциях провозгласила она, выпустив очередную порцию дыма. – Не наблюдал по дороге каких-нибудь там изменений, предзнаменований, в конце концов, возникших из ниоткуда? Может в Городе чего необычное появилось?

– Чего это ты вдруг этим заинтересовалась? – удивлённо-настороженно спросил её тот, однако после, видимо опомнившись, спешно и возмущённо прибавил: – Да какой конец света, Оксана! Кто тебе подобное мог сказать? Всё стоит на своих местах, как и положено.

– Вот-вот, она такими вопросами мне уже все уши прожужжала, – громко произнёс Николай, показывая в её сторону с чувством необычайной скорби на лице, будто именно в этом и заключался весь смысл его дальнейшего существования. – Как только у неё на болтовню сил хватает.

– Нет, ну а всё-таки? Что вы по этому поводу думаете? Ведь наверняка, состоите в курсе происходящего, – тем не менее не унималась она, но, поглядев на недовольные лица собеседников, всё же отступила. – Ну хорошо, хорошо, спрошу уж у кого-нибудь другого, ежели ко мне такое отношение испытываете.

Однако её любопытство продолжило неистовствовать и далее, завлекая подключаться уже в иную область расспросов:

– А что ты принёс, Андрей? Наверняка нечто полезное? Вон рюкзак забит под завязку! Давай наймём экспедицию до ближайшего поселения, а я ещё чего-нибудь эдакое раздобуду. Хороший обмен можно сделать. С соседями как раз торговать нужно, и выручка неплохая получится.

– Опять ты о своём! Завтра поговорите, а то, видишь, Андрей сильно устал с дороги, – хитро улыбнувшись, вступился за него Николай. – Ему бы отдохнуть нужно, выспаться как следует, а ты так сразу на него и наехала.

– Хватит тебе, дядя Коля, ворчать. Мы и тебя с собою возьмём, если хочешь, за компанию. Всё равно как-нибудь да пригодишься, – тут она понадеялась немного его успокоить, но этим разозлила ещё больше.

– В качестве кого, интересно? – усмехнулся тот, совсем уж подозрительно отнесшись к подобному её высказыванию. – Пойдём-ка Андрей лучше домой, а то утром и впрямь нужно вставать пораньше. К чему нам слушать такие несносные речи.

– Хорошо, Оксана, давай уж, действительно до завтра отложим все дела. А то сейчас поздно, и я очень плохо соображаю, – с явным трудом выговорил он, признательно посмотрев на Николая, чувствуя, как усталость медленно и неотвратимо расплзается по всему его телу.

– Ну и правильно! Потому что ходишь один. Вот если бы вместе с кем-нибудь, да ещё полной экспедицией, тогда было бы намного легче...

Андрей повернулся в сторону Оксаны, хотел чего-либо добавить в своё оправдание, но, к сожалению, такую интересную особу уже не увидел. К удивлению многих за ней водилось это необычное свойство, часто происходившее с её организмом в целом. Каким-то странным, неведомым образом она просто исчезла с поля зрения, хотя находились они определённо на открытой местности. Куда-либо скрыться, забежать, например, за скалу, спрятаться в пещере либо войти в дом она не могла по причине элементарного отсутствия таковых укрытий поблизости. Её, как говорится, и след простыл.

«Просто мистика какая-то, – размышлял Андрей, следуя за идущим впереди Николаем. – К её внезапному исчезновению мне никогда не привыкнуть будет. Как ловко это у неё получается».

Догнал он дядю Колю только возле своего дома. Тот довольно-таки проворно для своего возраста и состояния убежал далеко вперёд, на слишком уж приличную от него дистанцию.

– Хорошо. Отдыхай, как следует. Завтра зайду обязательно тебя навестить, – обратился Николай к нему напоследок, медленно, точно заклинание, проговаривая слова. – А я ещё к Василию заскочу на чуток. Поговорим с ним о том о сём...

«Ох уж, знаю я все ваши разговоры, – думал Андрей, направляясь напрямик к своей хижине. – Ищите с кем бы выпить, Николай Петрович!»

Однако он остановился на минуту и посмотрел уходящему старику вслед. Тот, прихрамывая, не торопясь, шёл по тропинке вперёд, удалялся от него всё дальше. Андрею в очередной раз стало не по себе. Ведь все дяди Колины эмоции выглядели неестественно: откровенно острые шутки, громко поставленный голос, показной смех – и в глубине души он оставался грустным и несчастным человеком. И пил-то Николай в основном больше от одиночества. Он вполне мог бы сидеть дома, как, к примеру, его друг Василий, но подобное

решение было бы явно не в его характере. И дело заключалось даже не в материальной заинтересованности. Николай хотел общения, желал что-либо делать, чем-нибудь заниматься, участвовать в жизни посёлка и быть хоть немного полезным обществу.

Андрей зашёл в дом и зажёл лампу. Всё выглядело как прежде, когда он уходил, и оставалось нетронутым. Справа от двери, у единственного в хижине окна, затянутого плёнкой, находился небольшой деревянный стол с двумя табуретами. Чуть дальше за ним располагалась печка, сложенная из камня, с вмонтированной в неё плитой для приготовления пищи. Рядом с печкой возле стены стояла кровать, безусловно, являющаяся для него сейчас самым важным предметом мебели из всего перечисленного.

Он снял рюкзак, оставив его стоять неподвижно, в углу возле дверей, затем вышел во двор, набрал немного дров, после вернулся и затопил печь. В доме воцарилось ощущение уюта и тепла. Андрей поставил на плиту чайник. Затем принялся разбирать содержимое рюкзака, установив тот возле себя на табурет, начал выкладывать на стол жестяные и пластиковые предметы: несколько бутылок подсолнечного масла, пять упаковок яиц, около двух десятков банок тушёной говядины и зелёного горошка. Достал он и запаянную в упаковке колбасу, уже нарезанную и очищенную, различные пакетики со специями: перец, укроп, петрушку, чеснок. Тут была и головка сыра, щедро облитая воском, сахар-рафинад, немного чая, кофе, и, конечно же, несколько блоков сигарет и бутылок коньяка, имеющих гораздо более высокую ценность, чем все остальные продукты.

Совершенно обессиленный, но удовлетворённый походом, наш успешный экспедитор хотел сразу, как ни в чём не бывало, отправиться спать, но переполнявшее его чувство голода оказалось сильнее. Он открыл бутылку с маслом, налил немного его на сковороду, стоявшую на плите, добавил, нарезав крупными кусками, луковицу. Чайник уже закипел, и Андрей как можно скорее положил в приготовленную для таких целей банку несколько небольших чистых кореньев, залил их кипятком, предварительно вылив в помойное ведро испорченное её содержимое. После того, когда лук поджарился до золотистого цвета, он вынул из коробки десяток яиц и разбил их в сковороду так, чтобы желток оставался целым; достал из шкафчика, висевшего напротив, соль, захватил щепотку и дополнил вслед к приготавливаемому продукту, уделяя особое внимание желткам. Также он подсыпал туда и чёрного молотого перца, который только что принёс с собой.

Спустя несколько минут Андрей сидел за столом, предварительно освободив тот от ненужных вещей, и угощался яичницей, ловко орудуя ножом и вилкой, закусывая её ломтём засохшего хлеба, запивал не успевшим как следует завариться отваром. Он обмакивал хлеб в желток, отрезал куски белка, неторопливо поглощал это приготовленное кушанье, получал несказанное удовольствие, наслаждаясь естественным процессом принятия пищи, ощущал, как необходимая жизненная энергия наполняет его, расплзается по всему его телу, оставляя след насыщения и удовлетворённости. Всё это блаженство навалилось на него таким чрезмерным грузом усталости, что он, даже не закончив трапезы, быстро прошёл до кровати, упал на неё, так до конца не раздевшись, не чувствуя ни рук, ни ног, уносясь куда-то в беспредельные глубины обволокнувшего его мертвецкого сна. Реальность для него на время перестала существовать.

Сначала перед глазами стояла крошечная темнота, абсолютно полная, настоящая, без каких бы то ни было проблесков света, не позволяющая хоть на немного отслеживать в ней происходящие события. Затем она растворилась, рассеялась, словно туман с наступлением первых лучей солнца. Всё стало ярким и красочным, будто на картине, нарисованной художником на прозрачном стекле. Появился знакомый лес, до боли известный, исхожен-

ный им вдоль и поперёк, смешанный, лиственный-хвойный, с берёзками, осинами и соснами. Встречались также дубы и клёны, но крайне редко, чаще на полянах и пустошах, иногда попадавшихся путнику рядом с протоптанной тропинкой навстречу. Изображение быстро ползло вперёд, наклонялось то вправо, то влево, поддёргиваясь от напряжения и периодически обновляясь, словно кадры знакомого кино, однако с ужасно низкой частотой разрешения и характерно полосатой интерлейсной картинкой.

Он понял, что убегает, только вот от кого – точно определить так и не мог. Скорее всего, это был тот самый проклятый грызун-одиночка, поджидавший и преследующий его время от времени, но никак не решавшийся напасть полной силой. Он испытывал его пристальное пожирающее слежение на себе каким-то шестым чувством, непонятным и пугающим, зная, что именно это ощущение заставляет его бежать без оглядки. Резкий взгляд, словно впившийся острый клинок, так и пронзал его между лопаток холодным веяньем близкой кончины. Хотя сегодня можно было легко и свободно передвигаться, и рюкзак не казался таким уж тяжёлым, нежели в обычные дни, тем более там практически ничего не лежало, кроме нескольких блоков несчастных сигарет, добытых им не совсем нормальным путём. В тот день, как иногда случалось, все магазины были закрыты, за исключением одного при вокзального киоска, в котором товара имелось незначительное количество, какое он и забрал всё без остатка.

«Не знаю, может другим экспедиторам повезло больше? – мелькнула мысль у него в голове. – Но Город один на всех. Слава богу, хоть это успел взять, и то хорошо. Не с пустыми же руками возвращаться обратно».

Он ещё успевал размышлять о припасах, когда нужно больше было заботиться о собственной безопасности. Из оружия в кармане лежал только нож, да и то с обломленным кончиком, нарушенный им так в процессе безуспешных попыток получения продуктов питания. Таким же образом он хотел захватить каких-либо иных промышленных товаров, но и эта затея не увенчалась успехом. Другие средства защиты он не брал с собой в целях экономия места, да и знал, что те окажутся бесполезными при нападении грызуньей стаи в полном составе. Подтверждая сказанное, сзади раздался разрывающий тишину звериный рёв, заставив невольно обернуться назад. То, что он увидел и почувствовал – были огромные клыки хищника, вонзающиеся ему прямо в плечо. Повеяло смрадным дыханием – ледяным холодом смерти, исходявшем от этого злобного существа, пытавшегося свалить его на землю, а затем уже там, не торопясь, прикончить совсем. Боль пронзила всё его тело, будто поразила разрядом электрического тока, невольно заставив перейти к активным решаящим действиям.

Наверное, грызун промахнулся, желая вцепиться повыше, куда-нибудь в область шеи, таким образом сломить сопротивление ударом мощных широких челюстей. Но человек на удивление оказался проворнее и, изловчившись, моментально воткнул обидчику в грудь оставшийся кусок ножа. Удар был такой силы, что сумел, к счастью, пробить крепкую шкуру животного, погрузиться в мясистую плоть и излить наружу алую кровь, хлынувшую из образовавшейся раны буквально ручьём. Хватка грызуна ослабела, и тот моментально отпрыгнул в сторону, решительно отползая от места атаки, а затем и вовсе убежал прочь. Человек попытался догнать грызуна, но не смог, так как собственная рана выглядела намного серьезнее, чем он предполагал это в яростном порыве битвы. Он вынужден был волей-неволей останавливать кровь.

«Эх, не везёт мне сегодня! Мясо прямо из рук выскользнуло. Бывают же такие неудачные дни», – думалось ему, принявшемуся ещё и иронизировать. Путник вытащил из походного мешка кусок тряпки и крепко-накрепко затянул им плечо.

Но не повезло ему ещё куда сильнее, когда, пройдя несколько сот метров от места произошедшей схватки, он обнаружил мелькнувшую на горизонте аж целую стаю этих злоб-

ных хищников, как будто только его и дожидавшихся здесь. Грызуны бросились к путнику с разных сторон, повалили на землю, начали словно растаскивать его по кусочкам. Однако совсем добивать они его почему-то не стали. Только зловеще стояли, склонившись над телом, уткнувшись вытянутыми мордами прямо в лицо, будто дышали весенним ветром, тихонько подвывая, пели так ему свою прощальную песню.

К удивлению, он начал будто улавливать смысл такой музыки. Речь точно записывалась в его подсознание, как на магнитофонную ленту, становилась громче и отчётливее, заставляла вслушиваться в неё и понимать сказанное, подчиняться навязываемой воле.

«Быстрее, клади его на носилки! – чудились крики, звеневшие в ушах, словно набат колоколов. – Мы ещё успеем его спасти!..»

Далее опять проступила тьма, всё более нарастая и усиливаясь, всецело вбирая в себя оставшееся сознание, не успевшее должным образом сформироваться; принадлежащие ему потерянные мысли, упущенные из-под вразумительного контроля и, возможно, ушедшие из памяти уже навсегда.

Глава 3. Полковник

Николай же тем временем продвигался всё дальше, ближе к окраине посёлка, желая попасть в гости к своему давнему приятелю Василию. Мимо проплывали едва различимые контуры домов, всё расплывалось перед его глазами как в дыму, но он знал, куда шёл.

– Собственной супруге я показываться пока точно не буду, – говорил он сам себе вполголоса. – А то и взаправду, моя благоверная ещё прибьёт так меня чем-нибудь невзначай. Да и полковник должен быть дома, куда уж ему старому деваться! Живёт за околицей один-одинёшенек, как сыч на своём болоте. Уж у него-то всегда можно остановиться.

Вскоре на горизонте начали прорисовываться смутные очертания полковничьей избышки, выглядывающей впереди, будто из тумана, с пылающим рядом огнём костра. Николай подошёл ближе и увидел самого хозяина, сидевшего тут же, помешивавшего что-то деревянной ложкой в котелке. Василий, заметив гостя, поднялся с бревна, на котором сидел, и встретил Николая уже на ногах, раскачиваясь от волнения назад и вперёд, удерживая по привычке руки за спиной. Он оказался высоким объёмным старичком лет семидесяти, широким в плечах, с большим животом, который невообразимым образом выпячивался из его туловища подобно мягкому мячику.

Одет был Василий, несмотря на возраст, довольно-таки своеобразно. Снизу виднелись тёмно-серые штаны от когда-то бывшего делового костюма, изрядно потёртые, заношенные и, очевидно, ставшие чуть узковатыми для такого явно выраженного гиганта, коим он, несомненно, являлся в силу ещё крепких физических данных. Если взглянуть выше, то на мощных плечах полковника можно было наблюдать связанный крупной петлёй замасленный свитер, растянутый им до полнейшей неузнаваемости, не сказать что какого-то ярко-красного цвета, каким его помнил Николай, а скорее оттенка тёмно-бордового, принявшего такой вид по истечении времени. Именно эта часть его верхней одежды ещё больше подчёркивала объёмную фигуру Василия, так ставшую похожей на громадный шерстяной клубок ниток. На ступнях же красовалась обувь, несколько не соответствующая наступавшему сезону. Это были некие полуразвалившиеся сандалии, усеянные большими дырами для вентиляции, из которых выглядывали толстые вязаные носки. Видимо действительно подходящей обуви для встречи более суровых природных условий у того, к сожалению, не имелось.

Кажущееся строгим и сосредоточенным лицо Василия вмиг переменялось, просияло таким излучением свежести, сверкнуло блеском в глазах, расцвело проявлением доброжелательности по отношению к посетившему его старому другу, что можно было только поражаться увиденному. Василий, должно быть, уже давно не принимал Николая у себя в гостях. Басистый зычный голос его раздался как гром среди ясного неба.

– А, Петрович! Никак, зашёл меня навестить? Крайне рад такому твоему появлению здесь, – он сразу протянул ему руку в знак признательности и, дождавшись ответа, продолжил: – Я вот уху затеял сварить из свежей рыбёшки. Достал по дешёвке окуньков, небольших, правда, размером с ладонь. Добавил ещё картошечки да лучку. Думаю, будет вкусно. Как ты смотришь на это дело?

– Да уж, конечно, неплохо ты придумал. Вполне одобряю такую затею, – согласился Николай, наклонив голову набок, шепетильно оценивая внутренности котелка. – Хорошая закуска, должно быть, получится. Видит бог, давненько я ушицы твоей не пробовал!

– Уха знатная выйдет, натуральная, без всяких там примесей, – потирая руки, порадовался приветливый хозяин. – Как у самого дела, рассказывай. Полагаю, что не зря ко мне пожаловал?

– Вот, захотелось поведать старого друга, – отвечал весёлый гость непринуждённо. – Иду с дежурства, Андрея до дому проводил, да и до тебя тут недалёко. Стало быть решил заглянуть, узнать, чего новенького происходит. А что, неужели не вовремя?

– У меня-то всё по-прежнему. Только ты ко мне ведь просто так не ходишь. Опять, небось, жена из дому гонит? – Василий хитро прищурился. – Выкладывай, что случилось?

– Да боже тебя упаси! – замахал руками Николай, делая вид абсолютной непричастности к такому предсказуемому предположению. – Я подумал, не мудрствуя лукаво, где-нибудь задержаться подольше, а то она меня вчера сковородкой чуть не пришибла.

– Старая песня! Сам-то ты лучше, что ли, супруги своей?! Как говорится: два сапога – пара. Да и куда ты от неё денешься: всю жизнь, почитай, с ней бок о бок прожил? – неодобрительно высказался Василий, тряхнув головой от недовольства.

– Вот что я тебе скажу, Коля! Ты ведь возрастом меня моложе будешь, так слушай, – продолжал он, словно этими словами намеревался нравоучительно почитать ему мораль. – Ты весь такой, да ещё Андрея сбиваешь с истинного пути, у которого и так в жизни не всё сложилось. Наталья-то его вконец непутёвая стала. Много раз её на стороне видели во время его отсутствия. Хорошо, что он с ней не живёт больше. Но ведь ребёнок остался, его кормить нужно, да сестра малолетняя, и больная мать. Наталья же не работает совсем, а средства на пропитание с него тянет, якобы на содержание, а сама – то в баре, то ещё где, до копейки проматывает всё. Андрей – человек мягкий, ну и кормит её, ради сына, конечно. А куда ж ему деваться? Непонятно только – зачем тащил её сюда за тридевять земель?

Василий тут замолчал на несколько секунд, прокашлялся и, тяжело вздохнув, прибавил:

– Ладно, чего сейчас об этом говорить. Их дело – сами разберутся. Лучше вот покажи, с чем пришёл, то я тебя отлично знаю. Чего там у тебя в куртке припасено, давай, доставай! – он начал слегка играть словами. – Вытаскивай наружу, что есть, я всё вижу, меня не проведёшь! Как обычно, наверное, бормотуха какая-нибудь?

Николай давно прятал руку за пазухой, заботливо придерживал её содержимое и тем самым, несомненно, выдавал себя. Немного помявшись, он извлёк из внутреннего кармана изрядно опустошённую, известную пластиковую бутылочку и протянул её Василию.

– Ну, этого и на плоток не хватит! Вот смотри, чего я сейчас принесу. Специально для такого случая приберёг.

Он немедленно отправился в дом, затем быстро вернулся, держа в руках какую-то странную стеклянную ёмкость тёмно-зелёного цвета, горлышко которой было плотно запечатано пробкой из неизвестного пористого дерева.

– Смотри, Коля, портвейн настоящий, высших виноградных сортов, что ни есть – королевский напиток! – полковник поднял бутылку кверху, торжественно сотрясая её воздух.

– Никогда подобного и не видывал! – воскликнул Николай с чувством неподдельного восхищения. – Где же ты это сумел раздобыть?

– Один приятель угостил меня, по знакомству, естественно. Сам-то он не употребляет, так оставил мне в знак признательности по давнему делу. Вот мы сейчас его с тобой и разопьём. Подожди только: я за посудой схожу.

Василий вышел уже с двумя чашками, очевидно слепленными самостоятельно из белой глины и, верно, также собственными силами обожжёнными на костре.

– Вино нужно употреблять из глиняной посуды, тогда вкус его покажется тоньше и приятнее, – произнёс он крайне возвышенно.

– Да ты ещё и эстет, – сыронизировал Николай, вращая в руках полуторалитровую бутылку. – А как мы его откроем, ведь, как мне помнится, штопора у тебя нет? Или приятель заодно и им тебя обеспечил?

– Такое дело труда не представляет, – Василий зажал бутылку, взял веточку и продавил пробку внутрь.

Та хлопнула, насыщая воздух чудесными сладостными ароматами букета оригинальных композиций.

– Вот и все дела. Ни разу так не открывал, что ли?

Василий разлил вино по чашкам, затем взял свою посудину в руки, отхлебнул из неё немного, зажмуривая глаза от удовольствия, словно прислушиваясь к возникающим внутри вкусовым ощущениям.

– Да, напиток настоящих богов! – выдал он после небольшой паузы. – А ты Коля случайно не знаешь, откуда они могли у нас появиться?

– А разве ж они у нас есть? – тот вопросительно глянул на полковника исподлобья, нехотя оторвав задумчивый затуманенный взгляд от зеленоватой бутылки, не на шутку усомнившись в здравомыслии своего друга.

– Может быть, боги жили здесь раньше, среди людей? – предположил он, продолжая вкушать вино. – Ведь они носили металлические доспехи, и им не были страшны никакие укусы грызунов, насекомых и прочих паразитов. Вооружённые длинными мечами создатели мира сего легко отбивались от своих врагов. Когда-то я тоже в давние времена посещал Город и видел одного из них, точнее – памятник, воздвигнутый наверняка в честь какого-нибудь выдающегося их представителя, – тут он погрузился мыслями глубоко в себя и замолчал.

– И с чего ты это так решил, позволь полюбопытствовать? – спустя мгновение отвечал ему Николай, выставляя перед собой уже пустую чашку. – То, что мы на них похожи, ещё ничего не доказывает. Ты же отлично знаешь, что боги создали людей по образу своему и подобию, как сказано в писании. Да и выглядят они совершенно не так, как ты их себе представляешь. У них белые светящиеся одежды и обруч над головой, хотя оных существ уже давно никто не видел.

– Рассказывают, что живут они сейчас в Городе и просто не показываются людям на глаза, – полушутливым тоном продолжал Николай. – Однако одному экспедитору из соседнего селения посчастливилось их наблюдать, правда, к сожалению, всего несколько секунд. Каким уж чудом он остался жив, остаётся загадкой, но в результате такого случая он ослеп и, само собой, стал глубоко религиозен. Вот с ним бы переговорить на эту тему. Раньше, как рассказывали, в старину, боги могли возникать из ниоткуда, прямо с небес. Раздавались жуткие раскаты грома, появлялось разрывающее небосвод белое свечение, и они спускались к нам на золотой колеснице...

– Зачем издеваться над чувствами верующих? – внезапно оборвал его Василий с упрёком в голосе. – Спроси-ка лучше Андрея, может тот чего заметил в Городе необычного. Однако если бы видел, то навряд ли вернулся назад, как и другие пропавшие экспедиторы. Несомненно, боги живут там. Кто бы тогда давал нам еду, питьё, одежду и прочие нужные вещи? Но за это они требуют от нас взамен своего рода жертвоприношений. Каждую неделю подходит состав на станцию к погрузочной платформе, и охотникам приходится забивать его вагоны всяческой умерщвлённой живностью, теми же мёртвыми грызунами, будь они неладны, летучими мышами, насекомыми, прочей нечистью, даже растениями на худой конец и отправлять в Город. Что уж они там с этим делают – непонятно, но если мы прекратим поставки, то боги – или кто там вместо них находится – могут прогневаться и перестанут обеспечивать нас всем необходимым. Наверное, хотят нашими же руками всех паразитов извести, что людям и приходится с омерзением делать, но, к сожалению, этих тварей меньше не становится. Скорее наоборот: чем больше их убиваешь, тем более возрастает их численность. Хоть бы оружием каким-нибудь снабдили для порядка, а то приходится изготавливать всё самим...

Василий неожиданно прервал речь на полуслове, перевёл остекленелый взгляд на успевший прогореть к тому времени костёр. Его затухающие пепельные угольки сверкали красными мигающими искорками в надвигающейся ночной тьме.

– На-ка, похлебай горяченького. То, небось, как всегда, толком ничего не ел. Пить – то пьёшь, а не закусываешь, – проговорил он задумчиво, снимая котелок с шеста и ставя перед Николаем. – Уха уже давно сварилась.

После он достал приборы, ломоть хлеба и так же неторопливо положил их рядом.

– Оксану только что видел, – отрешённо, вровень с ним произнёс Николай, зачерпнув ложкой немного бульона, оказавшегося на удивление вкусным и наваристым. – Та соизволила встретить нас по дороге.

– Эка невидаль! Где она только не показывалась последнее время, – тут же импульсивно резко отреагировал его собеседник.

– Мужа своего она нашла. Дома, естественно, после обеда. Знаешь историю?

– Так ведь не в лесу живу, разумеется знаю! Тот вон у меня два дня отсиживался, да я Оксане сказал, что и понятия не имею, где он находится. Ты только, само собой, ей не проговоришься, а то она меня потом с потрохами сожрёт, – несколько понижая интонацию, тихонько поведал ему Василий. – Парень он, конечно, неплохой, но больно уж погулять любит.

– Так вот кто ему укрытие предоставлял! А я-то грешным делом подумал, что что-то серьёзное приключилось, – шутливо изъяснился по сему обстоятельству Николай, однако после продолжил уже серьёзно: – Кто-то поведал Оксане о якобы надвигающемся конце света. Реки выйдут из берегов, вскипят моря и океаны, повсюду будет гореть огонь и всё живое обязательно погибнет.

– Будто он ещё не наступил? – усмехнувшись, отвечивал тот. – Я не уверен, поджаримся мы или нет, а уж замёрзнем так это точно. Вспомни-ка, ведь раньше, лет тридцать назад, мы чувствовали себя гораздо лучше. И жили всё время на поверхности. Зимой было значительно теплее, а летом – прохладнее, да и грызунов и прочей нечисти в округе – меньше. Случаются резкие перепады температур, как только эту зиму переживём, не знаю. Холод стал проникать даже сюда, озеро промерзает насквозь, температура ночью опускается ниже пятидесяти градусов. Представь, что на поверхности творится! Выходит, её опасения не так уж и безосновательны.

– А сейчас интересно сколько градусов? Вроде начинает подмораживать, – Николай испустил клубы пара, словно этим стремился подтвердить сказанное.

– Как говорится, что-то стало холодать... – смеясь, поддержал его мнение Василий, сразу взяв бутылку за горлышко. – Ну, наверное, эдак 15—18, как на этикетке указано. Замёрз чего ли? Вина подлить нужно?

– Ты лучше водки налей, там оборотов больше.

– Да пожалуйста, как хотите, – согласился Василий, плеснув тому немного в чашку из его же пластиковой тары.

– Андрюха, возвращаясь сегодня, чуть в бункер не опоздал. Костры уже потушили, и я его ждал до последнего, – как бы невзначай пожаловался Николай своему другу. Говорить он этого не хотел, но информация как-то сама вырвалась наружу.

– Рискует своей головой, да и не только. Сейчас ведь дела обстоят не так, как раньше, чтобы можно было без проблем в лесу заночевать. Да и грызунов поблизости развелось немерено, только того и ждут, чтобы сюда проникнуть. В правилах ведь ясно написано, что после того как погашены костры, каждый отвечает за себя сам и двери бункера должны быть закрыты. Огонь-то хоть немного, да их отпугивает. Эти твари ведь довольно-таки неглупые создания и понимают, что вблизи посёлка добыча идёт к ним прямо в руки или, правильнее выразиться, – в зубы, в виде экспедиторов и прочих запоздалых путников. Мы охотимся

на них, а они на нас. Кто-то даже высказывает мысль, будто они разумны. Я довольно часто слышал такое от охотников.

– Ну уж ты и загнул! Значит, все эти твари, и летучие мыши, и тараканы, и пауки обладают мозгами? – с иронией изумился Николай. – У них, наверно, как и у нас – своё цивилизованное сообщество.

– Зря смеёшься. Насчёт остальных не знаю, а вот про грызунов, точно, поговаривают. Их поведение в атаке не свойственно другим хищникам. При нападении они используют все средства, вызывают подкрепления. Среди них определяется лидер – вожак, который-то и управляет всей стаей. Паразиты довольно быстро эволюционируют. Скоро наступит время их царствования на планете. Наша популяция сократится, мы выйдем как вид, а они и подобные им особи продолжат своё существование, размножатся и займут наше место. Людей и так осталось мало, каждый человек на счету.

Приятель ненадолго замолчал, затем принялся уничтожать содержимое котелка. Когда бульон был съеден, они перешли на рыбу, предварительно разложив её по тарелкам. Однако их ужин продолжался недолго. Василий краем глаза заметил, что достаточно близко к дому, по земле, стремительно пронеслась чья-то огромная тень. Посмотрев вверх, полковник с ужасом удостоверился в предположении, что обладательницей её являлась летучая мышь крупного размера, делавшая уже второй круг над его хижинкой. Она по-особому своеобразно, даже несколько красиво парила в сумрачном воздухе предстоящей ночи, одновременно выцеливая пристальным взглядом кого-нибудь из своих потенциальных жертв.

– Быстрее в дом! – вскричал Василий, хватая под руку ничего не понимающего Николая, стараясь вместе с ним отползти от места предполагаемой атаки. Петрович лишь успел попридержать очки, чуть не слетевшие с его переносицы долой.

Летучая мышь, ещё немного покружившись над ними, словно тщательно присматриваясь к добыче, спикировала наконец вниз, казалось в самый огонь, держа наготове острые как бритва когти. Но на земле, к удивлению выглядывавших в просвете дверей стариков, она схватила ту самую зеленоватую бутылку с вином и, усиленно махая крыльями, безобразно разбрасывая угли вокруг, ринулась обратно вверх, унося трофей вслед за собой.

– Вот зараза! Коля, она наше с тобой вино утащила! – в сердцах выпалил Василий, легонько приоткрывая двери и выглядывая наружу. – Наверное, летучие мыши тоже не прочь, как говорится, и на грудь принять.

Не успел он произнести эти слова, как данное величественное создание, только что так бесцеремонно посетившее их, рухнуло замертво на землю, издав последние, пронзающие тишину, оглушительно-визгливые крики, тем не менее продолжая мёртвой хваткой удерживать в когтях злополучную бутылку вина.

Ночная гостья была странным существом. Чёрного окраса кожа в некоторых местах покрывалась плотной чешуёй, немного напоминающей рыбу, но бывшей гораздо больше по размеру и заметно крепче по структуре. Пластины ослепительно переливались тёмно-синим отблеском в свете затухающего пламени костра. Размах её перепончатых крыльев составлял порядка четырёх метров, и выглядели они на редкость внушительными даже для людей, повидавших многое. Голова смотрелась страшновато, с обугренным кровью разрезом кривого рта, торчавшими оттуда длинными жёлтыми клыками, не помещающимися в нём полностью и высовывающимися наружу, словно маленькие лезвия заточенных кинжалов. Уши, если их можно было называть таковыми, оказались просто огромными, росли своеобразно в разные стороны, тем самым представляли собой два больших уродливых куска её плоти. В месте, где должен был находиться глаз, торчал спасительный посторонний предмет – небольшой кусок арбалетной стрелы, который, пробив череп, поразил мозг этой хищницы, положив конец такому злобному её существованию. Вся картина происшедшего есте-

ственно произвела бы необычайно жуткое впечатление на наблюдателя, увидевшего когда-либо подобное зрелище впервые.

– Эй, мужики! Все там живы-здоровы?! – прогремел сверху кто-то вполне различимым человеческим голосом, спускаясь к перепуганным старикам с небольшой возвышенности. – Извините уж за беспокойство. Сам не знаю, каким образом она могла сюда проникнуть? Мой приятель отлучился ненадолго за надобностью, так просил меня присмотреть за охраняемыми здесь окрестностями.

– Слава богу, что Вы были неподалёку, – почти шёпотом вымолвил Василий, между делом продвигаясь к уродливому существу поближе. – Хотелось бы ещё, чтобы вино осталось целым. Вижу: бутылка вполне целёхонькая. Просто удивительно, как она могла не разбиться.

Летучая мышь была уже мертва, однако предсмертные конвульсии у неё ещё наблюдались. Василий безуспешно попытался высвободить бутылку из лап хищницы.

Тем не менее незнакомец вышел на свет, встал рядом, и приятели вполне сносно смогли его рассмотреть. Ростом он оказался чуть выше среднего, возрастом – около тридцати трёх лет, коренастым и упитанным мужчиной, с короткими светлыми волосами и неестественно выставленной колесом грудью. Одет был в то, что обычно носили охотники: плотная, коричневого цвета куртка, точно такого же качества добротные ботинки, штаны, жилет, из-под которого неприлично выглядывали его рыжие волосы. Всё было изготовлено из кожи грызунов, что являлось лёгкой и прочной защитой от нападения. Сверху его покрывала тёплая накидка, выделанная тоже из меха какого-то животного, в руках было зажато копьё, позади, за плечами, висел арбалет, а на поясе болтался длинный нож-резак, размером скорее напоминающий саблю. Лицо выглядело полноватым и казалось даже несколько квадратным. Кожа, особенно в тех местах, где должны были расти усы и борода, отсвечивала нездоровой синевой. Возможно, он был просто небрит, что только усиливало это негативное впечатление.

– Не вглядывайтесь в меня, всё равно не узнаете, – надменно, но всё же немного улыбувшись, сказал он.

– Отличный выстрел, сынок! – восхитился Николай, захотев сразу пожать руку своему спасителю, которую тот твёрдо удерживал вдоль туловища, не спеша, однако, предаваться взаимности. – Уберёг стариков от смерти. Огромное тебе спасибо. Как же тебя звать?

– Антон, – несложно ответил неизвестный охотник.

– Я Николай Петрович или просто Коля, как понравится. Это вот мой товарищ Василий, можно Полковник, – говорил он, указывая на приятеля, одновременно заискивающе заглядывая тому в глаза. – «Три звезды», как он сам любит выражаться. И давно у нас такие парни?

– Вторую неделю. Приехал в гости к другу.

– То-то мне сразу лицо твоё незнакомым показалось. Можно было бы отметить наше чудесное спасение, – прокричал Василий, указывая на бутылку, – если мне, конечно, удастся забрать её у этого чудища.

Тут Антон подошёл ближе и помог ему, вонзил копьё летучей мыши прямо в крыло, ближе к кисти, где и располагались сухожилия хищницы, тем самым продемонстрировал окружающим совершенные знания в области строения её организма. Когти мгновенно разжались, и вино упало в песок уже само собой.

– Хорошо ещё на вас не набросилась. Эти твари впиваются в жертву уже наверняка: острыми когтями в тело, а ядовитыми клыками – в шею, верно кровушки попить. В данном случае яркая бутылка привлекла внимание больше. Любят они всё блестящее, что тут поде-лаешь.

– Ну, давай, присаживайся, выпей с нами, – из вежливости предложил ему Василий. – Портвейн просто отличный.

– Спасибо за приглашение, конечно, но такого добра у нас хватает. Главное, вы живы-здоровы остались, а остальные формальности нам совсем ни к чему, – горделиво отвечивал Антон, быстро возвращаясь в темноту, откуда пришёл.

– А как же твоя добыча?! – постаравшись его догнать, вопрошал Николай вслед.

– Оставьте себе на память. Вам-то она больше понадобится, – чуть слышно донеслось сверху.

– Ну и дела. Спасибо тебе, мил человек, – тяжело вздыхая и опускаясь на песок, произнёс Василий. – Вот какие люди ещё живут на белом свете! А бутылка-то и вправду целая – ни единой царапины.

Николай подошёл к летучей мышке вплотную.

«Диковинные же существа появились, совершенно другие, не такие как раньше, ничего не боятся, – думалось ему после того, как он уже своей рукой ощупал внушительные клыки хищника. – Этот шею свернёт и не задумается».

– Пойдём давай в дом, а то поздно становится, допьём вино, да я чайник поставлю! – крикнул ему Василий, находясь на пороге собственного дома. – А этого мы утром поделим, куда он от нас за ночь денется.

Приятель зашёл внутрь. Избушка полковника выглядела ещё меньше, чем у Андрея. В самой глубине комнаты, возле единственного окна, располагалась печка-буржуйка, стоявшая загодя затопленной. Труба её на удивление была выведена в то же самое окно. Как ни странно, кровати здесь не оказалось. Вместо неё на полу лежали шкуры животных, выставленные своеобразным ковром. Не имелось также ни стола, ни стульев, ни любой другой мебели. Чашки, кружки, прочая хозяйственная утварь лежали рядом в картонной коробке. В углу возле дверей находилось металлическое ведро с водой, как для умывания, так, наверное, и для питья. Друзья уселись на этот ковёр, подперев спинами бревенчатую стену дома. Говорить было уже не о чем, и они допивали остатки вина в тишине, каждый думая о своём.

Глава 4. Сотрудничество

На следующий день Николай проснулся поздно, где-то после обеда, в полном одиночестве и совершенно без необходимых для активной деятельности жизненных сил. Причём его голова болела жутко, прямо-таки раскалывалась до той невозможно-тупой боли, какая обычно случается после употребления обильного количества горячительных напитков. Подобная его беспомощность была просто невыносима. В подтверждение сказанного, голову как будто что-то рвало изнутри, давило на виски, точно какой-то металлический предмет помещался там, рядом с её внутренностями, причиняя своим нахождением невероятные страдания.

Николай нетвёрдой рукой нащупал возле себя вчерашнюю пластиковую бутылку. На дне оставалось ещё немного водки. Невероятно, но всё же он с нескрываемым отвращением, морщась и дёргаясь всем организмом, вылил остатки себе в рот. Было противно и гадко. После чего Николай, пошатываясь, ненадолго теряя координацию движений, подошёл ближе к ведру, зачерпнул оттуда кружкой воды и утолил жажду. Закончив пить, он опрокинул остатки себе на голову – страдающее больное место и, размазывая живительную влагу по лицу, вышел во двор. Там он встретил Василия, который уже давненько, можно отметить – с самого утра – ползал на четвереньках возле вчерашнего трофея, разделявая его на куски огромным ножом, целиком поглощённый этим, как казалось, малоприятным занятием.

– А, уже проснулся, – завидев Николая, констатировал он, всем объёмным корпусом разворачиваясь в его сторону. – На работу не опоздаешь? А то зря, наверное, не разбудил тебя пораньше?

– Выходной у меня сегодня. Неужто я тебе ничего так и не объяснил? – невнятно выдавил из себя Петрович, не успев как следует отойти от такого гнетущего его состояния. – Однако я к Андрюше хотел забежать ещё утром. Так что пойду. Может, застану его дома. Ты только мою часть туши никуда не девай. Я её позже заберу.

– Вот ещё выдумал! Да мне одни крылья и нужны будут: дыру заделать на крыше, – оправдался Василий вслед удаляющемуся другу, к тому времени продвинувшегося на некоторое расстояние по тропинке вперёд. – Мясо-то сам ешь, если имеется такое желание. Оставлю полностью! Очень-то оно вкусное, я тебе скажу.

Николай поспешал. Он принялся бодрее переставлять ноги, переваливаясь так нелепым образом из стороны в сторону, но всё равно, с грехом пополам, еле живым дошёл так до Андреевой хижины. Силы явно покидали его. Сам хозяин почему-то сидел возле входа, на крыльце, немного наклонив голову вниз, и, как виделось, был чем-то обескуражен или подавлен. Рядом с ним стояла Оксана, была и ещё какая-то странная особа со сковородкою в руках, расположившаяся уже чуть дальше, на брёвнах, которую Николай то ли со своего похмелья, то ли с такого её неказистого вида не сразу-то и признал. Женщины о чём-то разговаривали, будто бы даже спорили или переругивались между собой, но издали не всё было слышно. Николай подошёл ближе и понял, что все их такие эмоциональные высказывания в конечном итоге сводились только к одному – содержимому рюкзака, который уже полупустой лежал тут же неподалёку, возле дверей.

– Всем привет! – бодро выкрикнул Петрович с ходу, пробуя осмотреть присутствующих. – Что здесь происходит? Кто мне объяснит?

– Тебе-то, Коля, какое дело? Чего вообще нужно? Иди давай своей дорогой и не мешай нам, – недовольно пробормотала незнакомая женщина, удерживающая на коленях большую чугунную сковородку. Она раз за разом вытаскивала из неё угловатыми пальцами замасленные куски яичницы, недоеденные Андреем ещё вчера, старательно засовывала их себе в рот

в надежде разжевать редкими зубами и проглотить. Большие части никак не помещались целиком, капали на одежду оставшимся маслом, которое стекало по сальной щеке с подбородка вниз.

– Не мог принести чего-нибудь попроще?!. Набрал одних консервов и рад!.. – возмущённо ворчала она с набитым ртом, при этом норовила импульсивно размахивать руками. Получалось не совсем разборчиво, но окружающие вполне её понимали.

Приглядевшись, Петрович насилу узнал в ней Наталью, бывшую жену Андрея, никоим образом, однако, не оставляющую того в покое. Что-то сегодня в ней было не совсем правильным.

Обращали на себя внимание длинные светло-русые локоны, чуть прикрывающие лицо густыми объёмными прядями сверху, ни разу наверняка не чёсанные за последнее время, как-то неестественно лежавшие у неё на плечах, словно являющиеся уже без того каким-то объёмным париком, а вовсе не частью её самой. Тяжёлый массивный подбородок выглядел мужеподобно и внушительно, выдавал в ней некую неординарную личность. Большие серые глаза с длинными густыми ресницами и такими же чёрными, как смоль, бровями, совсем не крашенными даже, а просто бывшими такими от природы, в общности ещё больше подчёркивали весь этот её колоритный образ.

Наталье едва исполнилось двадцать пять, но, судя по внешнему виду, изрядно помятому и потрёпанному, выглядела она на все сорок, хотя прежнюю красоту можно было и восстановить при желании. Ведь она казалась крупной и высокой девушкой, с чуть полноватой, но этим нисколько не портившим её, прекрасной фигурой, выделялась окружающим женщиной в теле, ежели не подразумевать под этим иное. В общем, всё находилось при ней, и даже трудно было отметить какой-нибудь изъян или недостаток, указывающий на её неполноценность.

А вот во что она одевалась, нелегко было описать или даже представить, чем оно могло быть раньше. Какие-то лохмотья, обноски и ремки прикрывали это вполне роскошное тело, и только единственно из-под такого наряда выглядывала одна белоснежная блузка, будто осознанно бросаая вызов всей её остальной одежде. Та словно сияла исключительно-слепающим светом виднеющегося сверху воротничка, явившегося здесь каким-то совершенно неведомым образом, заставляя тщательнее присмотреться к её обладательнице.

– Мне от тебя совсем немного нужно, чего-нибудь на ребёнка получить... – растягивая слова, словно в бреду, говорила Наталья, обращаясь куда-то вдаль, по видимости далеко не в первый раз высказывая подобные слова Андрею. – Олежка и твой сын тоже. Ходишь ведь в Город, всё равно какая-то польза имеется от этих путешествий. Был бы ты лучше земледельцем или охотником на худой конец. Те живут намного лучше вашего. Таскаешь вот разные банки, кому они только нужны? Отдай хоть их часть, да я уйду, оставлю тебя в покое.

– Нет! Ты сейчас же отстанешь от него и без всяческих ультиматумов! – продолжала в очередной раз вступаться за Андрея Оксана, просверливая неприятную особу острым испепеляющим взглядом. – С чем пришла – с тем и уйдёшь. Покушала вот, да и хватит с тебя, пожалуй. Проваливай отсюда подобру-поздорову, откуда нарисовалась! Может, кто другой подаст? А у нас ещё разговор серьёзный намечается. Вот и Петрович как раз вовремя подоспел.

Наталья медленно перевела свой усталый взгляд на Николая, стоявшего напротив и буквально в упор рассматривавшего её. Она постаралась также, насколько это представлялось возможным, всмотреться в его глаза, словно намеревалась в них прочесть, о чём собственно пойдёт речь. Хотя такие разговоры, откровенно признаться, казались Наталье абсолютно малозначимыми.

– Петрович, до дому меня не проводишь? То мне одной несподручно идти будет, – в несколько заигрывающей манере спросила она, наблюдая того мутным, окончательно отрешённым от всего существующего мира взором.

– Сама дойдёшь, невелика птица, – небрежно бросил он ей в ответ, после отвернувшись и отошёл подальше.

– Действительно, с вами не договориться!

Выругавшись и быстро поднявшись, Наталья «сохвatala» лежавшую возле рюкзака бутылку спиртного, блок сигарет, ещё какую-то банку с продуктами и, чуть спотыкаясь, небрежно побежала прочь.

– Ох, чего-то она у тебя стащила! – настороженно провозгласил Николай. – Вернуть бы нужно. Как ты думаешь?

– Да вижу я, чего уж теперь, – отвечал Андрей, махнув рукой вслед, в очередной раз позволяя Наталье проделывать подобные вещи. – Пускай немного порадует. Обменяет их на продукты подешевле или, что скорее всего и будет, сама употребит по назначению. Олешка ведь одинаково – ко мне прибегает, к тётке или бабушке. Голодом уж не останется.

– Вот и у меня мужёнок точно такой же, как твоя бывшая. Спозаранку куда-то снова подался, – запричитав так опять, как и в прошлые разы таких встреч, начала ещё больше разоряться Оксана. – И не удержишь ведь ни в какую, как не старайся. Надоело мне уже за ним бегать.

– А ты его на цепь привязывай, – посмеялся над ней дядя Коля. – Проснётся утром и никуда от тебя, само собою, не денется, не уйдёт, не попрощавшись. Как ни на есть дома останется.

– Ну и шуточки у тебя! Только и знаешь ёрничать. Однако, хватит дурачиться, давайте лучше о деле нормально поговорим, – резко попыталась настроиться на серьёзный лад Оксана, немного, разве только самую малость, всё-таки обидевшись на Петровича, так как несмотря на свой упрямый скандальный характер была особой крайне впечатлительной.

– Так вот, пока не стало совсем холодно, соберём продукты со всего посёлка, – продолжала она. – Их сейчас везде доволна доставляют, они недорого стоят, подобные тем, какие Андрей из Города принёс, и отвезём в дальние селения на обмен. Там местные жители за лето хорошо кореньями запаслись. До Города им сейчас не добратъся: далекоовато – грызуны помешают. Наши консервы и одежда у них будут точно в цене. Организуем экспедицию да дичь по дороге постреляем.

– Надо будет ещё и охотника какого-нибудь с собой брать, а то как бы нас самих по дороге не «перестреляли», – выдал такое заключение Николай, недоверчиво поглядывая на неё и слегка усмеаясь. – Ты вот, Оксана, умеешь с оружием обращаться? А ты, Андрей, окромя своего ножичка? Про себя так я вообще молчу, потому что дальше собственного носа всё равно ничего не вижу.

«Вы сначала подводу из управляющего выбить попробуйте, – тем временем думал Андрей, – а потом и будете решать, куда вам действительно на ней поехать».

Но вслух подобные мысли он произносить не стал, а приберёт оные для более подходящего случая. Он лишь с интересом посмотрел на свой нож, который висел у него на поясе, и после загадочно улыбнулся. Когда ходишь один, другое оружие было практически бесполезно. Андрей это знал и даже не брал его с собой, давно разучившись им пользоваться. Однако нечто особенное для таких опасных и непредвиденных встреч у него уже имелось.

– Ничего-ничего, – успокоительным тоном молвила Оксана. – Дядя Коля уж, в крайнем случае, может и собаками руководить. Очень они его любят! Андрей хорош в ближнем бою, но, я думаю, до этого не дойдёт. Я же договорюсь насчёт обоза да лишний товар по посёлку пособираю, кто чего дать сможет. А вы отдыхайте пока. Но тоже мне: сильно не увлекайтесь, то я и сама не знаю, когда всё будет готово.

– Да, идея хорошая, насчёт того, чтоб отдохнуть! Нужно неделю на это, не меньше. В баньку сходить там, туда-сюда. Правда, Андрюха? – Николай вопросительно глянул на Андрея, и тот одобрительно кивнул, соглашаясь со страстным желанием Петровича взять для него хоть какую-нибудь передышку ото всех многочисленных шараханий по незнакомым и крайне недружелюбным местам. – Людочка твоя, небось, наскучалась? Точно, ждёт своего избранника с нетерпением.

Андрей вспыхнул как рак, которого только что обдали кипятком, а стоявшая напротив Оксана сразу занервничала и поскорее поспешила удалиться с глаз.

– Ну всё. На том, наверное, и договоримся, – изъяснилась она напоследок. – Я ещё маму с собой прихвачу: собак пробивать. То ведь сами в курсе, что собаки у нас на вес золота состоят, а мама у меня насчёт этого дела особенно хороша. Недели не обещаю, постараюсь как можно скорее экспедицию организовать. Да и время не ждёт: скоро зима. Чем раньше в поход отправимся – тем раньше вернёмся обратно. Лучше чай больше заваривайте, чтобы восстановиться и по дороге не вырубиться, а ежели пьянствовать собираетесь – то пейте красное вино, полезнее будет.

Оксана улыбнулась, таким образом распорядившись по-свойски, намереваясь как обычно раствориться в воздухе, махнула уже рукой на прощание, однако полушёпотом всё же прибавила несколько слов для верности:

– Только о нашей задумке никому не говорите пока, а то, сами знаете, мало ли чего бывает...

Андрей и Николай молча переглянулись, вероятно, захотев по обыкновению над ней посмеяться, но благоразумно сдержались, тем более что Оксана ещё здесь незримо присутствовала.

– Ну что, идём в бар, как обычно? – после секундной паузы предложил Николай, по привычке почёсывая затылок, как это у него получалось, сквозь великолепную дырку в кепке. – А то меня чего-то мутит после вчерашнего. Выпьем там по кружечке пивка?..

– Нет уж, вина, и только исключительно красного! – засмеялся Андрей, повторив наставления Оксаны. – Неизвестно, правда, что у неё получится насчёт обоза...

– К родным уже заходил? – заботливо поинтересовался Николай.

– Заходил, – отвечал тот, для какой-то особой цели пошарив руками по карманам, вероятно захотев удостовериться, все ли находится на месте. – Пойдём же, дядя Коля, скорее, а то мне и самому не терпится повидаться с Людмилой.

Они двинулись по дороге вперёд и вышли напрямую к озеру, следуя далее уже по берегу в направлении бара. Стоял ещё день, и вокруг было светло и красочно, конечно не так, как на поверхности. Но всё равно, естественного освещения вполне хватало, чтобы пока не разводиться костры. Свет проникал сюда каким-то неведомым образом сверху и растекался по периметру подземелья подобно некоему божественному наваждению. Частично он отражался также и от водной глади ровным голубовато-зелёным свечением. Как ни странно, но такой уж жуткой непроглядной темноты здесь абсолютно не наблюдалось. Скорее наоборот, попривыкнув к постоянному полумраку, без особого труда можно было рассмотреть все встречающиеся достопримечательности, как в дневное, так и даже, что самое удивительное, в ночное время. Возможно, органы зрения местных жителей вполне адаптировались к этому двойственному состоянию, быстро перестраиваясь с яркого восприятия поверхностного мира на чёткое подземное наблюдение в непроглядной пещерной мгле.

Вскоре приятели зашли и в само интересующее их заведение, представляющее собой построенный на совесть крепкий деревянный сруб, который выглядел довольно внушительно, был с двойными окнами и чёрными металлическими решётками на них. Своим видом он напоминал скорее какую-то неприступную крепость, чем привычное в нашем понимании питейное заведение. Внутри всё смотрелось на удивление чисто убранным, пред-

меты находились на своих местах, что бывало так не всегда после очередных визитов прихожан. Столы, стойки, стулья и прочая мебель были полностью изготовлены из дерева, пропитаны янтарной смолой, казались массивными и прочными, словно собирались так существовать времена вечные. Сразу бросались в глаза старания здешних мастеров, потрудившихся на славу. Ещё бы, для такого заведения никаких материалов было не жалко! Зал же предстал очень просторным и вместительным, очевидно, для некоторого значительного количества гостей, присутствовавших тут по мере надобности, требующих, безусловно, и большей численности персонала. Однако обслуживала подобное окружение всего одна женщина – сама хозяйка Людмила.

Осмотревшись, приятели заметили совсем не свойственную данному времени суток некую пугающую пустоту. Такое явно выраженное здесь безмолвие выглядело очень подозрительно. Куда-то исчезли все привычные посетители, которые, по их расчётам, должны были тут определённо присутствовать. Не оказалось никого из завсегдатаев этого заведения, ни одного человека, помимо единственного, неброско одетого молодого охотника, не проявляющего себя никоим образом, неподвижно тихо сидевшего за дальним столиком в углу. Он, вероятно, давненько уже находился в баре, и, возможно, очень прилично задремал, выпив предварительно порцию пенного пива.

Людмила, прятаясь за стойкой и кажущаяся заскучавшей от стоявшей тишины и гробового спокойствия, увидев гостей, мгновенно преобразилась, быстро вскочив на ноги. Она окинула приятелей острым, крайне неприветливым взглядом, сверкнула карими глазами, не по-доброму прищурилась. Чёрные как смоль, выющиеся волосы прыгнули за ней следом, растягиваясь по длине небольшими пружинками, точно подчинившись необузданной энергии импульсивной хозяйки. Лицо владелицы заведения не изменилось ни на чуть, осталось сухим и безжизненным, даже, можно отметить: оно было чем-то стянуто до неузнаваемости. Его словно облегла особая восковая маска, нанесённая причудливым образом так, что при мрачном освещении казалось, будто внутрь её невольно втягивалась и располагавшаяся вокруг кожа. Людмила выглядела старше своего возраста, хотя на самом деле была не так уж и молода. Возможно, влияла работа, тот образ жизни, какой она предпочитала вести, который-то и отложил такой весомый отпечаток на всю её внешность.

Однако природа наделила Людмилу высокой и стройной фигурой, объёмным бюстом, широкими бёдрами, очертания которых, несомненно, нравились многим мужчинам, чего нельзя было сказать об её ужасном, просто невыносимом характере. Хотя положению, какое она занимала в обществе, можно было только позавидовать. Ни в чём, собственно, не нуждаясь, ни в каких прихотях себе не отказывая, Людмила виделась окружающим страшной собственницей. Она сама, равно как и всё её заведение, относились к попечению определённых структур власти, естественно их контролирующих и получающих от сей хозяйственной деятельности хорошую прибыль. Вероятно, Андрею не хотелось упускать такие возможности, которые здесь открывались, тем более что Людмила проявляла к нему особый, повышенный интерес. Но эдакое доброжелательное отношение с её стороны было не так и безопасно, как могло представиться на первый взгляд.

– Проходите, гости дорогие, – первой начала разговор Людмила с нескрываемым раздражением в голосе, намереваясь открыто поиздеваться над вошедшими. – Не заблудились случайно, придя сюда? Один из вас аж целую неделю здесь не показывался. Совсем позабыл меня, наверное?

Андрей содрогнулся всем сердцем от таких её слов, совершенно правильно приняв выговор на свой счёт. Он, должно быть, немного испугавшись, встал рядом, поближе к Николаю, дабы его категоричные изъяснения ненароком не были услышаны властолюбивой хозяйкой, и очень тихо, почти шёпотом, обречённо сказал:

– Пойду как обычно умирять бушующий ураган страстей.

– Давай-давай! – вполне даже по-дружески подбодрил его Николай, хлопнув рукою по плечу. – Только вот сначала пришли мне бутылочку вина, уж какого-нибудь, горло промочить, да и перекусить чего – тоже не помешает. А то получится как в прошлый раз...

Андрей, всем видом и движениями изображая понимание, стремясь хоть как-то оправдаться перед Людмилой, быстро подобрался к разгневанной властительнице и, хорошо зная её неукротимый характер, начал ту всячески улаживать. Николай же предусмотрительно занял столик напротив, чтобы в случае каких бы то ни было непредвиденных обстоятельств незамедлительно покинуть опасное заведение. Он искренне желал также и прислушаться к разговору, происходившему между ними.

Выяснилось, что Людмила даже не знала, что Андрей уходил в Город. Конечно, данный факт выглядел странно, хотя тот и сам старался никогда не раскрывать своих замыслов. Так и в этом случае Андрей не поставил её в известность о переходе, думая, что Людмила, как всегда, будет в курсе всех событий, по крайней мере случившихся именно с ним. Начинаясь обычная сцена ревности, разыгрываемая любой настоящей женщиной, к категории которых она относилась безо всякого сомнения. Тот отчаянно оправдывался в свойственной ему манере полушутливого тона, будто пытался усыпить в ней нарастающий поток эмоций. Все эти действия по обыкновению возымели должный «магический» эффект, сменив её безудержный гнев ярости на милость и расположение.

– Коля! Иди забирай свой заказ! – резко прокричала она, чуть взвизгнув в конце от избытка чувств, продолжая ворчать и далее, но уже себе под нос, для большей видимости усиленно размахивая руками по сторонам. – Пока лишь одно блюдо имеется, другого не подвезли.

Хозяйка выложила на стойку тарелку с картофельным пюре и котлетой, скудно облитых подливом, решётку с хлебом, столовый нож и вилку. Она также небрежно выставила вперёд бутылку красного вина и два лёгких простецких стакана, изготовленных из коры какого-то местно-растущего дерева. Подождав, пока Николай неспешно заберёт это себе за столик и отойдёт подальше, Людмила, обняв за шею Андрея, шёпотом что-то проговорила ему прямо в ухо. Тот улыбнулся и, одобрительно кивнув, проследовал за ней, удаляясь в скрытое от посторонних глаз подсобное помещение.

Николай же остался сидеть за столиком, молча обдумывать происходящее, немного сочувствуя Андрею и в то же время естественно за него опасаясь. Но беспокоиться было не о чем, если такие, ни к чему не обязывающие отношения вполне устраивали обоих, то почему бы и нет, несмотря на разницу в возрасте. Пусть будет всё так, как оно есть. Однако ж, с другой стороны, он ощущал внутри себя некое растущее напряжение, находился в состоянии бесконечной тревожности. Характер Людмилы отнюдь не вызывал доброжелательного расположения, сердечных и приятных чувств. Следовало держаться от неё подальше, обходить различные негативные реакции её взбалмошной непредсказуемой личности. Но это конечно было делом вкуса. Некоторая власть и контроль над Андреем, а также, несомненно, и забота в отношении него оказывалась очень кстати. Да и получал он от неё всё, чего желал. Кто-то, вероятно, скажет: «Зачем, мол, нужна такая женщина, как Людмила? Можно было найти себе и помоложе, и характером покладистее». Другие же, напротив, хорошо поразмыслив, опровергнут это категоричное утверждение и поддержат его выбор, придут к мысли о том, что устроился он довольно неплохо, и что ему вполне можно позавидовать.

Николай откупорил бутылку и поспешил наполнить бокал терпким искрящимся напитком тёмно-бордового цвета, консистенцией, скорее напоминающей кровь, бывшим здесь альтернативой нормальному столовому вину. Он сразу залпом выпил его без остатка, опустошил стакан полностью, чувствуя проникающее действие спиртного всем организмом. Николай словно изливал на собственную душу и тело чудотворный бальзам, оставляющий

тепло на сердце, после ударявший в мозг, расставляя мысли по своим местам. Тем самым он будто придавал себе духовную и физическую уверенность и твёрдость.

Нужно было обязательно поест, то от вчерашней полковничьей ухи в животе давно ничего не осталось. Желудок настойчиво напоминал ему об этом кратковременными спазмами, требуя чего-нибудь положить внутрь. Не дожидаясь Андрея – а того при данных обстоятельствах можно было ждать вечно – он принялся уничтожать предоставленное ему чуть поостывшее блюдо. Картофель оказался вкусным, а вот котлета совсем не блистала каким-либо особым кулинарным изыском. Возможно, изготовленная из мяса грызуна или того хуже – мяса летучей мыши, самого дешёвого и доступного продукта, она чувствовалась жёсткой и была просто отвратительна на вкус. Но плох обед или хорош – выбирать не приходилось. Когда бываешь голоден, пища не кажется уже не годной к употреблению – съешь всё, что дают, за милую душу.

Вскоре, минут через тридцать, явился Андрей, довольный и улыбающийся, словно кот, навернувший банку сметаны. Он вышел, удерживая на подносе восхитительное жаркое из молодого кабанчика, политого обильно соусом, обложенного вокруг кусочками из запечённых фруктов. В другой руке у него имелась ещё пара бутылок вина. Андрей нёс эти яства с необычайной сноровкой, какой в действительности мог позавидовать любой официант, будь он на его месте.

– Ну, не прошло и часа, – вымолвил Николай, не отрывая взгляда от чудесного поросёночка на блюде. – Чего-то вы быстренько сегодня управились. Могли бы и не торопиться, народу всё равно никого не наблюдается.

– Да уж хватит, пожалуй, на сегодня, для первого случая. А то Людмила ещё вечером после закрытия к себе зазывает, – полушёпотом отвечал ему Андрей, беззвучно засмеявшись. – Нужно бы силы побереечь. Они мне в дальнейшем ой как понадобятся.

– А что это ты за угощение принёс, прямо совсем уж по-царски, в честь какого-такого торжественного события? – Петрович с удовольствием облизнул губы. – На подобное я даже и не рассчитывал.

– Всё дело в том, что я Люде поведал, как ты возле бункера меня дожидался, рискуя собственной жизнью, кстати, – Андрей поднял вверх указательный палец, производя такой выразительно-благодарственный жест в подтверждение сказанного. – И Людочка расщедрилась, решив нас необычно угостить, кое случается крайне редко. Так что пользуйся случаем.

– Да уж, вот оно как всё замечательно выглядит на первый взгляд, – бормотал про себя Петрович, от изумления покачивая головой. – Совершенно не похоже на искреннее отношение. Не было бы беды от такой её щедрости.

Николай, однако, вполне мог и ошибаться.

Спустя время, неторопливо, словно плывя по воздуху, к ним подошла и сама хозяйка Людмила.

– Можно к вам присоединиться? – поинтересовалась она, исходя уже не из холодной вежливости и крайнего пренебрежения к окружающим, которое замечалось в ней прежде, а руководствуясь, как ни странно, искренними и признательными чувствами. – Ради такого события стоит пропустить по стаканчику, в честь здоровья Николая Петровича. Всё торжество будет произведено исключительно за счёт заведения.

– Ух ты! Вот оно даже как! – Николай с удивлением посмотрел на хозяйку и дрожащей рукой убрал запотевшие очки в карман. – Конечно, присаживайтесь пожалуйста... Милости просим...

Лицо Людмилы растекалось в улыбке, маска надменности и злости слетела прочь, морщины разгладились, превратив её в доброжелательную, приветливую, ищущую простого общения женщину.

– У всех есть что пить? – неожиданно спросила она, и Петрович начал резво разливать вино по всем найденным на столе пустым посудным ёмкостям.

Людмила сразу со знанием дела отправила содержимое стакана в рот, хотя и Николай, стараясь ей угодить, наполнил его до самых краёв.

– Закроемся пораньше, клиентов сегодня, точно, уж не предвидится, – деловито сообщила она, закусывая куском яблока с большой принесённой тарелки. – Возле Управления Совета собрание всех свободных жителей. И я уже знаю, по какому поводу.

– И чего они могут там сказать простым смертным?! – возмущённо, однако крайне заинтересованно полюбопытствовал Николай. Он отрезал крупный кусок зажаристого мяса, обмакнул его во вкусный соус, а затем с удовольствием положил себе на тарелку вместе с фруктами.

– Поднятие налоговых пошлин, создание отряда по подготовке к зиме, усиление защитных мер в отношении паразитов, ремонт и укрепление периметра обороны – в общем, все, подобные этим, мероприятия.

– Увлекательно было бы поучаствовать! – бодренько воодушевился Петрович, попытавшись каким-нибудь образом выползти из-за стола.

– Да чего там участвовать, сиди уж здесь, раз пришёл. Когда ещё представится такая возможность: тихо, спокойно пообщаться, – быстро образумила его Людмила, будто вылила на голову ушат холодной воды.

– И ты не думаешь, что как раз после собрания люди пойдут к тебе обсуждать и осмысливать услышанное? – в свою очередь поинтересовался Андрей.

– Навряд ли. Разве только несколько настоящих пропойцев, да и то ненадолго. Радоваться ведь нечему. Предстоят затраты, работа, бдительность. Так что большая часть людей разбредётся по домам, – она лишь привольно махнула рукой в сторону дверей. – Ты, Андрей, лучше бы рассказал, как твоя экспедиция прошла. Много товара удалось принести?

– На своих-то плечах? Смеёшься? – печально отвечал тот.

– Эх, сколько раз тебе говорила: ходи с группой, эдак безопаснее, да и больше взять сможешь, а то всё надеешься на удачу, будто никто тебя не заметит! – укоризненно воскликнула она, сверкнув глазами так, что друзьям стало не по себе. – Отпустит растительность по всему телу, уж не подступишься. Думаешь, грызуны тебя за своего примут? Вот и сегодня ко мне опять не побрившись пришёл.

Николай буркнул чего-то вполголоса себе под нос, после сразу прикрыл рот рукой, словно хотел этим попридержать рвущийся наружу смех. После он попробовал всё-таки немного заступиться за Андрея:

– Ой, да когда ему было! Вчера только из Города вернулся, всё к тебе торопился! Вот сегодня баньку бы организовать, косточки попарить. А то получается всё как в сказке, только в точности до наоборот.

– Чего это ты вдруг сказками заговорил? – издевательски осведомилась у него Людмила.

– Да так, ничего особенного. Только речь там идёт про удалого молодца и старуху, жившую глубоко в лесу. Молодец к ней в гости пришёл, а старуха поначалу собиралась его съесть, да потом всё же передумала – очень он ей понравился. В баньке его напарила, накормила, напоила, а лишь затем спать уложила.

Людмила, как показалось, немного даже оторопела или смутилась от таких его нескромных изречений.

– Это кого же ты имеешь в виду, паразит?! Сейчас договоришься у меня! – крикнула она, опомнившись через какое-то мгновение, и замахнулась на обидчика полотенцем.

– Да что ты, что ты... – засмеялся тот уже в открытую, чуть было не подавившись большим куском мяса, который ел, возвратив его обратно на тарелку.

– Ладно, будет вам баня. Только сначала с тебя, Андрей, рассказ о переходе, уж не отвертись, – заметно мягче произнесла хозяйка, убирая эдакое грозное оружие обратно себе на колени.

– Действительно, как ты сумел из Города-то выбраться, и что там тебя так обстоятельно задержало? – точно повторяя слова Людмилы, уже серьезно спросил Николай. – А то я и не слышал...

– Чего там говорить, всё как обычно. Хотя, конечно, был один случай, о котором стоит упомянуть особо, – Андрей налил вина, отрезал кусок свинины и, проткнув его вилкой, придвинул ближе к себе.

После произведённых приготовлений, немного пригубив налитое содержимое, он продолжил свою речь, закусывая по ходу рассказа диким кабанчиком, тщательно прожёвывая необычайно мягкое и вкусное мясо.

– Хорошо, но слушайте очень внимательно. Начну всё по порядку...

Глава 5. Переход

К своим вылазкам, к таким вот сумасшедшим экспедициям, я готовился по обыкновению ещё с самого вечера. Заваривал в термосе несколько отборных кореньев, самостоятельно, без посторонней помощи, какая естественно была здесь излишней, добавлял для вкуса немного чая, сахара, несколько листочков смородины, которые и придавали отвару характерный кисловато-сладкий вкус. Он получался на редкость крепким и бодрящим, как раз именно таким, какой и требовался для предстоящих путешествий. Однако завариться по-настоящему он должен был только на следующий день, настояться, как следует, чтобы оказывать своё истинно-правильное освежающее влияние. Несоблюдение рецептов приготовления, пренебрежение правилами грозило обернуться неприятными, нежелательными последствиями для человека, вздумавшего как есть, без какой-либо защиты, посетить Город. Такая процедура была подобна некому священному ритуалу, после проведения которого исследователю позволялось видеть определённую область, представленную ему лишь на время, с единственным правом такого вхождения в ту невероятную систему жизни, которая протекала там, за гранью человеческого понимания.

Но если располагаться ближе к земному, житейскому, то, как и задумывалось вначале, вышел я слишком уж рано по всем мыслимым и немислимым меркам, какие можно было для себя устанавливать. Чтобы не терять напрасно силы на переход ещё и по туннелям, я с самого вечера находился уже в бункере, устраивался там поудобнее и спал так спокойно всю ночь, пока охранник по моей же просьбе не будил меня и не выталкивал за двери, которые он закрывал всегда быстро и уверенно, не давая толком опомниться. Ведь просыпаться да и идти куда-то в такую рань, откровенно признаться, не очень-то и хотелось. Вся эта процедура, разумеется, сопровождалась мрачным и зловещим скрипом тех самых ужасных металлических дверей, от звука которых по спине всегда пробежал холодок, привычно-жутковатым образом провожающий меня в мир иной.

Своих коллег-экспедиторов в этот день я никого не заметил: ни одиночек, каким был сам, ни вооружённых до зубов групп на собачьих обозах, предпочитающих пробираться к Городу медленно, с происходящими ночными стычками, собирая по пути все подвернувшиеся под руку трофеи. Быть может подводы ушли далеко вперёд или даже и не думали выступать вовсе. Тем не менее, их следов нигде не было видно. Только уж не знаю, что выглядело более рискованным: идти одному быстро и незаметно, прячась за каждым кустом или деревом как сайгак, перебегая от одного укрытия до другого, нежели неторопливо тащиться вместе с остальными, но зато быть защищённым как положено, с головы до ног. Ведь ежели говорить начистоту, то, выходя из бункера ранним утром, я прибегал к небольшой уловке, используя группы своих же соплеменников как отвлекающий щит. И пока внимание паразитов было направлено в их сторону, тихо и бесшумно пробирался к поезду, который где-то в середине дня проходил с небольшой остановкой через ближайшую станцию.

Давно известно, что грызуны не обращают внимания на человека, осторожно крадущегося по лесу, если конечно он сам не спровоцирует их на нападение. Заметив паразитов первым, следовало остановиться и переждать, пока те не пройдут мимо. Хотя мало кто рисковал подобным образом передвигаться по окрестностям днём, именно в дневное время. А уж ежели ночью вы соизволили выйти, то сами понимаете – подобное событие не останется незамеченным со стороны хищников. Тогда путешествие точно закончится весьма печально. И не обессудьте, ежели минут через десять от вас один ремешок останется. Днём же зрение и обоняние этих тварей существенно притупляется. Тут главное заметить грызунов первым, если вам вообще посчастливится их увидеть, так как они бывают совсем не в восторге от прямого солнечного света, попадающего на их дьявольские сущности.

Но, несмотря на отсутствие спасительных групп, я всё-таки вышел в экспедицию, и первый этап моего пути состоялся вполне успешно. Незамеченным я добрался до станции и по обыкновению, остановился возле знакомого дерева, стал ждать скорого прихода поезда. С утрачка могло показаться холодновато и даже несколько неуютно, но постепенно, ближе к обеду, делалось совсем уж жарко. Да по мне было лучше, когда подмораживает, и это определённо придавало уверенности, бодрости духа, нежели изнывать от палящего пекла. Хотя жар костей не ломит, но всё равно – ощущать подобное было просто невыносимо. Лёд, скопившийся за ночь на почве и перроне станции, давно растаял, образовав жуткую слякоть, грязные бесформенные лужи слизи, испаряемые большим красным солнцем, которое к полудню занимало практически полнеба, нещадно своими лучами испепеляя всё живое. Пройдёт час, полтора, и от грязи не останется и следа – она полностью высохнет и превратится в пыль.

Станция, если её можно было называть таковой, представляла собой небольшую площадку из железобетонных плит, в отдельных местах частично залитых асфальтом, над которыми возвышалось каменное полуразрушенное здание, куда естественно, в силу различных, проявляющихся внутри неприятных вещей не следовало заходить вовсе. Сгустки потусторонней разрушительной энергии так и норовили выползти там в реальность из всяческих всевозможных укрытий, спешили как можно сильнее ужалить человека, совершенно внезапно и непредсказуемо. Асфальт же нагревался до такой немыслимой степени, издавая в процессе испарений неприятный специфический запах, что на платформу просто невозможно было ступить. Конечно, предвидя перечисленные особенности, я старался держаться снаружи, неподалёку от места остановки поезда, в спасительной тени большого дерева.

Странно, что на станции не оказалось никого из экспедиторов-одиночек. Возможно, мне это было только на руку, но ждать скорого прихода поезда одному становилось жутко и одновременно – довольно скучно. Допустимо, что сегодня я являлся единственным пассажиром этого вида транспорта, так как все желающие уехать, безусловно, находились бы на остановке уже давно. Ведь никому не хотелось опоздать на поезд, а потом продолжать жариться под палящим полуденным солнцем, тем более что в намерении вернуться обратной дорогой назад можно было и вовсе не найти таковую в действительности. Состав же должен был подоспеть очень скоро; если судить по часам, показывающим здесь условное время, то минут через двадцать или тридцать, когда как, но всегда именно в этом промежутке времени, точно и без опозданий.

Разумеется, он так и прибыл, поначалу проявившись только на горизонте, сверкнув издали светом единственного прожектора головной части. Рассекая воздух и отбрасывая его по разные стороны, поезд медленно приближался к станции. Изображение расплывалось, растекалось по небу, представало каким-то неестественным и призрачным, более материализуясь со временем, превращаясь в грудку ржавого металлолома, несущегося по стальным рельсам, белёсым шпалам навстречу неизвестности. Подойдя к платформе и снизив скорость, он наконец остановился, выпуская клубы пара, словно огнедышащий дракон, решивший немного передохнуть. Автоматические двери открылись, и я устремился прямо к ним, желая поскорее попасть внутрь, огибая нагретую до предела платформу со стороны насыпи щебня. Очутившись точно перед поездом, я вскочил на первую попавшуюся мне металлическую лестницу, ведущую наверх, открыл двери тамбура и вошёл в вагон.

Долгожданная прохлада ударила мне в лицо. В салоне жары почти не чувствовалось – кондиционеры работали вполне стабильно. Людей сравнительно было не много, всего несколько человек, расположившихся в самом конце, которые являлись, по видимости, такими же экспедиторами, как и я сам, только уже из другого посёлка, следовавшими напрямую в Город. Выглядели они совершенно неважно, были какими-то ободранными и грязными, вероятно, как часто случается, попали по дороге в значительную переделку. Стара-

ясь не привлекать особого внимания, я устроился на одно из многочисленных пластиковых сидений, размещённых в два ряда вдоль вагона, и без сожаления посмотрел в окно, прокручивая в голове варианты дальнейшего развития событий.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция... – протрещал в динамике знакомый голос проводника.

После проводник пожелал счастливого пути, прибавил к своей речи и другие, не очень понятные слова, которые говорил всегда одинаково, почти что на каждой встречаемой поездом станции, что не следует курить, сорить в вагонах и тамбурах, что необходимо соблюдать правила проезда, провоза багажа, сообщал далее сходную этому, никому не нужную информацию. Он автоматически, раз за разом, монотонно выдавал эти высказывания в воздух, вылетающие из динамика словно магические заклинания, старавшиеся точно, неведомо уж как, зомбировать или, по меньшей мере, одурманить всех присутствующих здесь людей. Однако, в силу некоторой испорченности оных, никто даже и не собирался придерживаться указанных требований или хотя бы на секунду прислушаться к подобного рода советам. Для кого предназначались такие сведения – ни один из проезжающих толком не знал. Состав тронулся, и я, устроившись на сиденье поудобнее, как можно было в подобных условиях это себе вообразить, предчувствуя дальнюю дорогу, собирался вздремнуть. Поспать мне, конечно, не дали...

Уже через минуту случилось странное обстоятельство, выходящее за рамки здравого смысла или какого-либо разумного объяснения. Предо мною претворился в жизнь, возник буквально из пустоты совершенно обезумевший от жары грызун, непонятно каким образом появившийся здесь. Вероятно он, неведомо как, но всё же смог открыть двери тамбура и проникнуть внутрь. Мрачная картина предстала мне на обозрение. Хищник оказался очень крупных размеров, этак в полтора раза больше обычного, нормального объёма, положенного для его сородичей. Если бы он встал на задние лапы и вытянулся по всей длине, то как раз бы дотянулся мне до самых плеч. Густая белая шерсть его выглядела сильно взъерошенной, засохшая грязь свисала большими кусками, что смотрелось крайне отвратительно, хотя данный факт никого, естественно, не беспокоил. Длинный хвост существа подёргивался из стороны в сторону, ударялся о стены вагона, то и дело оставлял значительные отпечатки повсюду, будто являлся в сей момент кусочком некоего бикфордова шнура, готового вспыхнуть в любую минуту от напряжения. Вытянутая зубастая морда водила носом, втягивала в себя широкими ноздрями воздух, раздуваясь ещё больше от бешеной злобы и ненависти к окружающему миру. Усы казались безжизненными и напоминали видом нередко встречающуюся в Городе металлическую проволоку. Красные глаза, которые, как почудилось мне с испугу, горели изнутри самым настоящим пламенным огнём, безумно блуждали от одного предмета до другого, высматривая подходящий объект для нападения. Такой их взгляд оставился на мне, находившемся к этому свирепому чудищу ближе всего.

– Держись приятель, сейчас я его подстрелю! – раздался из-за спины чей-то голос, но я уже ничего не слышал, полностью поглощённый предстоящим действием, судорожно готовясь к атаке разъярённого хищника.

Тут мне пришлось достать с пояса короткий нож, имевшийся у меня именно для таких непредвиденных случаев. Одновременно другой рукой я постарался выставить вперёд пустой рюкзак, зажать его особым способом, чтобы удар зубов пришёлся на него. Стрела арбалета, выпущенная откуда-то из глубины вагона, знакомо пропела, рассекая воздух, и, видимо недостаточно разогнавшись, отскочила от грызуна в сторону, не причинив тому никакого вреда. Он замер на секунду в оцепенении, вероятно оценивая силу удара, оскаливаясь после острыми, словно точёный мрамор, зубами, что дало мне ещё немного времени на подготовку. Тут уже другая стрела полетела вслед за первой и прочно вонзилась прямо

в мясистое тело хищника, сумев-таки проткнуть его толстую плотную шкуру, однако этим разозлила ещё больше.

Грызун взревел от боли, и весь его гнев обрушился именно в мою сторону, выразившись в яростном нападении. Зубы животного пронзили рюкзак, чуть было не задели и мою поднятую вверх руку в придачу. Он принялся таскать мешок, словно куклу, из стороны в сторону, мотая головой то вправо, то влево, желая каким-нибудь образом дотянуться и до меня. В ответ на эту наглость, изловчившись, я вонзил ему меж рёбер лезвие специально заточенного ножа, острого как бритва, с положенным отверстием для стока крови, чтобы нападающий как можно скорее начал терять силы. И попал я, вероятно, ему прямо в сердце, так как кровь хлынула ручьём из образовавшейся раны, быстро залила пол вагона, попадая летевшими каплями также на стены. Хватка грызуна слабела с каждой секундой, пока он, вконец обессиленный, не рухнул вниз, не сопротивляясь, лишь чуть подёргиваясь в предсмертных конвульсиях.

– Вот ты как управился! Молодец! Отличная работа. Смотри, какого матёрого завалил, – восхитился незнакомый стрелок, подступая ближе, как можно внимательнее осматривая добычу. – А ведь это самка, да ещё и брюхатая к тому же. Сразу видно: место искала получше, где ощениться. Вместе с нами в Город хотела пройти, точно говорю! Они всегда желают туда попасть любыми доступными способами.

– Да уж, и откуда она взялась только на мою голову, – медленно опускаясь на скамейку, тяжело дыша проговорил я, доставая из разодранного рюкзака тряпку, чтобы убрать с себя налипшую кровь. – Первый случай за всё время, пока езжу.

– Да ну?! А я постоянно такое встречаю, засакивают в поезд только так! Тут нужно смотреть в оба, чтобы они тебе ненароком чего-нибудь не отгрызли, – шутливо высказался в ответ незнакомец, протягивая руку для приветствия. – И не такое увидишь, совсем уже обнаглели, сволочи! Неплохо ты её оприходовал, да ещё не одну, а сразу нескольких, сколько их там могло появиться на свет, – он рассмеялся, показав свои ровные белые зубы. – Тоже в Город за товаром? Куда деваться, если кушать хочется. Правда?

Я повернулся в сторону неизвестного мне, этого человека и осмотрел того уже оценивающим пристальным взглядом, прямо с головы и до самых пят. К величайшему удивлению облик его показался мне знакомым. Ну да, конечно, этот бритый затылок я уже видел где-то раньше. Его волосы сзади были коротко подстрижены, спереди же, напротив – выглядели длиннее, неким оставленным чубом сверху. Из-за этого, наверное, и смотрелся мужчина относительно молодо, лет так на тридцать, не более, однако представлялся очень уж мрачным, возможно из-за смуглого, почти чёрного цвета своей кожи. На нём красовался довольно чистенький и свеженький джинсовый костюмчик ещё приличного вида и состояния. Да и новые, будто только что взятые из магазина армейские ботинки с массивной передней частью поражали своим блеском, выдавая его щегольскую натуру. Вряд ли данный факт мог оставаться без внимания. Думать же об особенностях жизни явившегося предо мной этого человека явно не имело смысла, так как тот помимо прочего всегда и сам охотно рассказывал о себе слишком много занятного, что порою было совершенно некстати.

Узнать стрелка также было не сложно по своеобразным жестам, то и дело проявляющимся в процессе общения, резким движениям рук, наигранности при разговоре или ухмылке, часто всплывающей на его лице, благодаря которой прорисовывались все его восточные черты. Но самыми выразительными были глаза, тёмные, почти чёрные, с характерно натянутыми верхними веками, украшенные угловатыми складочками по краям, встречающиеся у представителей этой национальности. Взгляд их выражал какую-то ледяную холодность, остроту и в то же время настороженность ко всему происходящему, какая бывает у людей по профессии либо в силу других жизненно-важных обстоятельств часто сталкивающихся со смертью, которым приходилось убивать собственных соплеменников. Еди-

ножды ощутив этот тяжёлый взгляд дикого волка-одиночки, пронзительно впивающийся в тебя и выворачивающий все внутренности наизнанку, вплоть до мурашек на коже, после ни с каким другим уж точно не перепутаешь. Мне сразу стало немного не по себе.

Этого человека, как я мог тогда полагать, судя по различным слухам и рассказам, ходившим в народе, знали все ближайшие селения очень хорошо и отзывались о нём далеко не с лучшей стороны. В своё время за какую-то провинность он был изгнан из родного племени и теперь наверняка скитался с одного места на другое в поисках пропитания, не имея постоянного пристанища. Но человеком, как виделось мне, он был вполне здравомыслящим, отнюдь не простым, однако довольно дружелюбным по своей натуре. Уж неизвестно, что натворил он у себя на родине, но относился ко всем нормально и с должным уважением. Хотя присутствовал в его характере некоторый ярко выраженный недостаток – склонность к умелому патологическому обману или, попросту говоря, – вранью, выражавшемуся в изложении событий, которые никак не могли происходить в действительности. Он превозносил свою личность в некую степень невероятной значимости, возможно, мнил себя очень влиятельным человеком, хотя на самом деле навряд ли являлся кем-то особо выдающимся.

Сочинял же он абсолютно без всякого повода, умысла или какого-либо другого целенаправленного свойства, и, что самое странное, сам полностью верил в то, что говорил. Всё это выглядело очень уверенно и правдоподобно, и отличить правду от лжи казалось совершенно невозможно. Предполагалось, что с головой у него было не всё в порядке, и уже давно.

«Раздвоение личности, параноидальная шизофрения, – комментировала бы такие его способности Леночка. – В несколько запущенной форме, хотя лечению вполне поддаётся. Довольно противоестественно подобное его состояние, но ничего, и не такое видали! Обычно шизофреники весьма наивны в своих суждениях, представляют себя другими людьми либо рассказывают явные небылицы и вычислить их довольно просто. Однако, как ни взгляни, а этот случай совершенно особый. На нём психиатрам можно карьеру сделать. Человек живёт в каком-то придуманном им мире, хотя придумывать тут особо нечего...»

– Так ты, говоришь, за товаром едешь? – вполне дружелюбно переспросил он, поглядев на меня с некоторой излишней осторожностью, словно пытался контролировать каждое произнесённое мною слово.

– Ну да, конечно. Зачем же ещё? – пробормотал я, сжимая протянутую им ладонь с плотно стиснутыми вместе пальцами, которая оказалась на редкость твёрдой и уверенной, выдавая характер её обладателя. – Можно, думаю, и без этого прожить, хотя довольно сложно будет. Ведь Город не зря же существует. Затем, наверное, чтобы его посещать. Не только одни продукты производятся в нём, но и вся необходимая одежда, медикаменты, да и другие, прочие вещи, без которых не обойтись.

– Да уж, это верно подмечено, – не сразу, немного помолчав, отозвался тот. – Если бы не грызуны, так не надо было бы никуда ездить. Допустимо было просто жить там – условия созданы замечательные. Как только вот этот в поезд пробрался, непонятно, ведь я же самолично перед отправлением все вагоны пересмотрел? Конечно, я бы и третью стрелу выпустил, но боялся в тебя попасть. Довольно плотновато вы сцепились. Кстати, нужно будет нашего паразита как-нибудь с поезда-то скинуть при первой возможности, ну если тебе самому от него что-либо не надо, то ехать дальше станет просто невыносимо.

– Скоро поезд остановится, тогда его и выбросим, – согласился я, неторопливо взглянув на часы. – Ты бы сам его забрал. А то чего зря добру пропадать. Пожалуйста, разделявай, как хочешь. Я же совсем не за этим сюда забирался.

– Такого добра везде полно, вот если бы свининки какой настоящей попробовать. Хотя шкуру я и не прочь взять. Она крепкая и прочная, да возиться, если честно, не очень хочется. А мясо-то у него гадость редкостная. Собачий корм, иначе не назовёшь, – он поморщился и, как будто прочитав мои мысли, спешно прибавил: – Вообще-то я в Город развлечься еду.

Надоело уже дома сидеть. Надо косточки свои размять. Да и скучновато стало... Мог бы, конечно, совсем в Городе поселиться, знакомых полно, да всё как-то не решаюсь. Позволили бы уж остаться, никто бы и слова не сказал против...

Тут рассказчик ненадолго замолчал, достал сигарету и закурил, присаживаясь на скамейку рядом. Проворно забросив ногу на ногу, он глубоко затянулся, выпуская большое количество дыма.

– Скажу правду. Знаю я в Городе местных жителей, ну тех, которые весь этот хлам производят, какой вы домой таскаете. Там он абсолютно никому не нужен, так только, для отвода глаз. Могу предложить другой товар, не бесплатно конечно, но всё же. Такое ты вряд ли где встретишь. Великие дела делать можно. Не один ваш посёлок к рукам прибрать.

– Да что ты! Какие странные вещи ты говоришь! Не знаю, зачем это нужно? Мне бы себя прокормить да семью свою, многого-то и не требуется, – ошарашенно вымолвил я, насторожившись крайне откровенному его предложению.

– Ну а что, разве там у вас в посёлке борьбы за власть не случается? Или уже не до этого? В жизни ведь всё пригодится. Однако, ежели не хочешь, то и не нужно тебе такое знать, – резковато заметил тот. – Было бы предложено. Но если передумаешь, всё в лучшем виде организуем. С нужными людьми познакомлю, ну и так далее, как сам пожелаешь. Ты вот за каким товаром едешь?

– Ну, когда как, по-разному бывает, иногда вещи, там, одежду разную везу, – я начал для большей убедительности изображать что-то руками в воздухе. – Сейчас вот за продуктами выехал, к зиме подкупить нужно, а то потом и вовсе не выберешься.

– И из продуктов кое-что особенное тоже – имеется. Такого на прилавки не выкладывают, – настойчиво проинформировал назойливый попутчик. – Ну ладно, думай пока, время терпит. То ещё скажешь, что я к тебе навязываюсь.

Он отвернулся в сторону, будто бы даже немного обиделся на такой категоричный отказ, поступивший с моей стороны.

– А что за люди едут с тобой? – указывая в конец вагона, поинтересовался я, надеясь хоть как-то переключиться на другую тему для разговора.

– Да я и сам не знаю. Ты зачем спрашиваешь?! Так, попутчики какие-то, просто по дороге попались, – ещё более раздражённо, чем в прошлый раз, отвечал он, сразу зачем-то резко вскочив со своего места на ноги. – Скоро станцию проезжать будем! Давай, вытаскивай грызуна в тамбур. Хватай его за лапы, нужно подготовиться, чтобы не суетиться после, ведь поезд-то ждать не будет.

Мы волоком потащили грызуна к выходу. Тело его было очень тяжёлым, вполне соответствующим большому размеру. Ещё не успевшая просохнуть за время нашего разговора кровь широкой лентой потянулась вслед за нами, окрашивая пол в тёмно-бордовый, если не сказать – чёрный цвет. Смотрел я на это с нескрываемым отвращением.

– Ничего, не беспокойся, – заверил меня новый знакомый, увидев на моём лице выражение брезгливости. – Уберут в Городе как следует, вагон будет выглядеть как новенький. Даже и не заметишь, что тут чего-то происходило.

Мы вышли в тамбур и прикрыли за собой дверь.

– Не куришь?! – воскликнул собеседник, доставая очередную сигарету. – Зря, лишаешь себя удовольствия.

– Сигареты укорачивают жизнь, – нравоучительно выразился я, пренебрежительно качая головой. – Да и чего может дать курящий человек другому, кроме того, чтоб закурить?

– Это ты так не скажи. В процессе завязывается разговор, общение, люди обмениваются информацией в неформальной обстановке. Ну, если ты хочешь жить вечно, то – пожалуйста! Но у нас тут такое навряд ли получится: атмосферный фон, перепады температур... А корни, которые вы завариваете, думаете, вас спасут?

– Но мы-то пока ещё живы... – попытался возразить я, опровергая все его доводы напрочь.

– Ну да, конечно. Если ты в этом уверен, то почему бы и нет, – лишь надменно-загадочно посмеялся он.

– Кстати, у меня термос где-то с отваром имеется, не желаешь попробовать? Я принесу.

– Не стоит. На этот счёт есть другие, специальные, более действенные средства – сигареты, новейшая разработка учёных, – он достал из нагрудного кармана чёрную упаковку со странным рисунком в виде круга с тремя жёлтыми треугольниками в центре и протянул мне. – Нейтрализуют заразу, которая в нас проникает, полностью без остатка.

– Очень интересно, как такое может быть? И ты куришь эту дрянь, чтобы выгнать уже другую дрянь из своего организма? – я даже не удосужился взять сигареты в руки, о чём, конечно, пожалел впоследствии.

– Вот именно, так оно и есть, – выговорил тот, возвращая пачку обратно в карман.

«Однако странно, – тем временем думалось мне, и я уже начал сомневаться в таком негативном к нему отношении. – Говорит он вполне уверенно и твёрдо, словно так оно и должно быть. Но эта информация чего-то не очень сильно походит на правду. Неизвестные учёные в Городе, люди, которых там никто и никогда не видел. Местные жители?.. Ха! Бред какой-то!.. Да он мне просто лапшу на уши вешает. Все такие его разговоры – полная безосновательная чушь».

Но спорить с ним по этому поводу я не стал. Вряд ли подобное было бы сейчас правильно. Тем более поезд начал притормаживать, стараясь замедлить ход, пока не остановился совсем, резко толкнув нас к стенке напротив. Автоматические двери открылись, и горячий воздух из песка и пыли ворвался внутрь, бросившись нам в лицо.

– Давай, толкай её поскорее! – отплёвываясь от всего сущего и закрывая глаза, крикнул мне новый знакомый, еле-еле удерживаясь на своих ногах.

Мы дружно навалились на тушу животного, и грызун полетел вниз под откос, кидаясь будто в бешеном припадке из стороны в сторону, подпрыгивая на каждом камне или кочке, увлекаемый естественной силой гравитации. Не став дожидаться, пока закроются двери, мы вернулись обратно, отряхиваясь по дороге от насевшей на одежду грязи.

– Ничего, скоро прибудем, – попробовал подбодрить я своего попутчика. – Примерно часа три осталось, не более. Пока можно немного вздремнуть...

Поезд тронулся дальше, набирая положенную скорость. Менялись картинки за окном, отображая разнообразие этого покинутого мира. Непроходимый смешанный лес, хвойный и лиственный: сосны, ели, берёзы, осины – нёсся мимо, чередуясь с зарослями густой травы полей, лугов, вперемешку с заволаживающим душу цветочным массивом, окрашенным богатым спектром красок. Цвет отражался от их поверхностей яркими, приятными для наблюдения насыщенными оттенками, услаждая взоры немыслимым благоуханием. Деревья здесь отличались от городских и, что самое странное, были совершенно не похожи и друг на друга. Растущие вместе, они выглядели тонкими и стройными, ветвями и листьями уходили высоко в небо. Окрас стволов удивительно менялся от почти чёрного у основания до светло-коричневого у самых призрачных вершин. Другие же, стоявшие одиноко, были, напротив, невысокими, однако очень статными и могучими, корнями прочно и уверенно упиравшимися в землю, широко раскинув в ярком великолепии свои богатые сказочные ветви. Все они, что большие, что малые, так или иначе, росли предпочтительно лишь в одном направлении, с одной стороны множась густо и обильно, а с другой, как положено – реденько и скудно.

Попадались также и значительные пустоши, целиком и полностью состоящие из равнин соли и песка, на которых в силу сложившихся обстоятельств практически ничего не росло. Только огромные жёлтые кактусы с длинными чёрными иглами населяли их,

горделиво возвышаясь поодиночке, обособленно как друг от друга, так и от всех остальных не столь уж многочисленных здешних колючек. Местные растения на этих участках старались сохранить внутри себя от вечно палящего солнца необходимую для их жизнедеятельности влагу. Всё выглядело тут сухим и безжизненным, словно более не существовало той незабываемой живописной природы, стоявшей за окном каких-нибудь пять минут назад, красочным блистающим пейзажем до глубины души поражавшем всех вокруг.

Встречались в пути и крайне заболоченные места. Это были озёра, плотно затянутые непонятной по виду и составу светло-зелёной плёнкой из водорослей, с неизвестными белыми цветами на поверхности, чёрной тиной около берегов и стоявшими прямо там же, в воде, трухлявыми берёзками, гнилыми и безжизненными, чёрно-белыми стволами подпиравшими мрачно нависшее над таким омерзительным великолепием небо. Чем были вызваны эти слишком уж противоречивые природные отклонения, конечно, не знал никто, и лишь только немногие могли догадываться, что тут явно не обошлось без каких-либо особых сверхъестественных вмешательств.

Кто-то уверенно, твёрдой рукой тронул меня за плечо.

– Очнись, приятель, скоро будем на месте. Сейчас никак нельзя спать.

Я открыл глаза, поднялся со скамейки, спросонья не слишком-то понимая, что, собственно, происходит вокруг. Передо мной стоял всё тот же человек, с которым мы ехали в поезде, только почему-то он был закутан с ног до головы в толстое шерстяное одеяло.

– Где твой горячительный отварчик, а то меня чего-то морозит немного с непривычки. Сам тоже его попей. До перехода совсем мало времени осталось.

Тут я уже окончательно проснулся, пошарил рукой в рюкзаке и, нащупав термос, подал ему. Тот отвернул крышку и осторожно, словно боясь обжечься, налил немного жидкости точно в неё.

– Хорошо-то как... – произнёс он, выпивая понемногу содержимое, наслаждаясь приятным ощущением тепла, быстро расходящегося по его телу. – Заварен что надо! Сразу видно работу мастера.

Я забрал термос себе и сделал небольшой глоток горячего напитка прямо из горлышка. После взял протянутую новым знакомым пустую крышечку, изготовленную необычайно удобным способом, вместе с герметичной пробкой внутри, вероятно для того, чтобы та случайно не потерялась, и наглухо закрутил термос, вращая по удобной плотной резьбе. Сразу после чего стены и пол вагона начали неестественно содрогаться, немыслимо искажаться, представляясь нам уже в каком-то странном преломлённом свете, будто бы всё вокруг, и мы в том числе, находилось глубоко под водой. Предметы стали растекаться, расплываться по воздуху, постепенно утрачивался их первоначальный облик.

– Ну вот, началось... – голосом, донёвшимся словно из-под земли, сказал мой невольный попутчик. – Держись крепче за сидение и сгруппируйся.

– Без тебя знаю, – беззвучно, одними губами лишь прошептал я.

Чувствовалось, словно тысячи иголок впились в меня в один момент, рассредоточившись по всему телу. Но это не причиняло какого-либо дискомфорта, а скорее наоборот – было необычайно впечатляюще. Я словно разлетелся на тысячу маленьких мелких кусочков собственного составляющего, чтобы потом будто бы заново соединиться вновь в нужном времени и пространстве. Сердце, замерев в ожидании чего-то неопределённого, необычного, подпрыгнуло высоко вверх, зависло где-то в области шеи, застряв большим комом в горле, и никак не желало опускаться обратно, точно самостоятельно, без всякого разрешения, хотело вырваться из моей сущности наружу. Такое состояние полёта, как мне тогда смутно представилось, продолжалось довольно долго, пока я совсем, решительно и бесповоротно, не покинул этот реальный мир, потеряв всяческую способность к его восприятию.

Глава 6. Прорыв

Андрей ненадолго замолчал, будто решил именно сейчас взять небольшую передышку и собраться с мыслями. Он налил себе немного вина, наполнив стакан исключительно на треть, затем выпил его залпом, с трудом восстанавливая дыхание после, как будто за ним гнались огромные бешеные собаки. Спустя мгновение Андрей приступил к разделке мяса, быстро орудуя ножом и вилкой, умудряясь при этом удерживать ещё и тарелку, чтобы та случайно не слетела со стола; отправлял нарезанное мясо в рот кусок за куском. Было заметно, что он серьёзно проголодался, возможно, от вновь пережитых им воспоминаний.

– Интересно было послушать, – произнесла наконец Людмила, минуя продолжительную заминку, очнувшись от внезапно постигшей её томливой задумчивости или оцепенения, в котором пребывали сходно ей также и остальные слушатели. – Что же случилось дальше?

– Дайте мне, в самом деле, немного поесть! Не могу же я постоянно рассказывать всё время, – спокойно, но с некоторым чувством явного раздражения откликнулся тот, видимо вполне ожидая такого вопроса.

Андрей проговорил это крайне неразборчиво, вероятно из-за большого количества пищи, находившегося в тот момент у него во рту, которую он напряжённо и с трудом пережёвывал. Наблюдая за ним, Николай лишь загадочно улыбнулся и тоже усиленно принялся за еду. За время рассказа Петрович как будто бы напрочь забыл о её существовании и сейчас старался наверстать упущенное.

– Значит, ты всё-таки встретил этого проходимца Зверя? – спросила Людмила, пристально заглянув тому в глаза. – Этому товарищу уж точно не следует доверять ни в коем случае. Сколько раз он здесь появлялся, пытаясь кого-нибудь одурачить. Так я и думала, что ты с ним, в конце концов, столкнёшься. Хорошо, что домой вернулся живой и здоровый.

– А чего в нём такого особенного? Вполне нормальный человек, – Андрей в свою очередь проникновенно посмотрел на неё. – Ведёт себя очень даже прилично, только вот нервничает почему-то всё время. А что, он может быть как-то опасен?

– Разное болтают люди. Всего сразу и не вспомнишь. Ну да ладно, – она улыбнулась. – Встретил, и бог с ним. Может это не так страшно окажется впоследствии, как я себе вообразила.

Тут к разговору подключился и Николай Петрович, искренне желающий поучаствовать в обсуждении:

– Много подобных людей я видел в своей жизни, но такого человека наблюдаю в первый раз. Давненько он здесь уже ходит. К месту отметить: знал я его и ранее. Ещё тогда он появился, когда люди все в округе поголовно рассудка лишались. Был тот период, когда Зверь на глаза и не показывался вовсе, а сейчас не так давно – объявился опять. Всё проверяет, вынюхивает, почище грызунов будет. Один мой знакомый, работавший в то время в больнице, всякое уж о них порассказывал, такого, что сейчас и не увидишь совсем. Тогда их пытались ещё как-то лечить, выясняли причины происходящих мутаций, а потом и вовсе наплюнули. Больных становилось всё больше. На всех не хватало попросту ни врачей, ни медикаментов, да и, честно признаться, было несколько не до них. Самим бы спастись. Ведь среди них здравомыслящих-то не наблюдалось. Ну хоть бы нарочно попался один. Так нет! Всё равно что-нибудь с человеком да происходит. Бывало, общаешься, разговариваешь с кем-либо на разные темы, и их состояние видится вполне приемлемым, однако изредка нет-нет да проскакивают признаки заболевания. Далее люди изменялись, теряли человеческий облик, становились не бог весть чем, а затем и вовсе – куда-то уходили прочь. Тот, кто мог, конечно, такое сделать. Но в основном они гибли. Немало тогда их поумирало, почти все, никого

не осталось. Кто раньше, кто – позже. Кого сами медработники на тот свет отправили, чтоб напрасно не мучились, а этот вот до сих пор живой и здоровый ходит.

– Ты хочешь сказать, что встречал его давеча? – властно справилась у него Людмила, подняв брови кверху настолько, насколько это было возможно, выразив тем полное удивление услышанным. – Когда же такое случилось?

– Ну, лет так тридцать назад, – несмело обронил Николай и, видимо испугавшись такого откровенного ответа, сразу поспешил прикрыть рот рукой.

– Так ведь это было очень давно. Зверь – прохвост молодой. Довольно хорошо сохранился, правда? Ты, Коля, вероятно, чего-то напутал?

Николай немного сконфузился и потупил взгляд в пол.

– Вероятно, что так. Просто впечатление хотелось произвести, – вздохнувши, поспешил согласиться он, не став спорить с грозной хозяйкой из-за пустяков.

Вместо этого Петрович обернулся к Андрею, взял того крепко за руку, сжал так сильно, насколько хватило всей его стариковской мощи, будто старался собственными рецепторами вобрать внутрь себя излучаемую им энергию, одновременно жарко и спешно шепча ему прямо в ухо:

– Ну а тот человек сообщил ещё чего-нибудь о существующих в Городе учёных и их разработках. Может быть, эти сведения помогут нам в борьбе с грызунами, я уже не говорю об остальных паразитах.

– Но ведь я ещё не всё рассказал, дядя Коля, – заботливо попытался успокоить его Андрей. – Всему своё время. Есть одна идея, как бы выразилась на сей счёт Оксана, но об этом попозже, дайте только рассказ довести до конца...

– Бесспорно, этому человеку верить нельзя! Мало ли чего наплести можно! Всё это выдумки больного воображения! – слушая их разговор, вскричала Людмила, по привычке махая руками, будто собиралась подняться на воздух. – Ты же, Петрович, отлично знаешь, что это пустая болтовня, и не более. Пойду я лучше насчёт бани распорядюсь, раз обещала.

– Точно. Иди давай. Шуму меньше станет. Затапливай скорее, а то, действительно, словно сто лет не парился, – поторопил её Андрей, подталкивая к выходу и шлёпая слегка по мягкому месту. – Только вот сигареты, которые тот покуривал, я видел собственными глазами, хотя ты и изволишь его пустомелей называть. В Городе ничего похожего на них, несомненно, не имеется, как ни надейся найти. Чем подобное объяснить можно? Так что все его бредни очень даже подходят на правду.

– Такие сигареты ты видел? – внезапно прохрипел из-за его спины кто-то, выбросив на стол знакомую упаковку чёрного цвета. – Я невольно подслушал твой рассказ и хотел бы поучаствовать в обсуждении, если конечно позволите.

Действительно, за разговорами приятели и не заметили, как некто, а именно: тот человек, тихо и неприметно сидевший в углу – неожиданно для всех очутился с ними рядом, слушал и запоминал каждое произнесённое ими слово. Андрей резко обернулся в сторону незнакомца, быстро нащупал на поясе спасительный нож. Людмила настороженно вцепилась взглядом в лицо незваного гостя, будто желала уловить его дальнейшие намерения.

– Успокойтесь. Совершенно не стоит на меня так реагировать, – спешно пробормотал он после выдержанной им секундной паузы, явно опасаясь непредсказуемых результатов своего поведения. – Людмила же меня отлично знает. Я появился у вас совсем недавно, приехал из другого посёлка погостить к другу. После обязательно уеду, ежели отпустите.

– Так это к Сергею Рыжему, что ли?! – с трудом вспоминая подробности, уточнила Людмила. – Тогда всё в порядке. Правильно, он же мне говорил, и как я могла позабыть?

Николай, изумившись, заметно преобразился, услышав высказывания незнакомца. Голос того был сухим и скрипучим, словно механизмы несмазанной машины, узнавался моментально, и Петрович тотчас поспешил вставить своё веское слово:

– Тебя зовут Антон? И как я сразу тебя не признал?!

Гость радостно закивал, лицо его растеклось в улыбке, оголив ряд удивительно ровных, белых, сияющих зубов. Людей, стоявших далеко от себя, Николай определял на слух, который был развит у него достаточно хорошо, чтобы этим компенсировать потерю зрения. Таким образом, узнать своего спасителя ему не представляло особого труда. Тут в свою очередь уже Андрей и Людмила с удивлением посмотрели на Николая.

– Где это вы успели познакомиться? – чуть ли не в один голос спросили они.

– Пришлось уж, сегодня ночью. Кстати, Антон – отличный стрелок, могу порекомендовать по случаю! – победоносно отметил тот, явно гордясь этим случайным знакомством.

Тут Петрович вкратце поведал собравшимся историю с летучей мышью.

– Да Антон просто находка для нас! Если, конечно, он не будет против поучаствовать в нашем мероприятии, – многозначительно воскликнул Андрей, с интересом разглядывая того с головы до ног.

Гость горделиво поднял голову, отвёл назад свои мощные плечи, и от этого его объёмная грудь стала ещё больше увеличиваться в размерах.

– Необходимо подумать. Я ведь не знаю всех тонкостей вашего проекта, в какой вы собираетесь меня втянуть. Да и у меня самого имелись собственные планы насчёт дальнейших действий, – проговорил он, убирая пачку со стола в карман.

– Тут Оксану нужно. Она бы быстренько всё объяснила, что к чему. Нам же, ей-богу, ни в жизнь в этом не разобраться. Она девушка хоть и простая, но житейская хватка у неё развита что надо. Её казалось бы бредовые идеи не раз выручали нас в трудное время, – беспокоило вымолвил Николай Петрович, начав вдруг ни с того ни с сего суесться вокруг Антона. – Ты ведь отдыхать сюда приехал, так вот и отдыхай пока. Сейчас банька будет готова, угощайся вином, мясом закусывай. Рассказ дослушаем до конца, там, определённо, много чего непонятного осталось. Так ведь?

– Конечно, мне спешить некуда, – самодовольно согласился Антон. – Можно и послушать, раз такое дело намечается.

– Ладно, пойду я, пока действительно не стало совсем поздно, – спохватилась Людмила, поспешив к выходу, пока окончательно не исчезла за дверью.

Наступила тишина, какая бывает, когда отлучается по той или иной причине общий знакомый. Но Андрей всё же решил нарушить молчание первым.

– У тебя такие же сигареты, как и у моего случайного попутчика. Скажи, откуда они? – осторожно осведомился он.

– Оттуда, откуда и всё подобное барахло. Просто необходимо знать номер товара. Покажу по случаю, как их правильно заказывать нужно.

– И что же, они действительно помогают? – торопливо в свой черёд поинтересовался Николай.

– Не знаю, наверное – да. Впрочем, какая, по сути дела, разница?

Хотя недавно Людмила и уверяла, что в бар никто не зайдёт, однако у троих присутствующих буквально ниоткуда появилось странное и навязчивое чувство, что вскоре сюда должны будут хлынуть толпы народа после недавно проведённого собрания и точно перевернуть всё с ног на голову, предавшись бурным несказанным эмоциям. Шум, заметно доносившийся с улицы, вполне подтверждал их опасения. Он, всё более нарастая и усиливаясь, образовывал в них весьма противоречивые чувства, становился уже не резким и разнообразным, как бывало это в обычные дни веселья, а делался каким-то монотонно-довлеющим, даже несколько назойливым, точно большой рой насекомых желал устремиться исключительно в это место, где им было словно мёдом намазано.

Николай Петрович настороженно привстал из-за стола и, отодвинув недопитый стаканчик в сторону, попытался разобрать в этом гаме какие-нибудь проблески отчётливых выра-

жений или хотя бы отдельных слов. Андрей и Антон, также обеспокоившись, во все глаза смотрели на Николая с некоторым чувством тревоги и волнения, будто норовили прочесть его мысли по одному выражению лица. Однако они не стали дожидаться, что именно изречёт по этому поводу Петрович, а проследовали напрямую к выходу и с нетерпением выглянули из-за дверей.

Человек сто или даже более того, как и предполагалось, не спеша перемещались в направлении бара, то ускоряясь, а то и останавливаясь вовсе, чтобы оживлённо о чём-то поспорить. Люди разного пола и возраста усиленно размахивали руками, как просто так, без явного умысла, так, видимо, и с определённой целью, удерживая различные средства самозащиты: ножи, топоры, арбалеты, а также и иную совершенно не относящуюся к вооружению утварь. Кто-то даже схватил оглоблю и со всей дурусти колотил ею о землю, очевидно таким образом отстаивал свою точку зрения.

– Да они сюда просто физически не войдут, как бы ни хотели здесь уместиться, – с выражением сосредоточенности на лице попробовал пошутить Андрей, стараясь, тем не менее, изобразить некое подобие улыбки.

Антон же совершенно серьёзно, даже несколько укоризненно посмотрел на него, так ничего вразумительного не сказав в ответ. Шутка в таких условиях получилась неудачной и слишком уж мрачноватой.

«Вовремя, однако, Людочка убежала, как будто чувствует одним местом, когда именно пропадать нужно, – подумал тотчас Андрей, суетливо обшаривая взглядом окрестности. – Поискать бы её надо, предупредить, пока не поздно, куда бар по кусочкам не разнесли. Никогда ещё не случалось такого оживления, как сегодня. Что же у них там произошло?». Но рассуждать так или иначе было некогда, ибо промедление при данных обстоятельствах грозило обернуться достаточно серьёзными последствиями.

– Необходимо закрываться и желательнее всего как можно скорее! – словно придя в себя, громко провозгласил тот, забегаая внутрь. – То нам явно не поздоровится.

Он срочно поспешил в подсобку, за дверями которой исчезла Людмила, дабы, вероятно, уже от неё получить подобное распоряжение.

– Ай, да ну их, в самом деле! Будь что будет, – наплевательски рассуждал Петрович, наливая себе очередной стакан вина, махнув рукою в сторону дверей. – Погром так погром. А что кричать, чего шуметь, пусть даже и конец света, и что из того?! Все как с ума посходили. Наверное, всё-таки нужно было посетить собрание в этот раз.

Антон же, за столь малый период времени не издав ни единого звука, лишь со стороны наблюдал за происходящим, будто эдакие события его не касались вовсе. Он старался не обращать внимания на оживление, царившее повсюду: уже как вне самого заведения, за его пределами, так и внутри – среди новых знакомых. Однако Антон незаметно для всех не забывал то и дело проверять: на месте ли находятся его нужные средства самозащиты.

– И частенько у вас такие безобразия происходят? – проговорил он наконец сдавленным голосом.

– Бывает время от времени, – отвечал ему уже порядком захмелевший Николай, прищуривая для убедительности сразу оба глаза. – Так, по разному поводу, да случается. Надо же людям чем-нибудь заниматься. Сейчас Людмила бар закроет, а они уж там пускай как хотят с ума сходят.

Тут из дверей выскочила испуганная Людмила, побелевшая от всех рисуемых её воображением последствий.

– Вот же, сидят, как ни в чём не бывало! – выкрикнула она и кинулась сразу к центральному входу. – Не видите, что происходит?! Скоро от нас и мокрого места не останется! Ну-ка, давайте, помогите мне.

Выбежавший вслед Андрей уже поднимал тяжёлую задвижку, чтобы заблокировать двери, но не успел буквально немного. В бар ввалился грузный, но ещё моложавого вида мужчина, на вскидку лет сорока пяти, ближе к годам пятидесяти или ещё старше. Ростом он показался намного выше среднего, возможно из-за старинных кожаных сапог на каблуках, надетых на нём с некоторым достоинством и шиком. Ввинченные массивные шпоры для поездок верхом ещё больше подчёркивали весь тот бравый настрой, с коим гость проник в это питейное заведение, нарушив атмосферу дружеского расположения. На голове у него красовалась великолепная шляпа с широкими полями, прижатая с боков чуть заметной тесёмкой, из-под которой выглядывали бывшие когда-то угольно-чёрными кудрявые волосы, сейчас почти полностью подёрнутые сединой. Приличная кожаная куртка с толстым и, по-видимому, очень дорогим мехом, с металлическим замком-молнией, прикрытым наполовину шерстяным вязаным шарфом, истинно дополняла этот образ. Да и штаны, крайне своеобразно, можно сказать с иголочки, сидевшие на нём, выглядели так же, как и сама куртка, тёплыми и прочными. Всё свидетельствовало о том, что при местном окружении эта личность была далеко не простая. Такое его одеяние ведь предполагало действенную защиту от нападений злобных хищников, как известно, снующих близ посёлка, словно скопища саранчи возле цветущего поля.

Вслед за незнакомцем в двери протиснулся ещё какой-то человек среднего роста, возраст которого из-за полноты не представлялось возможным определить. Он казался не таким уж и молодым, но ещё и не старым, узким в плечах, с объёмным животом, расхोдевшимся бутылочной ёмкостью книзу, разделённым пополам толстой грязной верёвкой непонятного происхождения и цвета. Одет же мужчина был в чёрную монашескую рясу, свисавшую с его плеч почти до самого пола и выдававшую в нём некую духовную особу. Шею отягчала крупного размера цепь, с увесистым металлическим крестом, явно мешающая ему нормально передвигаться и, несомненно, давившая на владельца грузом великой ответственности и веры. Крест постоянно приходилось придерживать рукой, дабы тот ненароком не задел кого-нибудь невзначай.

– Нет-нет. Мы уже закрываемся, – резко запротестовала Людмила, даже не взглянув на вошедших, не удостоив ни того, ни другого взором своих внимательных глаз. – Приходите уж как-нибудь после. Буду рада вас принять, но только не сейчас.

– Правильно, нечего народ баламутить, у него и так забот хватает, особенно в такое время! – провещал зычным голосом тучный незнакомец в меховой куртке, никуда однако не собиравшийся уходить вовсе. – Вам лучше пока, действительно, прикрыть свою лавочку от злодейства подальше.

В бар зашло ещё несколько человек-охранников, одетых, как положено в форменную одежду. Они были крайне напряжены, хотя и старались не показывать такого состояния окружающим.

Невольно подняв взгляд и узнав посетителей, Людмила сразу переменялась в лице, изменив также и своё отношение к вошедшим.

– Дмитрий Александрович! Рада Вас видеть! Ну что же это Вы без предупреждения приходите, а то я бы угощений заказала поизысканнее?

– Хватит тебе ехидствовать. Пир во время чумы. Зашёл самолично предупредить, чтобы ни одному человеку, охраннику или охотнику там – неважно, кем бы он ни был, ни капли спиртного не наливать! – многозначительно выговорил тот, демонстрируя направленный вверх указательный палец. – Мой совет будет следующим. Закройтесь пока дня на три, или лучше на целую неделю, в связи с чрезвычайной ситуацией в посёлке, пока всё не успокоится.

– Вот те на! Когда же такое бывало?! Что же произошло особенного? Какая напасть приключилась? – недоверчиво полюбопытствовала Людмила.

– На собрания нужно ходить, хоть иногда. Вчера ночью грызуны успешно провели атаку южных ворот и проникли внутрь. Кстати, через которые ты, Андрей, каждый раз в Город ходишь. Сейчас там ополчение держит оборону, пока их совсем не заблокируют. Сил должно хватить вполне сдерживать наступление, но кто знает... – он задумался на секунду, прикрыв лоб рукой. – Так что положение – серьёзней не придумаешь. Не предполагал никто, что двери бункера могут нас подвести. Сколько лет исправно служили, ни одной поломки, и вот на тебе...

– И почему я об этом услышала только сейчас? – с иронией выдала Людмила, видимо задетая за живое.

– Тебе скажи, так через полчаса весь посёлок будет на ушах стоять.

– Вот-вот, это точно! Силы нечистые идут истребить род человеческий! Предвестники конца света. Всем гореть в Геенне Огненной! – внезапно запричитал священник, схватившись за свой огромный крест, поднимая его как можно выше над землёй и сотрясая после. Он словно пытался противиться собственным сказанным словам, используя подобный предмет для защиты от всяческих несчастий. – Вот они – творения Сатаны, поднимаются к нам из глубин ада, звери необычные, невиданные!

На собравшихся очень подействовало такое его проникновенное изречение, вызвав в душах смятение, беспокойство и трепет. Все замерли в ожидании продолжения, однако оно, как ни странно, не последовало.

– Ну хватит, отец Игорь, совсем ополоумел, что ли, в народе панику разводить. Всё под должным контролем, – опомнившись, быстро сказал властный гость. – И Вам я настоятельно рекомендую, батюшка, пока на время остаться тут, от греха подальше, – тот достаточно убедительно и повелевающе глянул сначала на него, затем на Людмилу, чтобы они сразу всё себе уяснили. – Хозяйка здешнего заведения будет рада принять Вас на несколько дней.

– Конечно-конечно, отец Игорь, всегда рада, гостите, сколько хотите, – произнесла она машинально, ошарашенная таким поворотом событий.

– Не будет ли любезна приветливая хозяйка угостить меня стаканчиком вина, дабы погасить необузданные чувства, естественно переполняющие меня в такой момент? – вымолвил священник совсем другим, изменившимся голосом, положив руку ладонью на грудь.

Дмитрий Александрович одобрительно кивнул, тем самым показав, что для него это будет очень кстати.

Людмила поспешила выполнить просьбу, дрожащими от волнения руками налила из бутылки остатки вина в стакан, немного расплескав его на стол.

– О, живительный бальзам на моё сердце, дающий успокоение грешной душе! – изрёк батюшка и залпом опустошил поданную ёмкость, вытирая после рукавом ряссы обмоченные усы и бороду. – Спасибо превеликое за угощение.

– Ладно, оставайтесь здесь, да сидите тихо, чтобы не привлекать внимания лишний раз, а то народ сейчас сильно буйствует. Всякое может случиться, – слегка улыбнувшись, высказался грозный распорядитель сущего и направился к выходу. – Я уж оповещу население, что им тут точно – делать нечего.

– Оксана к Вам собиралась! – крикнул ему вдогонку Андрей. – Хотела насчёт собак поговорить...

– Да надоела она уже, ей богу, вместе с мамой её! Какие там собаки сейчас, ситуация критическая. Не до этого пока, – здесь он, махнув рукой напоследок, окончательно покинул бар вместе с сопровождавшей его охраной.

– Вот нам всё и объяснили, – опуская тяжёлую задвижку на двери и вздыхая, попыток не было. – Да уж, как-то вовремя я в этот раз посетил Город. Нужно бы досказать всё до конца. Чего я там узнал, может нам действительно очень хорошо помочь.

Он развернулся, резко подошёл к столу и сел за него. Остальные также, не сговариваясь, начали рассаживаться по местам, будто по команде или следуя чьему-либо приглашению. Андрей стал рассказывать дальше, более погружать собравшихся в нереальность описываемых им событий, произошедших за гранью настоящей реальности.

Почему это случилось с ним? Кто знает? Возможно, предчувствие или судьба, которая находит того или иного, необходимого ей человека, оказавшегося в нужное время в нужном месте. Ход событий, закономерность или случайность? Но ведь, вероятно, это и есть главное свойство всех разумных существ – следовать своему предназначению, чувству, заложенному в них природой, помогающему выжить в экстремальных, непредвиденных ситуациях. Его нет у существ с менее развитым интеллектом, тупо следующих инстинктам и гибнущих в ходе эволюции, либо меняющихся до неузнаваемости, теряя первоначальный облик, пробуя приспособиться к обновлённой среде. Человеку не дано преобразиться, не дано измениться. Он сам переделывает условия своего существования на более подходящие. Ну, если у него, естественно, хватает на это знаний, разума и сил.

Однако Андрей продолжал свой рассказ. По ходу повествования слушатели вели себя довольно-таки разнообразно. Людмила то и дело прикрывала ладонями лицо, вскрикивала в паузах между словами, бессмысленно моргала глазами либо загадочно улыбалась, прищуривалась, точно вспоминала о чём-то своём. Николай время от времени нет-нет да снимал свои очки, видимо от волнения протирал их по несколько раз платочком, после надевал вновь, выговаривая при этом выражения типа: «Давай – давай!», «Не может быть!», ну и так далее. Антон же молчал, и лишь по одному выражению лица можно было уловить некоторые мысли, посещавшие его в тот момент. Оно менялось, становясь то крайне серьёзным и мрачным, то внезапно просветлевшим и ясным, то совсем уже по-детски улыбающимся. Отец Игорь, совершенно случайно очутившийся здесь, как и предполагалось, слушая всё это, вёл себя крайне неадекватно. Он часто вскакивал с места, хватался за свой преобладающий крест, размахивал им в разные стороны, попутно изрекая различные духовные наставления.

Так или иначе, но все слушали Андрея крайне внимательно и заинтересованно, лишь изредка в перерывах вставляли необходимые реплики, уточняя таким образом истинный ход произошедших событий.

Глава 7. Город

Он предстал передо мной во всём величии, поражая идеальной красотой и совершенством линий; будто бы впервые, каждый раз по-новому раскрывал свои стороны размеренной неторопливой жизни, удивляя тихим спокойным ходом её течения, неизменным образом бытия, какой существовал здесь, совсем другим, не похожим на остальные, окружающие его, обстоятельства. Город впечатлял необычайными размерами. Он простирался далеко за пределы видимости горизонта, не имея ни конца, ни края, захватывал всё вокруг в свои владения. Ровные корпуса домов в нём были окрашены в самые различные цвета, однако с единственным из них преобладавшим – тёмно-синим. Улицы, дворы, скверы отличались необыкновенным изяществом. Здесь было очень чисто, даже слишком, что особенно бросалось в глаза, притягивало внимание гостей, когда-либо видевших это великолепие, без той невозможно жуткой грязи, которая повсеместно наблюдалась за его пределами.

Очень редко, но всё же, в Городе росли деревья. Они казались слишком мелкими, миниатюрными, чтобы быть действительно правдоподобными, с ровной подстриженной кроной, листочек к листочку, будь то берёзки или клёны, иголлка к иголлке – у сосен и елей, приятного голубого или зелёного цвета. Они представлялись совершенно одинаковыми по высоте, пышности и, наверное, даже по количеству веток на них, посаженные на одном расстоянии друг от друга, будто кто-то его вымерил. Всё выглядело аккуратно и привлекательно, точно его обитатели приглашали людей поселиться в Городе уже насовсем, ни о чём не думая, не заботясь, жить именно здесь, позабыв проблемы, сомнения и страх, обыкновенно присутствующие в реальности.

Но оставаться тут надолго было совершенно неприемлемо, опасно для жизни, и даже более того – абсолютно смертельно, хотя такое предположение ничем естественно не обосновывалось. Откуда это стало известно? Просто люди знали именно такое положение вещей, хотя в точности ни один человек, конечно, не догадывался, что именно происходит в Городе в действительности, когда солнце завершает свой путь по небосводу и опускается вниз, погружается всем диском в некую невидимую, неизвестную область пространства. Никто и никогда отсюда просто не возвращался назад, пробыв больше положенного времени. Встретить же кого-нибудь из оставшихся – вновь прибывшим не случалось. Поиски также не давали положительных результатов. Как ни странно, но такие смельчаки всё же находились, которые намеренно не хотели перемещаться обратно, возможно устав бороться с неизбежностью или предавшись безрассудно страсти исследования неизвестного, неведомого, совершенно непостижимого для них течения жизни.

Даже солнце в Городе выглядело по-другому, приветливо окутывало, обволакивало своими лучами ультрафиолета, тёплыми, чуть припекающими так, что становилось уютно, комфортно; несколько не обжигало и в то же время не давало замёрзнуть. Оно было очень маленькое и слишком уж яркое, просто ослепительно-жёлтое, такое, что если взглянуть на него хотя бы на несколько секунд – оставляло тёмное пятно перед глазами, мешающее различать окружающие предметы как должно. Небо же, на удивление, предстало в приятных светло-голубых тонах, с чуть проступающими на нём сгустками белого чистого цвета, похожими на большие куски плотного лесного тумана, какой стоял лишь над неухоженными лесными болотами. Они будто взмыли высоко вверх, превратившись там во что-то лёгкое и завораживающее. Такие облака различных форм и объёмов, ни один не равный другому, медленно, практически незаметно для глаз, плыли в небе гигантскими хлопьями. Смотрелось это необычайно впечатляюще, тем самым вовлекало наблюдателей в свой бесконечно продолжающийся процесс. Возможно, здесь существовал уже другой мир, не известный привычной обыденности, недостижимый и призрачный для простых людей. Он виделся отда-

лётным проявлением будущего, неким подобием рая на Земле, своеобразным садом Адама и Евы, доступный лишь избранным его представителям.

Очнувшись на скамейке в парке, я сидел, слегка откинувшись на изогнутую её спинку. Начиналось утро, и уже заметно посветлело вокруг, как обычно бывает, когда перемещаешься сюда, оказываешься в самом начале, будто рождаешься заново. Приходилось переживать все события снова и снова, хотя каждый день в Городе будет безусловно-другим и, конечно же, не похожим на предыдущий. Гробовая тишина наполняла всё то, что в данный момент меня окружало. Но постепенно, с приходом нового дня звуки становились более отчётливыми и узнаваемыми, словно кто-то выстраивал в голове нужные частотные характеристики на их восприятие. Предметы начинали приобретать вполне реальные очертания, отстранялись от неясных и расплывчатых пятен, принимая положенную им резкость и образность, понятную и привычную всем в настоящей действительности без исключения.

Рюкзак валялся рядом, около скамейки, совершенно разодранный. Он был безнадежно испорчен, сделавшись непригодным для пользования, своим видом напоминая о недавнем нападении хищника. Необходимо было доставать новый, хотя в Городе это не составляло большого труда – взять в магазине ту или иную нужную вещь. Попутчика же моего рядом не оказалось, как, впрочем, и термоса с чудодейственным отваром. Вероятно, тот с его помощью восстановил положенные ему силы и ушёл по каким-нибудь неотложным делам, прихватив с собой и мой источник живительной энергии. Однако не буду говорить того, чего не знаю сам. Зверя вполне могло выбросить в другом районе Города, если брать во внимание скоростное движение электропоездов, хотя мы и сидели во время перехода на соседних сидениях. Такие моменты очень часто случались в реальности, доставляя массу неудобств людям, и многим, разумеется, это не нравилось, особенно тем, кто путешествовал группой.

Спустя некоторое время я огляделся по сторонам и понял, что нахожусь здесь совершенно один, и невозможно было даже определить: в каком именно месте. Этот парк представлялся мне незнакомым и крайне недружелюбным. Но долго ждать не пришлось, и, по обыкновению, я услышал звуки чуть различимых, но легко узнаваемых шагов, как наждачной бумагой шаркающих по сухому асфальту, становившихся по мере приближения громче, резче и отчётливее. Наконец вдалеке прорисовался знакомый силуэт человека, совсем немолодого, невысокого роста, шуплого на вид, имеющего привычку прихрамывать на одну ногу, ступать, будто подпрыгивать с каждым последующим шагом. Он подходил всё ближе, и я уже решительно приготовился к его едким замечаниям, не вполне обоснованным претензиям, пускай даже на самом деле это было несерьёзно, шутивно и наиграно. Однако неподготовленному человеку пришлось бы несладко и очень обидно выслушивать подобное, воспринимать такой его своеобразный юмор.

Уж не знаю, каким образом он узнавал время и особенно место моего очередного приключения, да ещё и успевал перемещаться туда, но всегда по непонятным причинам встречал меня именно он и никто другой. Возможно, здесь скрывалась какая-то тайна, которую он не хотел мне открывать, даже теперь, хотя я у него об этом и спрашивал, и не один раз. Он же всё время уходил от ответа, ссылаясь на то, что и сам о подобном не имеет ни малейшего понятия или просто-напросто отмалчивался, изображая из себя человека, лишённого всякого здравого мышления.

Так вот, подошёл он ко мне очень близко, почти вплотную, и, как обычно просверливая меня оценивающим пренебрежительным взглядом, громко и язвительно проворчал:

– А, это опять ты? Ездишь и ездишь, всё тебе мало. Скоро последние запасы из Города вывезешь, ничего не останется.

– Что Вам, жалко? Сами-то сюда как будто не за этим пожаловали, Виктор Павлович? – сразу постарался оправдаться я, давая отпор такому явному давлению своего старого знакомого. Конечно, мы были приятелями, но называть его на «ты», как, к примеру, дядю Колю,

просто язык не поворачивался, хотя он и выглядел намного моложе его. Разве что в нём было больше солидности, серьёзности, да и той, пожалуй, необходимой значимости, дающей превосходство и авторитет в глазах других людей.

– Жалко – не то слово! Мне ничего здесь не нужно, в отличие от тебя, – продолжал он тем временем, одёргивая серенькую потрёпанную ветровку, ухватившись снизу за неё обеими руками и прогибаясь назад всем телом по привычке. – Я езжу сюда лишь за тем, чтобы просто прилично пообедать в столовой, и не наживаюсь на таких вещах, как ты, снабженец хренов! Совесть надо хоть немного иметь.

Я лишь нахмурился в ответ на его замечания, не принимая их, однако, близко к сердцу. Виктор Павлович же улыбнулся, чуть заметно, уголком рта, одновременно хитро прищурившись маленькими глазками. Казалось, что ему было довольно приятно выводить людей из душевного равновесия, тем самым вызывать их на некую откровенность, должно быть, понятную только ему.

– Ну как?! Отошёл от своего пойла, или отвара – так вы его называете? Насопётесь, зальёте шары, а потом и рассказываете разные небылицы про Город, – говорил он, осматривая попутно пространство вокруг в поисках термоса, однако само собой его не обнаружив, начал придирается уже к попавшемуся на глаза мешку-рюкзаку, или, точнее, к тому, что от него осталось.

«До чего же всё-таки мерзопакостен этот человек, – думал я, между тем пропуская его слова мимо ушей. – Нельзя же так. Ладно я промолчу, но другой давно бы отреагировал на это соответствующим образом. Хотя он несомненно прав. Что бы я тут делал без его-то чётких указаний?»

Закончив свои порицания, Виктор Павлович наконец успокоился, смягчился, получив, видимо, желаемое удовлетворение от высказанного.

– Пойдём тогда уже позавтракаем для начала, здесь недалеко кафе есть. Можно покушать довольно сносно. Большой выбор различных блюд и напитков там предлагают. Точно говорю! – он протянул руку вперёд, чтобы помочь мне подняться. – По пути рюкзак тебе новый возьмём, а то как ты без него будешь? Согласен?

– Конечно, куда я денусь, – обречённо вздохнул я, вставая со скамейки на ноги.

Мы двинулись в путь, вышли из густого зелёного парка на улицу. Ощущения у меня были ещё неприятные: кружилась голова, и почему-то сильно болела грудь, но после десяти минут хорошей прогулки по свежему воздуху – всё прошло. Я почувствовал себя значительно лучше. Захотелось действительно чего-нибудь положить в рот, подкрепиться как следует, по-настоящему, основательно, и первым, и вторым блюдом, пускай даже и местным. Уж не знаю, чем нравилась моему знакомому такая городская еда, ведь пища, приготовленная дома, кажется гораздо вкуснее и питательней столовской, хотя, конечно, не скажу, чтобы она была несъедобной совсем. Не спорю: нечто притягательное в ней всё же присутствовало, но есть её постоянно, ездить сюда каждый день, чтобы просто пообедать, выглядело совсем полной нелепостью. Подобные ведь мероприятия являлись отнюдь не безопасными. Однако, наверное, дело каждого – рисковать или нет собственным здоровьем.

Улица, на которой мы находились, была достаточно широкая. Наверняка, она была чрезвычайно значима для обеспечения Города. Мимо неслись автомобили, но разглядеть тех, кто находился внутри, не представлялось возможным – стёкла машин были тёмными и не пропускали свет. Чуть помедленнее ехали автобусы и троллейбусы, как обычно, совершенно пустые. Только изредка в них можно было наблюдать кого-нибудь из пассажиров. И совсем уже не торопясь, по узким линейным путям тащились трамваи. Лязгая стальными колёсами, они переходили с одной шпалы на другую, слегка перестукивались по ходу движения, изредка перезванивались при остановках. На боку у некоторых красовались остроумные надписи: «Мы режем железобетонные плиты, как масло», «Не старьё, а раритет», либо

совсем непонятные: «Горящие путёвки на Европу», ну и так далее... Простых же людей, прохожих или таких же экспедиторов, как я, на улицах встретить никогда не удавалось, ни во время моих одиночных шараханий по Городу, ни в периоды целенаправленных путешествий под руководством всезнающего Виктора Павловича. Они словно куда-то пропадали совсем, прятались по закоулкам, лишь бы только не попасться мне на глаза. Удивительно, что и все остальные экспедиторы в посёлке рассказывали то же самое, но уже про себя.

Вскоре мы очутились возле магазина «Спортовары», и Виктор Павлович, мягко подтолкнув меня ко входу в него, произнёс:

– Иди, выбирай себе амуницию, я тебя здесь подожду.

Я вошёл туда и мгновенно вышел обратно, взяв первый попавшийся под руку рюкзак, а также новый термос и зачем-то ещё металлическую фляжку тёмно-зелёного цвета в обмотке из плотной хлопчатобумажной ткани, которую сразу повесил на ремень сзади.

– Управился уже! Быстро же ты соображаешь, опыт есть, – шутливо выкрикнул он, встретив меня возле дверей, выставив вперёд для каких-то целей небольшой, но видимо очень тяжёлый чемодан, который я заметил при нём только сейчас. – Давай-ка, Андрей, в самом деле, помоги мне. А то он, проклятый, мне уже все руки отдал.

Ни слова не говоря, я ухватился за шероховатую ручку этого чемоданчика. Тот оказался изготовленным из тёмного пластика, с плотными металлическими скобами по краям, и был действительно просто неподъёмным.

«Кирпичей он туда наложил, что ли? – подумалось мне ненароком. – Обязан я тащить его барахло?» Вслух же я не проронил ни слова больше из-за осознания того, что подобные действия были далеко не от праздной безмятежности. Да и в глазах Виктора Павловича читалась некоторая таинственность, которой ранее, в прошлые моменты моего приезда в Город, не наблюдалось. Чемоданчик этот, возможно, был особенно важным, тем более что встречал меня мой знакомый явно без такого предмета в руках, насколько мне не изменяет память, конечно. Откуда он его взял, пока я находился в магазине, оставалось загадкой.

Пройдя ещё немного вдоль улицы, мы свернули в небольшой сквер, в глубине которого возвышалось приличное двухэтажное здание из белого кирпича с нанесённой на нём надписью «Летнее кафе». Приблизившись, я мельком просмотрел весь ассортимент блюд, выставленный при входе, и пришёл в восторг. Он оказался довольно-таки объёмным. Действительно, выбрать было из чего.

Мой проводник приоткрыл двери, словно приглашал меня зайти в помещение первым.

– Проходи, не стесняйся, чувствуй себя как дома, – приговаривал он, следуя за мной буквально по пятам. – Молодым да решительным везде у нас дорога. Вряд ли где встретишь такое гостеприимство.

– Давно местные заведения изучили вдоль и поперёк? – пробовал сыронизировать я с чувством ущемлённого самолюбия. – Весь Город как свои пять пальцев знаете?

Тот что-то пробурчал неразборчивое в ответ, но я уже не стал его переспрашивать, что конкретно он имел в виду, а прошёл сразу внутрь, попал в небольшое подсобное помещение, имеющее в свою очередь две двери, которые располагались друг напротив друга. Одна была с вывеской «Магазин». Другая же вообще не имела никакой опознавательной пометки. Вероятно, за этой другой дверью и находилась столовая.

– Поворачивай налево и поднимайся на второй этаж, – с повелительной интонацией в голосе поторапливал меня Виктор Палыч, тихонько идя сзади и толкаясь. – Видишь, какое я тебе заведение подобрал. Тут можешь и товар выбрать по вкусу, добра хватает, но сначала позавтракаем. Есть у меня к тебе одно дельце как к опытному сельскому жителю. Уж поверь: ты будешь крайне заинтересован.

Он говорил это слишком таинственно, не так, как в обычные дни моего приезда, что меня очень удивило и одновременно насторожило, хотя подобное я вполне предвидел. Решив

уточнить его намерения, я уже было открыл рот, чтобы переспросить, но вовремя остановился. Ведь это у него ко мне дело имеется, так что пускай он и продолжает дальше. Никуда Палыч, в принципе, не денется, расскажет всё как есть, а если уж не захочет отвечать, то, зная его характер, информацию никакими силами невозможно будет из него вытянуть, как ни старайся.

Поднявшись по крутым узким лестницам наверх, оборудованным для безопасности прочными деревянными перилами, миновав по ходу и промежуточную площадку между ними, мы очутились в обеденном зале среднего размера, с кафельной плиткой на полу и мраморной крошкой на стенах. Потолок был довольно высоким, сделанным в виде нескольких небольших полусфер, таких же белоснежных и ярких, как и все находившиеся здесь предметы. Окружение буквально поражало необычной, ослепляющей белизной.

Как и везде, в зале стояла подозрительная чистота. Не было ни пылинки, ни соринки, ни какого иного мусора, не говоря уже о других безобразиях. Чем всегда мне нравился Город, так именно этим великолепным свойством. Как и во всех заведениях, где, собственно, я был, так и на улицах, в парках и скверах, везде, где только возможно, наблюдалась аналогичная ситуация. Кто же здесь всегда убирает и расставляет предметы по своим местам? Ведь не может всё происходить само собой как по волшебству. Хотя нет, имелся в столовой один неряшливый столик, до которого ещё не успели добраться невидимые сервировщики. До нас уже позавтракали: были сдвинуты стулья, на столе стояла грязная посуда с недоеденной пищей, с какой-то неприятно растёкшейся жидкостью, естественно, пробежавшей и на пол.

Мы выбрали место поближе к окну и, оставив на стульях свои вещи, направились к кабинке заказов напротив. Чудеса – чудесами, но ещё и обслуживать нас здесь никто не собирался. Остановившись перед ней, мы начали внимательно изучать меню.

– Ты чего бы съел? – хитро поинтересовался Виктор Павлович. – Видишь, для простого завтрака очень даже шикарно.

И действительно, тут подавалось два десятка только одних салатов, не говоря уже об иных закусках и десертах, как холодных, так и горячих, различных напитков и прочих излишеств. Такое изобилие в самом деле редко где увидишь.

– Ну, давай, выбирай поскорее. Лично я уже определился, – нервно сказал он, заходя внутрь.

После того как Виктор Павлович вышел, зашёл в кабинку и я, предварительно запомнив только три наименования: какого-то крабового салата с кукурузой, апельсинового сока и порцию хлеба. «Пока хватит, наверное, дальше будет видно», – подумал я и набрал их номера на клавиатуре специально предназначенного на то аппарата, дожидаясь, покуда те не торопясь появятся на прилавке. Удивительно, но сначала показались тарелка и стакан, возникнув буквально из пустоты, а только уже затем находящееся в них содержимое – салат и сок. В последнюю очередь высветился нарезанный кусочками хлеб, лежащий на салфетке из тонкой прозрачной бумаги, а также пластмассовая вилка, есть которой было невозможно в силу её непрочной конструкции. Составив пищу на поднос, я вернулся обратно к столику, возле которого находился Виктор Павлович, раскладывающий свои тарелки по всей его площади, сам аккуратненько присаживающийся возле на стул.

– Итак, – начал он, подождав, пока я последую его примеру. – Как ты смотришь на то, что я раскрою тебе глаза на некоторые вещи, относительно которых ты имеешь весьма отдалённое и неправильное представление?

Я вопросительно глянул на него, попытавшись определить, что уж такого необычного он может мне сообщить, чего я не знаю, но всё-таки из уважения изобразил удивление и заинтересованность.

– Дело в том, что нам понадобился шиповник, так он, кажется, называется. Вернее, его корни, и в довольно большом количестве, – продолжал говорить он, растягивая слова. – Вы

их завариваете как чай для возбуждения организма и снятия различных неприятных осложнений после перехода.

– А вы разве их не используете, чтобы приходить сюда? – спросил я его уже настороженно. – Ведь это ж природная защита от болезни!

– Ну, как бы тебе сказать? – тут Виктор Палыч лукаво улыбнулся. – Вообще-то я ниоткуда не прихожу, не перемещаюсь с места на место, как говорил тебе ранее. Это странно слышать, но я просто живу здесь, в Городе. Шиповник, в каком смысле вы его знаете, тут просто не нужен. Не спорю, он довольно ценный продукт, но Город и так даёт нам все необходимые средства, всё, что нужно для существования, и даже более. В некотором роде он и защищает нас от многих неприятных вещей, которые происходят за его пределами. Вот, Андрей, понимай это как хочешь.

Я просто замер в оцепенении: такое впечатление произвели на меня слова его. Наверное, на меня было жалко смотреть, если судить по издевательскому взгляду моего же собственного собеседника.

– Но как же так?... – постарался что-либо произнести я в ответ, после затянувшегося молчания. – Извольте шутить, Виктор Павлович, или это происходит со мною на самом деле?

– Нет, я не шучу, а говорю как есть. Таким серьёзным я никогда с тобою не был. Если не веришь, то можешь остаться в Городе подольше и убедиться, что ничего страшного с тобой не произойдёт. Увидишь собственными глазами, что опасаться нечего. Но я не за тем затеял этот разговор. Дело очень простое. Вы нам нужны как поставщики этих самых корней, а мы, в свою очередь, дадим вам оружие для борьбы с паразитами, и довольно эффективное оружие. Пробный экземпляр я вручу тебе прямо сейчас, только уж, пожалуйста, там, в посёлке, не поубивайте друг друга.

– С ума можно сойти, Виктор Павлович! И Вы всё время молчали, скрывая от меня такую тайну?! Разве ж так делается? – негодуя возмутился я. – И как вы тут живёте?

– Да так и живём помаленьку. А ты думал, что я тебе сразу всё рассказывать буду, да ещё и покажу в придачу? Ишь какой шустрый выискался! Кто ты такой, чтобы информировать тебя и сообщать, как оно всё устроено на самом-то деле. Между прочим, я не один здесь живу. Значит, не было крайней необходимости. Да и вообще, что с тобой разговаривать! Берёшься за дело или нет?!

– Мне нужно ещё посмотреть, что вы там предлагаете, – уже более умеренным тоном пробормотал я, тем не менее, совершенно ничего не понимая. – Вдруг какую-нибудь ерунду подсунете, с которой стыдно будет домой возвращаться. Кто же Вас знает? Теперь я уже ничему не удивлюсь.

– Ладно, не обижайся. Покушай хоть для начала, а то будешь потом говорить, что даже тебя и не накормил. О вас же заботишься. Зачем вам эти знания? Живите спокойно, куда имеются такие возможности. И кто бы спасибо сказал – так не дождёшься. Между прочим, я тоже ничего не ел, ещё со вчерашнего вечера, и желал бы спокойно перекусить в тишине, не обременённый никакими расспросами. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Всё горело во мне от нетерпения. Виктор Павлович уж знает как заинтриговать. В этом и заключается вся его подлая, мерзопакостная сущность. Ничего напрямую не скажет – приходится самому додумываться. Поломай, мол, голову, поскрипи мозгами, пока я над тобой издеваюсь. Вот и сейчас сидит, наверное, тихонечко посмеивается надо мной.

Чтобы как-нибудь пережить обиду, я принялся за еду. Салат мне такой раньше не попадался. Он оказался довольно необычным, хотя, конечно, я совсем не знал, что представляют собой крабы, но раз он так назывался, значит, их вкус я уже, наверное, попробовал. Чуть позже я отправился за известными мне копчёными рёбрышками барана в гречневой каше со специями, запил всё это апельсиновым соком и стал дожидаться Виктора Павловича,

пока тот не завершит свою трапезу. Он же, как нарочно, ел довольно медленно, тянул время, несколько раз уходил к кабинке, чтобы заказать себе всё новые и новые блюда. Я думал – это никогда не кончится, но Палыч, наконец, отложил в сторону последнюю испорченную им салфетку, вытерев предварительно ею губы, и, прекращая мои терзания, негромко сказал:

– Чего же ты мучаешься, страдаешь? Вот он стоит у тебя под ногами. Открой чемодан да загляни внутрь...

Глава 8. Испытание

Андрея прервал на полуслове тихий стук в дверь, едва различимый, раздавшийся откуда-то снизу, будто он исходил из глубины подвала или какого-либо иного сооружения, расположенного глубоко под землёй. Позже, спустя некоторое время, он повторился, но уже значительно громче, дребезжащий и пугающий, донёсшийся на этот раз со стороны окна. Все замерли в ожидании продолжения, боясь пошевелиться или издать любой малейший звук. Возможно, их разговоры были кем-то услышаны снаружи, привлекли внимание непрощенных гостей.

Настойчивый стук не прекращался, но разглядеть просившихся внутрь друзья не могли. Окно промёрзло до такой степени, что на нём не оставалось и кусочка свободного места. Оно было испещрено мелкими кристалликами белого инея, необычайно красивого и загадочного явления, появляющегося на границах резких перепадов температур в виде причудливых ледяных узоров, напоминающих собою замысловатые деревья и кустарники, с ветками и листьями на них, каждый раз по-новому изображённые неведомым художником. Вероятно, существовал какой-то закон, которому подчинялся весь растительный мир, наполняющий землю, определяющий его возникновение и развитие, образующий некую неделимую связь с этим представленным здесь творчеством.

– Откройте, это я – Оксана, – сказала Оксана, голос которой узнать было несложно по характерным только для неё интонациям. Произнесла она это негромко, чуть слышно для присутствующих в баре людей, словно находилась в каком-то расстроенном или подавленном состоянии. – Я пришла одна, не волнуйтесь. Пустите меня, а то я уже замёрзла.

Действительно, за разговорами приятели и не заметили, как за окном заметно потемнело. Наступала ночь – самое опасное время суток для тех, кто находился вне дома. В такие моменты температура воздуха опускалась крайне стремительно, и без специальной одежды можно было серьёзно пострадать. В другое время перепады свершались незначительно и, естественно, так серьёзно уже не сказывались на организме в целом.

Андрей отпер дверь, и Оксана ввалилась в бар в объятиях облака из белого холодного пара, который она увлекала вслед за собой, будто тот воистину стал её некой неотъемлемой частью, медленно и верно заползающий в помещение тоже.

– Слушайте, вас не дождёшься! Чего вы не открывали так долго?! – чуть помедлив, спросила она, отходя от эдакого, как ей казалось в тот момент, дикого холода, весьма недовольно осматривая присутствующих. – Полчаса уже стучу. Вижу: вся компания в сборе. Не просто так, наверное, здесь сидите?

– Да уж, Оксана, тебя нам только и не хватало, – пробурчал в ответ Николай, как всегда в обычной манере общения захотев над ней немного поиздеваться. – Только того и ждали, когда ты заявишься. Всё не можем никак решить, что нам делать дальше: оставаться здесь, идти спасать посёлок от грызунов или отправляться в экспедицию за оружием?

Гостья в недоумении посмотрела на Петровича, стараясь понять: серьёзно тот говорит или опять её разыгрывает, так как излагал он совсем уж непонятные для неё вещи.

Николай вкратце, как умел, пересказал своими словами недавнее посещение Андреем Города, конечно не без помощи окружающих, и не так красноречиво, как бы изрёк подобное истинный сказитель таких рассказов, запинаясь и пропуская некоторые подробности, ну и приврав естественно, по ходу сюжета, как он сам объяснял: «для создания некоего собственного эффекта». Однако главный смысл его повествования Оксана для себя всё-таки уяснила.

– Ну, и где же оно? – поинтересовалась та, обратившись после напрямую к Андрею с нескрываемым раздражением в голосе. – А ещё говорил, что ничего особенного не привёз.

– Да и сейчас бы не сказал, если бы грызуны не напали на наш посёлок самым наглым и отвратительным образом, каким только это можно себе представить! – насмешливо выкрикнул он в своё оправдание, в то самое время словно несколько перед ней извиняясь. – А что именно ты имеешь в виду?

Выражение лица Андрея изменилось на более доброжелательное, с заметной хитринкой в глазах. Он состроил Оксане такую ехидную рожу, желая немного её подзадорить и поднять настроение, что выглядел, безусловно, смешным. Однако от подобного представления веселее стало только окружающим, продолжающим слушать их эту несуразную перебранку.

– Ну, оружие твоё, что же ещё! – не поддаваясь на провокации, серьёзно продолжала она, теряя терпение. – Или будешь опять утверждать, что у тебя его нет?

– А разве я говорил, что получил его от Палыча? Ну да ладно, куда уж от тебя денешься.

Андрей нехотя полез в свою мятую потёртую кожаную куртку, напоминающую таким видом скорее какую-то черновую тряпку, нежели нормальную одежду, кою он недавно и без угрызений совести снял и повесил на стул, дабы она не мешала ему спокойно наслаждаться ужином. Засунув руку глубоко внутрь, в некий её потайной карман, о существовании которого, разумеется, знал только он, Андрей с явным трудом вытащил оттуда странный металлический предмет чёрного цвета, обёрнутый в промасленную бумагу, увесистый и плотный, который всё ещё блестел этим оставшимся, не успевшим вышаркаться, машинным маслом. Он подозрительно походил на множество строительных уголков, использовавшихся повсеместно в посёлке для фиксирования различных перекрытий, был с небольшим кольцом посередине, маленькой скобой внутри этого кольца и пятиконечной звездой по бокам, что явилось для всех полной неожиданностью.

– Вот оно, пожалуйста, – Андрей выложил предмет на стол, громко и внушительно им брякнув, показав тем всю серьёзность оной представленной вещицы. – Как пояснил мой знакомый, это и есть оружие, пистолет марки ТТ, широко используемый в ходе некой большой войны, случившейся довольно давно, в незапамятные времена, когда представители одного и того же вида уничтожали себе подобных в борьбе за ограниченные ресурсы и благоденствие для её устроителей.

– Это же чудовищно, людей убивать, – широко зевнув, возмутилась Людмила, но после прикрыла для приличия рот рукой. – Ну да, тогда ведь, наверное, не было этих несчастных грызунов, не на ком было злость свою срывать.

Однако пистолет не вызвал должного интереса у окружающих, по крайней мере такого, какое представлял себе Андрей. Только Антон лишь заметно преобразился, напряжённо и сосредоточенно впился в предмет глазами, словно тот обладал каким-то явным гипнотическим действием. Стараясь, по обыкновению, не показывать эмоций и сохранить положенное хладнокровие, он сел к оружию поближе, достал сигарету и закурил, попытавшись, однако, не смотреть в его сторону, хотя на его лице и читалась некоторая взволнованность происходящим.

– Ну, и как оно действует? – любопытствовал в конце концов Петрович, подошёл к столу поближе и легонько придвинул пистолет пальцами, очевидно пробуя взять его в руки. – Интересно, что на это скажет наш батюшка?

– Осторожно, дядя Коля, – предупредил его Андрей. – Не нажми на курок случайно, то оно может выстрелить!

– Что же это означает, ей богу? – изумлённо проронил Николай и, не став более испытывать судьбу, отступил от стола подальше на значительное расстояние. – Ты хоть бы показал, как им пользоваться.

– А где, правда, отец наш Игорь обретается? – осведомилась уже в свой черёд Людмила, осматривая взглядом помещение вокруг, захотев, возможно, обнаружить того где-нибудь неподалёку. – Тут же, на скамейке сидел?

Батюшка воистину куда-то пропал, как сквозь землю провалился, будто его и вовсе не существовало.

– А что, неужели он тут с вами находится? – Оксану сразу передёрнуло и начало непрерывно трясти, словно судорогой охватило всё её тело. – Только священников нам не доставало.

– И за что только ты его так любишь? – иронически заметила Людмила, подозрительно улыбаясь, уже зная заранее, что та скажет в ответ.

Она, как истинная хозяйка, тотчас занялась поисками отца Игоря, тщательно осматривала пространство между столами, стульями, не веря глазам своим, будто исследовала закоулки зала уже на ощупь в надежде всё-таки отыскать одного представителя священной братии. Но все её старания были напрасны и, к сожалению, ни к чему не привели.

«Странно, – думала она, – куда же он мог запропасться? Может, в подсобке спрятался?»

Это предположение вполне оправдалось. Батюшка, действительно, находился там и мирно спал на полу, свернувшись калачиком, приобняв для удобства свой внушительный крест. Он шевелил, причмокивал губами, как будто с кем-то разговаривал, всхрапывая порой до такой степени, что от этих издаваемых им звуков, казалось, сотрясались даже стены. Рядом стояла открытая бутылка коньяка, уже наполовину опустошённая, вероятно и поспособствовавшая ему так крепко уснуть. По всей видимости, батюшка несколько всё же по-своему воспринял предоставленное ему гостеприимство, что сполна им и воспользовался, прямо тут же поправив своё никуда не годное здоровье. Поняв это, Людмила разразилась пронзительным смехом. Отец Игорь даже невольно вздрогнул, чуть было не проснувшись совсем. Она ещё долго смеялась по дороге, но уже про себя, возвращаясь обратно в зал.

– Он там в подсобке дрыхнет, несчастный, умаялся от трудов праведных, – объявила она, войдя в помещение. – Храпит так, что всё вокруг ходуном ходит.

– Хорошо что мне его видеть не пришлось, – с облегчением выдохнула Оксана, меж тем немного успокоившись.

Тем временем приятели готовились испытать новое оружие в действии. Андрей держал пистолет обеими руками, прочно ухватившись за рукоять, загодя сняв его с предохранителя, а Николай выставял на стойку пустой полупрозрачный графин. После Петрович, естественно, отошёл в сторону и спрятался за одним из деревянных столбов, подпирающих крышу, дабы разлетающиеся осколки случайно не задели его самого. Графин был сделан из прочного отборного стекла, разбить которое обычным бытовым способом представлялось трудным занятием, но возможным, ежели постараться как следует, что впоследствии и случилось.

Антон же наблюдал за вершившимся молча, оценивал ситуацию уже издалека, даже, как виделось со стороны, немного поскрипывая и пощёлкивая при этом зубами. Он восседал за столом, скривившись в недоверчивой улыбке, явно натянутой и искусственной, подчёркивая тем возможное недовольство происходящим.

Наконец Андрей, держа пистолет на вытянутых руках, тщательно прицелился, постарался как можно точнее совместить обе мушки орудия вместе на цели и, затаив дыхание, плавно нажал на курок. Раздался выстрел, оглушительный и резкий, похожий на удар хлыста или хлопок бутылки шампанского, превращая стоявший на стойке графин в грудю обломков. Звон медленно и верно расползлся по комнате – отражался так в головах наших исследователей.

– Ничего себе! – только лишь успел в ужасе вымолвить Петрович, приседая от неожиданности на стул. – Так и удар получить недолго. Хорошо же головы грызунов разлетаться будут.

– А я уже подумала – землетрясение это или ещё что-либо подобное, – выдала Людмила после того, когда пришла в чувства.

Она выглядывала из-под стола, за который спряталась просто автоматически, естественно, желая остаться в живых. Однако опомнилась она быстро:

– А убирать кто за вами будет? Набездобразничали, насорили здесь. Так всё моё заведение по кусочкам разнесёте. Устроили тут стрельбище.

Она словно была вне себя от ярости, но взяла веник, совок в руки и, ещё долго ругаясь и ворча, быстренько смела образовавшиеся осколки полностью с пола и со стойки.

– Это вы видели действие простых патронов, но есть ещё и разрывные, которые при попадании раздирают плоть жертвы на мелкие кусочки, – приговаривал Андрей, забирая пистолет обратно в карман. – Тогда уж точно грызунам несдобровать. Палыч снабдил меня аж целым десятком таких обойм так, что оборону держать можно.

Тут из дверей, ведущих из подсобного помещения наружу, показался отец Игорь, совсем проснувшийся, но помятый, держа в руках недопитую бутылку коньяка. Верхи его рясы сползли куда-то вниз, образовали некое подобие фартука, обмотавшись вокруг жирного объёмного брюшка, выставив напоказ его голое тело с бледновато-синим отливом, выдававшее нездоровое состояние своего владельца. Он осмотрел присутствующих безжизненно-пустым, полностью отрешённым от мирских забот взглядом. Затянутые мутной плёнкой глаза его выражали состояние полного безумства. Так что вряд ли их обладатель в такой момент чего-нибудь ещё соображал.

Завидев того в проёме дверей, Оксана медленно начала пятиться назад, уходить с глаз долой, пока окончательно не исчезла куда-то совсем.

– Что это за гром небесный низвергается здесь?! – произнёс он, пробуя бессмысленным взором очей своих исследовать все закоулки представших ему на обозрение апартаментов.

– Вам послышалось, наверное, преподобный? – попыталась обмануть его Людмила. – Ничего особенного мы и не заметили.

Батюшка тем не менее не унимался, решив именно сейчас, как положено, огласить свои праведные откровения в свет:

– Грохот колесниц слышу я, стук их колёс непрерывный! К нам спускаются нечисти, неся беды и разрушения для мира нашего, и без того опустошённого, богами истинными покинутого. Будет жизнь испепелена их лучами смертоносными, уничтожающими всё живое, обезображивая облик Создателя до неузнаваемости, ужасающими небо и землю, не давая возвышения и не принимая людей в сад цветущий. Нет спасения на планете этой, подёрнутой грехом и безверием, в наказание на времена вечные. Конец для тварей божьих близок будет и безжалостен!..

– Бредить изволите, святой отец? Устали за день от дел насущных? – мягко молвила Людмила, подражая манере его изречений в намерении как можно точнее симитировать речь проповедника, тем самым несколько того утихомирить. – Пойдёмте на диванчик приляжете отдохнуть...

– Вещаю вам истинно! Конец света грядёт! Спускается антихрист, дабы навсегда истребить род человеческий. Гады и твари ползучие, звери невиданные выползают из нор своих и щелей, чтобы встретить приход его в величии превосходства и могущества над людскими жителями. Ад крошечный на Земле наступает! Гореть всем в Геенне Огненной!

– А вот как бы не так! Не бывать этому! – воодушевлённо выкрикнул было дядя Коля, хватаясь за Андрееву куртку, но буквально осёкся под пристальным взглядом Людмилы, замолкнул, как говорится: «в тряпочку», уведя взгляд куда-то в сторону.

– Пойдём давай, дорогой. Хватит тебе уже здесь безобразничать.

Хозяйка настойчиво подтолкнула священника к выходу, покуда тот, не противясь её давлению, не исчез за той дверью, откуда вышел всего пять минут назад.

Прошло ещё минут пятнадцать, пока Людмила, находясь в подсобке, умирляла отца Игоря, проводив его прямо до опочивальни. Вернулась назад она уже заметно повеселевшая, продолжавшая пребывать под впечатлением от увиденного, в довольно-таки оживлённом состоянии после всех произведённых батюшкой духовных наставлений.

– Как же он достал своими выходками! – войдя в зал и глубоко вздохнув, произнесла она. – Я там баню затапливала, так что идите, кто хочет. Она вполне готова. Сами же просили.

Приятели меж тем успели налить себе ещё по стаканчику, обсуждая предстоящее мероприятие.

– И Палыч говорит, что ему коренья понадобятся? – поинтересовался Антон. – А сколько, он не уточнил? Мешок, два мешка ему подавай, или сразу вагон необходимо предоставить? Можно будет их составом подвезти с погрузочной станции при желании.

– Где же мы их столько раздобудем? Хотя, думаю, стоит у людей поспрашивать, ради такого случая. Я уверен: помочь нам никто не откажется. Но тут без Александровича не обойтись. Так ведь, Оксана? – спросил Николай, обращаясь к пустому месту.

– Наверное, – отвечала она, как обычно материализуясь из воздуха. – Не знаю. Делайте что хотите, но уже без меня. Собак думала у него выпросить, так он не дал. Как будто из-за одной собаки оборона посёлка слабее станет. Они оказывают заметную помощь, но ведь и мы не для себя стараемся.

Тут она ненадолго задумалась и, обратившись после к Андрею, твёрдо и уверенно сказала:

– Нужно твоё оружие продемонстрировать в действии, тогда они могут заинтересоваться нашим предложением и собрать экспедицию.

– Это верно. Вот и займись делом: подготовь людей к сбору кореньев по всему посёлку, пока мы будем испытывать его на грызунах.

Людмила, наблюдавшая их разговор со стороны, к тому времени уже прилично подуставшая, которой, видимо, надоело слушать их пустую болтовню, наконец не выдержала:

– Ступайте давайте, а то баня остывает. Утром все вопросы решите, то, действительно, поздно становится, спать давно пора. Завтра будет день. Никуда грызуны от вас за ночь не денутся.

Антон и Оксана наотрез отказались куда-то идти, а вот Николай, одобрительно крикнув, весело и задорно произнёс:

– Ну как, Андрюха, попарим молодые косточки?! Где у вас тут веники живут?

– Там на месте всё и найдёте, – замахала руками Людмила в направлении дверей.

– Пойдём же, дядя Коля, уже вдвоём, раз другие не хотят, – отвечал Андрей, прихватывая с собой недопитую бутылку вина и пару стаканов за одним.

– Дурно вам не будет? На сытый-то желудок? – побеспокоилась Оксана. – Ещё и выпивку с собою берёте.

– Да мы ненадолго...

– ...Ну, так часа на полтора, – пошутила им вслед Людмила, проводив взглядом до двери, покуда те окончательно не исчезли за её порогом.

– Вот же, у тебя Андрюша совсем не такой, нежели мой муженёк, – сказала после небольшой паузы Оксана. – Более или менее делом занимается. Какое-то оружие вот раздобыл.

Людмила только помычала в ответ, стараясь не замечать её реплики. Она вдруг ни с того ни с сего начала собирать грязную посуду со стола, громко стуча тарелками, чашками и ложками.

– А что это за мужчина там сидит? – любопытствовала Оксана позже, опасливо косясь на Антона, который, задумавшись о чём-то своём, тихонько сидел за столиком, опустив голову вниз. – Раньше я его тут не видела.

– Его Антон зовут, – вздыхая, не поднимая взгляда, а также не оставляя своего занятия ни на минуту, чуть слышно проговорила Людмила ей прямо в ухо. – Ну правильно, он же здесь недавно появился. Откуда ты можешь его знать. Это ведь только дядя Коля у нас везде свой нос сунет. Хотя можешь подойти и познакомиться. Те двое, которые в баню сейчас ушли, вроде как собираются взять его с собой.

– Да ладно, уж потом как-нибудь... – она сразу приметно замаялась, совсем не зная, что ей следует делать дальше.

– Кто, может быть, чаю хочет? Я поставлю, – спросила Людмила громким голосом, явно желая привлечь внимание гостя. – Антон, Вы не хотите чаю?

Тот поднял голову и медленно повернулся ей навстречу.

– Спасибо, не откажусь.

– Сейчас. Тогда я мгновенно за ним схожу.

Людмила составила грязные тарелки на поднос и быстро вышла из зала. Через минуту она вернулась назад, неся в руках горячий чайник, и после торжественно водрузила его на стол.

– Надолго Вы к нам прибыли? – справилась она, решив тем не менее немного его поспрашивать.

– Да я и сам не знаю точно. Покуда не надоест, наверное, – нехотя откликнулся Антон и как-то неестественно наморщил лоб. – Сейчас ещё в экспедицию уйдём...

– Потом-то вы все вместе вернётесь?

– Ну, хотелось бы. Я на это по крайней мере надеюсь, – он улыбнулся.

– Очень хорошо... – задумчиво вымолвила Людмила, ненадолго погружаясь в какие-то уже собственные размышления.

– ...Ну а потом что будете делать? Поедете к себе домой? Далёко, вероятно, Ваш дом находится? – продолжила она свои расспросы. – А там у себя Вы чем занимаетесь, если не секрет? Или какую должность занимаете?

– Я – начальник охраны, – несколько резко и грубо ответил он, видимо не рассчитав сил, что получилось не очень тактично.

– Не хотите, можете и не говорить, – выразив обиду на лице, тихо произнесла она.

– Почему же. Но только рассказывать мне особо нечего. Сейчас вот отдыхаю, приехал в гости, а тут такое случилось. Понятно, что нужно помочь. Посёлок мой стоит недалеко отсюда, три остановки всего, в противоположную от Города сторону. Серёга Рыжий там грибы собирал. Так мы случайно и познакомились.

– Так же, как и с Николаем Петровичем?

– Нет. Скорее дело уж наоборот вышло, – Антон немного смутился. – Сергей здоровым детиной оказался. Одного грызуна аж голыми руками умудрился задушить. Приобнял так за шею, и – конец.

Людмила сделала вид, что не поняла сказанное.

– А вот про оружие это, какое Андрей нам демонстрировал, не знаете ничего, случайно?

– Я, как и вы, впервые его вижу. По мне так лучше арбалета или ножа ещё ничего не придумано. Андрей бы досказал свою историю до конца, то интересно всё-таки, чем дело-то закончилось.

– Вот они придут, так мы с них совместно и спросим, – подмигнула она Антону.

Здесь, словно по их просьбе, в зал ввалились красные как раки Андрей и Николай. От обоих шёл лёгкий пар, излучавший в воздух тепло и свежесть. Они оживлённо что-то

обсуждали между собой, даже перекрикивали друг друга, выглядели заметно возбуждёнными и повеселевшими, прямо до безобразия.

– Э-э-э, ребята, хорошо же вы, так сказать, наобщались? Андрей, наверное, свою историю дяде Коле уже и без нас поведал?

– Нет, Людочка, как можно! – выговорил он, тем не менее хитро переглядываясь с Николаем. – Ну разве только самую малость.

– Придётся начинать заново!

Он вздохнул и начал заново, забыв об усталости, скопившейся за день, в очередной раз переживая моменты своего недавнего непредсказуемого перехода. Теперь уже и Николай Петрович совместно с ним оживлённо участвовал в повествовании, зная немного хронологию событий, даже норовил поправлять того по мере возможности, будто сам присутствовал при всём описываемом действии лично. После он, конечно, выдохся и только слушал, попивал вино, поглядывая на сказителя одним глазом, иногда лишь молча кивал головой, точно истинно соглашался с дальнейшим развитием сюжета, пока совсем не положил голову на стол и не захрапел. Андрей говорил дальше один, заунывно и монотонно, словно ввергал окружающих его людей в лёгкое полужабытьё, навевал дрему, пока все таким образом, сидя на своих местах, окончательно не уснули.

Глава 9. Предложение

Виктор Павлович насмешливо смотрел на меня, оторопевшего от таких его слов и, видимо чувствуя мою нерешительность, уже сам взял свой чемоданчик в руки. Широким взмахом он сбросил со стола всю грязную посуду, которая с грохотом ударилась об пол и тотчас разбилась вдребезги, превратившись в груды обломков. Он положил чемодан на освободившееся место и быстро открыл его, разворачивая содержимым в мою сторону, словно собиравшись как можно скорее показать мне нечто особенное.

– Вот, посмотри внутрь, оцени все мои старания! – импульсивно выразился он так, подперев ладонью подбородок. – Бери, как есть, точно от себя отрываю.

В чемодане находился пистолет и два десятка обойм к нему, сложенных там достаточно аккуратно, зафиксированных к стенкам особыми креплениями, напомнившими мне почему-то ремни безопасности в медицинской комнате. Однако они были, разумеется, гораздо меньше по размеру.

После ряда наставлений Виктор Павлович начал учить меня пользоваться оружием, а именно: расстреливать стоявшую посуду вокруг, приговаривая: «Тяжело в учении – легко в бою», уродовать столы и стулья влетающими в них пулями так, что уши закладывало от разрывающихся выстрелов, и порой даже казалось, будто война началась. В чемодане лежало ещё десятков, как он их называл, осколочных гранат Ф-1, сходных внешним видом с пирожными из знакомой кулинарии, которые, на моё счастье, мы не стали испытывать прямо сейчас.

После обучения я наконец мог спокойно отдохнуть. Заказал себе стакан томатного сока, опустился на стул, каким-то неожиданным образом уцелевший в этой перестрелке, и осторожно посмотрел в сторону своего знакомого. Тот занимался лишь тем, что нервно прогуливался из угла в угол, наклонив голову вниз, видимо крепко о чём-то задумавшись. Облокотившись на спинку стула и набравшись положенной храбрости, я спросил его уже напрямую:

– Скажите мне, пожалуйста, как неграмотному сельскому жителю, если это, конечно, не большой секрет и не те неположенные знания, от которых вы нас оберегаете всё время. Зачем вам, таким умным, в Городе понадобились вдруг наши корни, если Город и без них защищает вас от всех неприятностей? Эти корни ведь большая редкость. Можно отметить: у нас их практически нет совсем. Разве что только в других селениях поискать.

Тут Виктор Павлович сразу как-то заворчал, начал плевать и фыркать по ходу движения, вытащил из кармана штанов небольшую пластиковую кнопку, напоминающую заглушку от лишнего шума и зачем-то проворно затолкал её себе прямо в ухо. Изъяснялся он при этом вполголоса, но довольно грубо и нецензурно, словно разговаривал так уже сам с собой, отворачивался и прятался в процессе за широкую мраморную колонну напротив, что было совершенно на него не похоже и подрывало в нём облик приличного цивилизованного человека.

– Секрет большой, но тебе, всё же, рассказать придётся, – спустя мгновение после неистового бормотания себе под нос, с трудом выдал он нормальный ответ. – Однако уже не сегодня, а чуть попозже, по прошествии хоть какого-то обусловленного времени и, естественно, лишь после того, как вы начнёте подвозить корни сюда.

Палыч продолжил ходить взад и вперёд, стал нервничать ещё больше, от напряжения или волнения принявшись быстро перебирать пальцами в воздухе.

– Не обижайся, но дело в том, что если сказать причину прямо сейчас, побудившую нас к вам обратиться, то многое будет непонятно и очень подозрительно выглядеть. Не слиш-

ком-то вы готовы в настоящий момент к той ситуации, какая сложилась на сегодняшний день.

«Будто теперь это не выглядит подозрительным, – мелькнула мысль у меня в голове. – Как странно ведёт себя Палыч последнее время, что совершенно необъяснимо и заставляет задуматься. Но, хоть какую-то выгоду можно будет получить от его предложения, и то хорошо».

– Наверное, сигареты будете из них изготавливать? – уже вслух предположил я, явственно пытаясь задеть его за живое.

Тот несколько замаялся и непонимающим взглядом посмотрел на меня, прекратив прохаживаться передо мною, подобно маятнику в напольных часах, что прежде меня только раздражало.

– В магазин-то сегодня идёшь? – необычайно дружелюбно вымолвил он, пропуская мои слова мимо ушей. – Продуктов там сегодня завезли, уж какие захочешь, на любой вкус.

– Естественно, зачем же я тогда приехал? Кушать-то ведь хочется, – произнёс я своё любимое выражение и с готовностью поднялся со стула.

– Вот и ладненько, спускайся вниз, а я покуда тут приберусь немного. Всё равно неудобно оставлять после себя такой беспорядок. Хотя мебель на место поставлю, – Виктор Павлович виновато улыбнулся, будто этим извинялся за выказанную им слабость, оправдывался в проявлении негативных эмоций. – Наберёшь товар – так подожди меня внизу, я к тебе уже сам подойду.

Я послушно потащился обратно, по тем же лестницам, что и прежде, очутившись в конечном итоге в знакомом маленьком помещении с двумя дверями и одной вывеской. Там я, естественно, шагнул уже в другую дверь, над которой красовалась надпись «Магазин», и остановился, замерев как вкопанный.

Из глубины зала на меня смотрела симпатичная девушка с приветливой обворожительной улыбкой, высокая и стройная, в лёгком бирюзовом сарафане из полупрозрачного шёлка, подпоясанная тоненьким, неприметным глазу пояском.

– Чего изволите, молодой человек? – ещё раз мило улыбнувшись, доброжелательно спросила она, выходя мне навстречу.

Её голубые глаза были полуоткрыты и выражали какую-то томливую надежду, как мне тогда наивно показалось, именно для продолжения знакомства со мной. Вьющиеся рыжеватые волосы распускались по их небольшой длине, красиво сочетались с бледноватой кожей лица, украшенного небольшим румянцем и ямочками на щёчках.

По всей городской теории вероятности здесь её не должно было быть ни в коем случае, да и вообще никого из людей, так как эти предполагаемые закупки свершались самостоятельно. Стоило только зайти и забрать необходимый товар прямо с витрины, услужливо наполненной различными продуктами питания, медикаментами, либо одеждой, другими нужными вещами – ассортиментом того отдела, в который пришёл.

– Ну, говорите же скорее, а то мы скоро на обед закрываемся, – флиртливо пролепетала она, выставив вперёд белую ножку, надув обиженно пухлые губки. Этим она будто выдавала истинную заинтересованность моей персоной. Я несколько даже оробел, тотчас лишившись дара своей драгоценной речи от неожиданности и явного нескромного давления, так импульсивно проявляемого с её стороны.

– Право, не знаю сударыня, но позвольте мне самому, однако, сделать свой выбор, – только смог пробурчать я в ответ, также стараясь быть любезным и приветливым.

– А выберите меня! – неожиданно предложила она, подаваясь вперёд всем телом, приподнимая объёмный бюст вверх. После девушка медленно направилась ко мне, ещё больше сокращая расстояние между нами. – Я действительно могу Вам очень хорошо при-

годиться, много чего умею делать. Полное количество функций и не перечислить будет. Я ведь и впрямь Вам нравлюсь? Ну хоть немножечко?..

С испугу я попятился назад, не зная, как действовать дальше. Спас меня от таких её откровенных притязаний внезапно явившийся в магазин Виктор Павлович, который прямо с ходу возмущённо и ворчливо высказался, как обычно, в свойственной ему резкой манере:

– Маша, ты опять принялась за своё?! Сколько раз я тебя просил не приставать к экспедиторам! Ступай сейчас же обратно к себе!

Девушка улыбнулась уже и ему, наверняка в силу привычки, и после быстро удалилась прочь, качая бёдрами и цокая туфлями на высоком каблуке.

– Кем же эта Маша Вам приходится? – с удивлением поинтересовался я, провожая взглядом прекрасную незнакомку до дверей.

– Не обращай внимания, – с трудом выговорил Виктор Павлович, всё ещё продолжая оставаться раздражённым её выходкой. – Позже всё поймёшь.

– Да как же я пойму, ежели Вы ничего не объясняете?! – взбунтовался я, принявши его слова близко к сердцу. – Мне кажется, я ей очень даже понравился.

– Сказал бы я тебе, как ты ей понравился и в качестве кого, да специально не стану, иначе забудешь своё истинное предназначение в жизни.

– Жена должно быть Ваша, или любовница? – спросил я его удручённо.

– Пускай будет так, – ответил он, запинаясь. – Приступай, однако ж, к своим обязанностям, то некогда мне тебя сегодня дожидаться.

– Так Вы даже и ждать меня собираетесь? Мы разве ещё куда-то идём?

– Конечно, раз хотел всё узнать. Покажу тебе, где я живу, – Виктор Павлович снял с моего плеча рюкзак и начал класть в него всё, что попадалось ему под руку. – Надо пошевеливаться, пока действительно магазин на обед не закрыли. Да и вечер приближается, а там стемнеет, глазом не успеем моргнуть, и нам будет несдобровать.

– Подождите, Виктор Павлович, не так быстро! – прокричал я, обеспокоившись тем, что он положит туда продукты, совершенно мне не нужные.

– Ну тогда давай уже сам, – он вернул мне мешок и поспешил к выходу. – Я тебя на улице подожду.

«Вот шанс подвернулся узнать об этом странном месте побольше, – думал я, меж тем собирая рюкзак. – Долго же я дожидался такого удобного случая. Теперь уж Палыч от меня точно никуда не денется. Пускай рассказывает всё как есть, ничего не скрывая, то не видать ему кореньев как своих ушей».

Набив походный мешок под завязку всякой питательной ерундой, я направился к выходу, еле волоча тот на себе, кое-как передвигаясь под его тяжестью.

– Ну, жадность тебя точно погубит, – с пониманием изрёк Виктор Павлович, наблюдая все мои мучения. – Придётся потом до дому провожать, то как бы чего не случилось по дороге. Такси сейчас закажем. И так уже поздно становится. Боюсь, не успеем мы до темноты из Города выбраться.

Он подошёл к специальному автомату напротив и набрал номер вызова, а также все необходимые характеристики: количество пассажиров, объём груза и другие подобные мелочи.

– А чего её бояться, темноты-то? – осторожно осведомился я. – Ведь говорите, что опасности никакой нет.

– Это для меня её нет: я здесь свой, а для тебя она очень даже существует, – мрачно пояснил тот, разворачиваясь всем корпусом. – Здесь работает некая программа очистки территории от посторонних элементов. Сам-то я, конечно, не знаю всех тонкостей, как она доподлинно действует, да и мне этого не увидеть при всём желании, хоть я много раз и про-

бывал выходить ночью на улицу, никаких результатов и изменений абсолютно не замечал, будто мы их совершенно не интересуем как люди.

– Что-то Вы уж совсем загадками говорите.

– Да как тебе такое объяснить? – тут Виктор Палыч посмотрел на меня, как на идиота. – Придётся тебе всё-таки сутки-другие здесь побыть, дабы ты хоть чего-нибудь да понял.

– Чтобы я исчез совсем, сгинул в глубине ночного Города так же, как и остальные пропавшие экспедиторы? Нет уж, спасибо, дорогой Виктор Павлович, лучше мне до вокзала как-нибудь самому добраться, – обеспокоился я. – То есть опасность, то её нет? Вас чего-то не поймёшь.

– Да что с тобою здесь произойдёт? – сейчас он уже будто начал уговаривать меня самого. – У тебя же блокиратор имеется, чего зря волноваться? Я его на зарядку поставлю, часа три вполне будет достаточно.

– Что у меня имеется? – переспросил я, напрягши извилины.

– Прибор такой, небольшого размера. Я его незаметно тебе в сапоги вмонтировал. Действие устройства ты активируешь, когда надеваешь их себе на ноги.

Он опустил руку вниз, указывая на мои обутки. Такую обувь я носил постоянно, в любое время, не расставался с ней иной раз даже тогда, когда спать ложился.

Тут мне припомнилось, как Виктор Павлович вручал мне эти сапоги, рассказывая явно какие-то небылицы о действии потусторонних сил на поведение грызунов, что именно такая обувь сможет уберечь меня от различных паразитов, кишящих в округе, якобы подсознательно на них воздействуя. Он выдал мне эти сапоги после трагического ранения весной и предупредил, чтобы я ни в коем случае их не менял и никому не передавал, что это – его подарок и будет крайне неприятно, если они как-либо окажутся в чужих руках. Обувка в действительности была очень удобной и прочной, и я особо не привередничал.

– И что же это такое?! Сами говорили: носи на здоровье, от грызунов помогут, незамеченным останешься, даже если находишься на расстоянии видимости этих тварей! Но как прибор будет работать здесь, в Городе?

– Какая разница. Принцип-то используется один и тот же. Просто я сделаю немного эффективнее его действие, увеличу мощность до максимума, – хитро подмигнул он мне, дабы таким простецким способом показать своё доброе расположение и, естественно, немного меня успокоить.

– Не хотел тебе говорить, да уж пришлось, – вздыхая, сказал он с нескрываемым чувством облегчения в голосе, будто скинул со своих плеч некоторую долю тяжёлой ответственности.

Подошло такси обычного жёлтого цвета, как и было положено для их образа деятельности. Почему-то именно с этим цветом у меня ассоциировалась данная служба. Конечно ещё и с чёрными шашечками на боку, а также и с прямоугольным фонарём, прикреплённом обязательно на крыше. Хотелось крикнуть со всей дури: «Эй, извозчик!», или нечто подобное в таком роде, но, к сожалению, водителя на месте не оказалось, да и не было там никогда, будто его и вовсе не должно было быть там изначально.

Виктор Павлович сам сел за руль, непривычно путаясь в педалях и коробке передач, перевёл машину в ручной режим, и после помог мне нормально поместить мешок на заднем сидении. Транспорт, естественно, оставлял желать лучшего, напоминал своим видом некое подобие катафалка. Всё было в нём невзрачно: покатое лобовое стекло для обзора, запасное колесо, торчащее большой шайбой сзади, наполовину прикрытое чёрным брезентовым чехлом, металлическая решётка на крыше для дополнительного багажа. Палыч громко хлопнул дверью, затем, подождав, пока я заберусь на соседнее сидение и закрою за собой дверь, резко тронулся с места, будто этим испытывал автомобиль на прочность. Эх, такую бы машину к нам в посёлок пригнать! Уж она бы точно всю нечисть в округе распугала!

Виктор Павлович выехал на знакомый проспект и, миновав трамвайные пути, резво погнал вперёд. Автомобиль сотрясаясь дребезжащим грохотом, гудел двигателем внутреннего сгорания, ревушим, словно целое стадо собак, наткнувшихся на одиночного, пытавшегося спастись от них бегством грызуна. Мимо неслись привычные многоэтажки: объёмные коробочки для людей, по-особому разделённые на несколько частей, дабы те могли там свободно находиться и существовать. Однако в таких сооружениях почему-то никто не жил. Подобное можно было утверждать смело, наблюдая закрытые металлические двери подъездов, которые я иногда проверял на прочность из чистого любопытства, когда имелось для этого свободное время.

Также по дороге нам встречались красивейшие парки и скверы, с довольно симпатичной архитектурой, растительностью, иногда с фонтанами и памятниками, изображавшими людей в странных одеждах или доспехах, с щитами и мечами, читающими какую-нибудь умную книгу, либо уверенно показывающими вдаль, скомкав в другой руке собственный головной убор, точно подчёркивая этим твёрдость и решительность своих намерений. На нас надвигались огромные, выполненные целиком из стекла здания, отливающие тёмной синевой окон и балконов, красиво переливающихся на солнце, словно крылья летучей мыши в ночном небе на пике её взлёта, величаво и уверенно парившей над окрестностями посёлка.

Проехав проспект до конца, мы повернули налево, выехали на незнакомую мне просёлочную дорогу, как тогда представлялось: каким-то чудесным образом ниоткуда взявшуюся здесь, посреди Города, или уже в самом его конце – достоверно сказать не могу. Ведь кроме центра я толком нигде не был, и даже не предполагал себе, как выглядело всё на его окраинах.

– Что, не ожидал? – подковырнул меня Виктор Павлович, замечая моё растерянное состояние.

Он старался удержать руль в руках, который то и дело норовил выскользнуть у него. Машину бросало то вправо, то влево, так как вся дорога была изрыта огромными ямами и впадинами. И мы вместе с ней подпрыгивали как на батуте.

– Ничего, скоро приедем, то время действительно поджигает. Ты ведь погостишь у меня немного, я надеюсь? – справился тот.

– Останусь уж, куда деваться. Всё-таки интересно, чем дело закончится. Честно признаться, такой дороги мои глаза ещё не видели, – отметил я, пытаюсь что-либо рассмотреть сквозь образующийся туман из пыли и песка. – Хотя Вам-то зачем так со мною откровенничать?

– Как это грустно ни прозвучит – надоело правду скрывать. Грядут великие изменения, и всё довольно скоро откроется. Чем раньше вы о них узнаете – тем лучше будет для нас всех. Время уходит быстро, словно вода, пролитая в песок.

Действительно, события развивались довольно стремительно. Приближался вечер, да и солнце исчерпало свой период пребывания в небе, находилось сравнительно недалеко от линии горизонта. А там потемнеет живо, и впрямь глазом не успеешь моргнуть.

Мы остановились на пустыре, можно сказать: прямо на свалке различных хозяйственных отходов – недалеко от продуктового ларька, каким-то невероятным образом очутившегося в этой глуши. Он был закрыт и вероятно никогда не работал вообще, как следовало, хотя на нём и красовалась вывеска с надписью «Продукты», довольно прилично оформленная, безусловно, привлекающая внимание гостей. Может статься, что он всё-таки открывался время от времени, по мере необходимости. Возле него размещалась видимо какая-то овощная база – некое кирпичное сооружение с невысокими металлическими дверями и покатой крышей, уходящей тыловой частью точно под землю.

Чуть вдалеке, на свалке, я заметил сидящих и изредка поглядывающих в нашу сторону нескольких человек, расположившихся там буквально на куче мусора, непонятно чего вообще там делающих. Некоторые из них что-то перерывали, непрерывно копаясь в отходах,

складывали найденное себе в мешки, особо не торопясь, по-свойски разгребали разлагающиеся завалы.

Виктор Павлович вышел из машины и потянулся, разминая затёкшие конечности. Я тоже открыл двери и прямо-таки вывалился оттуда, минуя подножку, на запылённую дорогу, чуть выпачкав в мягком сухом песке свои сапоги.

– Ну вот мы и на месте, – раскрыв заднюю дверь, констатировал он, вытаскивая наружу мой сверхтяжёлый рюкзак, после одевая мне его точно на подставленные плечи. – Ступай прямо к ларьку. Я пока машину закрою, – он подал мне в руки небольшой блестящий ключик с продёрнутой в ушко замасленной верёвкой. – Отворяй его и ложи туда свой мешок. Никуда он оттуда не денется, уж будь в том уверен. Ключ можешь оставить себе.

– Послушайте, а кто это там на помойке роется? Им что, магазинов мало, или столовых на всех не хватает? – возмущённо любопытствовал я, пробуя, тем не менее, развернуться в их сторону. – Раньше таких людей я нигде не видел.

– И не вздумай подходить к ним близко. Хватит с тебя уже одного знакомства здесь. Ещё неприятностей не оберёшься, – Виктор Павлович легонько подтолкнул меня в направлении ларька. – Иди давай, куда я сказал, и не выпрашивай лишнего, чего действительно тебе знать не положено.

Пройдя примерно около пятидесяти метров и поставив рюкзак внутрь, я обернулся, не понимая, почему Палыч остановился так далеко, хотя до требуемого места разумнее было проехать на машине. Через несколько секунд мне уже ничего объяснять не пришлось.

– Покажу тебе работу программы обновления Города, а заодно и продемонстрирую новое оружие в действии, – прокричал он мне, доставая одну из своих гранат.

Палыч сорвал кольцо и бросил её под автомобиль. Та кубарем подкатилась под машину, остановившись с удивительной точностью в аккурат между её колёсами.

– Падай на землю, если жизнь дорога! – скомандовал он, распластавшись после и сам, словно какой-то пляжный отдыхающий, желающий ещё раз насладиться тёплым мягким песочком, радуясь последним солнечным дням уходящего лета.

Я последовал его примеру, однако совершенно без удовольствия или какого-либо азарта, ни на секунду не отрывая взгляда от злополучной гранаты.

«Зачем машину-то уничтожать, какой в этом смысл? – подумалось мне. – Всю посуду в столовой переколотил. Может, его разум как-либо серьёзно пострадал от непрерывного проживания в Городе? Что же мне здесь попадаютсся одни сумасшедшие! Как ни приеду, так будто нарочно: никогда без приключений не обходится».

Раздался взрыв, сотрясший поверхность, как почувствовалось – невероятно страшной силы, образовав в эпицентре облако из пыли и песка, словно он был в состоянии разорвать даже землю рядом на несколько частей. Автомобиль подлетел вверх, превращаясь попутно в груды обломков. Он взорвался после и сам, вспыхнул страшным огненным пламенем, порождённым в свет топливом, с лихвой остававшимся у него в бензобаке.

– У меня просто нет слов, – лишь смог вымолвить я в завершение, вставая с дороги, отряхиваясь от насевшего на одежду песка и пыли. – Они давно уже закончились, ещё в столовой.

– Ну и не нужно ничего говорить, – отозвался Виктор Павлович, сверкая глазами. – И так, надеюсь, всё понятно. Пойдём лучше, я покажу тебе свои апартаменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.